А. Вольскій

Умственный рабочій

ЧАСТЬ I
Эволюція соціалдемократіи

Новое изданіе съ предисловіемъ и приложеніемъ

ЖЕНЕВА
1905

ПРЕДИСЛОВІЕ

«Эволюція соціалдемократіи» выпускалась уже два раза въ Россіи, но въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и въ очень несовершенномъ техническомъ исполненіи (на нелегальномъ гектографѣ и мимеографѣ).

Въ настоящее время эта брошюра можетъ быть издана вновь только съ особымъ предисловіемъ. Послѣднее оказывается необходимымъ по слѣдующимъ поводамъ.

Во первыхъ, сочиненіе написано очень давно, въ 1898 г. и для читателя требуются разъясненія, почему заключающаяся въ брошюрѣ полемическая критика соціалдемократической практики, критика момента столь отдаленнаго и столь непохожаго, въ особенности въ Россіи, на настоящее состояніе движенія, почему эта критика, хотя повидимому и очень устарѣлая, не лишена интереса и въ настоящій моментъ.

Во вторыхъ, сочиненіе написано въ ссылкѣ, въ отдаленной мѣстности Восточной Сибири, гдѣ не могло быть и рѣчи о детальномъ и всестороннемъ разборѣ подвергнутыхъ критикѣ положеній соціалдемократической теоріи и практики, не могло быть и рѣчи о всѣхъ необходимыхъ для сочиненія справкахъ. Но главный недочетъ предлагаемой брошюры, вызывающій необходимость новыхъ, хотя бы самыхъ бѣглыхъ поясненій, заключается въ слѣдующемъ.

Точка зрѣнія, на которой авторъ стоитъ въ настоящее время только в ы р а б а т ы в а л а с ь на протяженіи предлагаемаго читателю сочиненія. И только въ «Заключеніи»

брошюры она высказана въ главныхъ своихъ чертахъ. Напротивъ, болѣе раннія части сочиненія заключаютъ капитальный недочетъ: въ нихъ авторъ все еще обнаруживаетъ стремленіе вывести марксизмъ изъ его заблужденій на истинный революціонный путь, стремленіе оказавшееся въ теченіи дальнѣйшаго изслѣдованія совершенно утопическимъ.

Такія мѣста читатель самъ замѣтитъ, но не лишне будетъ прибавить, что брошюра была составлена изъ отдѣльныхъ рефератовъ, вошедшихъ въ составъ ея не въ той очереди въ какой были написаны. Такъ, напр. наиболѣе ранними являются двѣ первыхъ статьи о русскомъ социалдемократическомъ движеніи.

* * *

Первоначальная попытка настоящаго изслѣдованія оставаться въ предпринятой критикѣ марксизма на *марксистской* почвѣ, могла быть лишь преходящимъ, начальнымъ моментомъ этой критики. Дѣло въ томъ, что «Эволюція с. д-іи» раскрываетъ марксистскій «оппортунизмъ» раньше его выступленія въ видѣ бернштейніанства, стало быть еще въ періодъ его развитія подъ маской «революціонной ортодоксіи»; раскрываетъ его не только у будущихъ вожаковъ ревизіонизма, но и у самыхъ безпорочныхъ ортодоксовъ. Стремясь затѣмъ, въ виду такихъ наблюденій, отыскать первоисточникъ социалдемократическаго оппортунизма, нельзя было не установить его зародышей и основъ у самихъ основателей научнаго социализма, и не только въ ихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, не только въ явно оппортунистическихъ статьяхъ Энгельса 90-хъ г. г., но и въ образцахъ марксистскаго революціонизма, такихъ, какъ «Коммунистическій Манифестъ».

Понятно, что критика, доведенная хотя бы только до этого пункта, уже отрѣзывала всякую возможность признанія какой либо программы, пытающейся «удержать», либо «возродить» «первоначальную чистоту» социалистическаго ученія вообще и научнаго социализма, какъ наилучшаго его выраженія, въ частности. Поэтому отъ рѣшившихъ не двигаться съ мѣста ортодоксовъ, которые какъ разъ тогда объявили войну бернштейніанцамъ, «Эволюція социалдемократіи» не ожидаетъ никакого результата въ смыслѣ «очищенія пролетарской арміи отъ оппортунизма».

Провозглашеніемъ неприкосновенности марксизма объявлялись неприкосновенными и элементы оппортунизма, заложенные въ его основахъ. Реформизму грозила не смерть, а приговоръ произростать, какъ и раньше, втайнѣ, подъ покровомъ старыхъ революціонныхъ фразъ.

Только что отмѣченная точка зрѣнія въ развитіи предлагаемой читателю критики все еще являлась позиціей лишь временно занимаемой авторомъ «Эволюціи социалдемократіи.» Такая точка зрѣнія не означаетъ еще окончательнаго разрыва съ марксизмомъ. Напротивъ, она все еще допускаетъ и ожидаетъ его развитія, ибо, открывъ въ Марксовомъ ученіи «элементы оппортунизма», она готова признать ихъ лишь «ошибкой» и все еще наряду съ ними, видитъ въ принципахъ научнаго социализма подлежащую развитію основу «пролетарскаго ученія», основу «современнаго революціоннаго социализма».

На этой позиціи позволительно еще ожидать, что извѣстная часть марксистскаго лагеря, тамъ въ особенности гдѣ онъ возникъ недавно, подъ давленіемъ потребности освободить радикально «пролетарскую армію» отъ бернштейніанскихъ, оппортунистическихъ элементовъ, что такая марксистская фракція увидитъ, наконецъ, всю безплодность ортодоксальныхъ плановъ пораженія бернштейніанства путемъ превращенія въ окаменѣлость «пролетарскаго ученія», и, признавъ социалистическое ученіе еще незаконченнымъ, рѣшитъ развивать научный социализмъ въ направленіи революціонномъ, прямо противоположномъ ревизіонизму. Но такія ожиданія—одна сплошная иллюзія. Бернштейніада не вызвала ни у одного, даже самаго безпорочнаго ортодокса, ощущенія, что въ старой «пролетарской» наукѣ заложены, повидимому, какіе то использованные бернштейніанцами недочеты. Напротивъ,—когда цѣлая масса безгрѣшнаго марксистскаго воинства провозглашаетъ вдругъ открытую защиту буржуазнаго строя, коренное истребленіе зловредныхъ предразсудковъ о будущей насильственной экспропріаціи и окончательное утвержденіе социалдемократическаго ученія, какъ формулы буржуазнаго прогресса, —этотъ невѣроятный скандалъ въ непогрѣшимой с.-д.-ой церкви, по замѣчательной логикѣ ортодоксовъ, служитъ лишь новымъ, наиболѣе сильнымъ доводомъ безошибочности научнаго социализма.

Марксизмъ, а такъ какъ онъ лучшее выраженіе социализма XIX вѣка,—то вмѣстѣ съ нимъ и весь современный

соціализмъ рѣшилъ сдѣлаться религіей, безошибочнымъ социалистическимъ откровеніемъ, хотя бы заключенный въ этомъ откровеніи планъ освобожденія порабощенныхъ не осуществлялся цѣлыя столѣтія и тысячелѣтія, безпорочнымъ пролетарскимъ евангеліемъ, хотя бы всѣ грабители признали его, какъ въ свое время ученіе Христа, освященіемъ прогресса их господства.

Но въ такомъ случаѣ не мыслима наивная вѣра, будто соціализмъ истекшаго столѣтія родился и живетъ ради единственной цѣли скорѣйшаго низверженія современнаго строя неволи. Утопичны стремленія, проявляющіяся еще на болѣе раннихъ страницахъ «Эволюціи соціалдемократіи» вывести изъ «заблужденій» современный соціализмъ, «спасать» его «отъ компромиссовъ» и «буржуазныхъ сѣтей». Является, наконецъ, задача болѣе реальная: объявить нападеніе на общественую силу, тщательно скрывающуюся въ соціалистическомъ движеніи, для которой примиреніе соціализма съ существующимъ строемъ является не ошибкой, а естественымъ интересомъ, неотвратимымъ стремленіемъ. Рѣшеніе этой задачи въ «Заключеніи» настоящей брошюры намѣчается слѣдующимъ образомъ:

Искомая общественная сила есть образованное общество, въ его новѣйшей формаціи; растущая армія умственныхъ рабочихъ, интеллигенція, впитывающая въ себя съ прогрессомъ цивилизаціи средніе слои общества, мелкихъ капиталистическихъ собственниковъ; армія привиллегированныхъ «наемниковъ» капитала и капиталистическаго государства, находящаяся въ антагонизмѣ съ послѣдними при продажѣ имъ своихъ знаній, выступающая поэтому въ извѣстные моменты этой своей борьбы, какъ часть антикапиталистической пролетарской арміи, какъ соціалистическій отрядъ; потребитель національной прибыли въ то же время, владѣлецъ всей цивилизаціи, защищающій, какъ и всякій другой классъ собственниковъ, это свое имущество — результатъ вѣкового грабежа, — отъ нападенія ручныхъ рабочихъ.

Сообразно имущественнымъ интересамъ и планамъ этого новѣйшаго господина вырабатывалась формула соціализма прошлаго вѣка.*)

*) Вторая часть «Умственнаго рабочаго», вышедшая подъ заглав.: «Научный соціализмъ», спеціально занимается развитіемъ послѣдняго

«Соціализмъ XIX ст., вопреки убѣжденію всѣхъ вѣрующихъ въ него, не есть нападеніе на *основу* строя неволи, существующаго на протяженіи вѣковъ въ видѣ всякаго цивилизованнаго общества — государства. Онъ нападаетъ лишь на одну изъ формъ этой неволи, на господство класса *капиталистовъ*. Даже въ случаѣ его побѣды онъ не упраздняетъ вѣкового грабежа: онъ уничтожаетъ лишь *частное владѣніе матеріальными средствами производства* — землей и фабриками, онъ уничтожаетъ лишь *капиталистическую* эксплуатацію.

Упраздненіе капиталистической собсвенности, т. е. частнаго владѣнія средствами производства совсѣмъ не является еще упраздненіемъ *семейной* собственности вообще. Между тѣмъ, этотъ-то именно институтъ обезпечиваетъ вѣковой грабежъ, обезпечиваетъ только имущему меньшинству и только его потомству владѣніе всѣми богатствами и трудомъ вѣковъ, всѣмъ наслѣдіемъ человѣчества, всею культурой и цивилизаціею. Этотъ именно институтъ осуждаетъ большинство человѣчества рождаться неимущими, рабами, обреченными на пожизненный ручной трудъ

Экспропріація класса капиталистовъ вовсе еще не означаетъ экспропріаціи всего буржуазнаго общества. Однимъ упраздненіемъ частныхъ предпринимателей современный рабочій классъ, современные рабы не перестаютъ быть рабами, осужденными на пожизненный ручной трудъ; стало быть, не исчезаетъ, а переходитъ въ руки демократическаго государства — общества создаваемая ими національная прибыль, какъ фондъ для паразитнаго существованія всѣхъ грабителей, всего буржуазнаго общества. Послѣднее, послѣ упраздненія капиталистовъ, остается такимъ же, какъ и раньше господствующимъ обществомъ, образованнымъ правителемъ, міромъ бѣлоручекъ, остается владѣльцемъ національной прибыли, которая распредѣляется въ видѣ столь же приличныхъ, какъ и нынѣ, «гонораровъ» «умственныхъ рабочихъ» и, благодаря семейной собственности и семейному укладу жизни, сохраняется и воспроизводится въ ихъ потомствѣ.

Обобществленіе средствъ производства обозначаетъ лишь упраздненіе права частнаго владѣнія и распоряженія фабриками и землей.

Своимъ нападеніемъ на фабриканта соціалистъ ни въ малѣйшей мѣрѣ не затрагиваетъ «гонорара» его директора и инжинера. Соціализмъ истекшаго столѣтія оставляетъ неприкосновенными всѣ доходы бѣлоручекъ, какъ «заработную плату умственнаго рабочаго», объявляетъ интеллигенцію «незаинтересованной, непричастной къ капиталистической эксплуатаціи». (Каутскій).

Современный соціализмъ не можетъ и не хочетъ упразднить вѣкового грабежа и неволи.»

оложенія. Но такъ какъ вторая часть имѣется пока въ очень ничожномъ количествѣ экземпляровъ; то здѣсь приводятся главные ея ыводы, формулированные вкратцѣ въ одномъ мѣстѣ печатающейся ретьей части.

Вопреки формуламъ соціализма истекшаго столѣтія, вопреки формуламъ и социалдемократическимъ, и анархистскимъ, рабочему классу предстоитъ новая эпоха борьбы, эпоха *всемірныхъ рабочихъ заговоровъ, диктующихъ, посредствомъ всемірныхъ рабочихъ стачекъ, законы государственной власти.*

Въ этой новой эпохѣ борьбы, ведущейся исключительно за требованія *ручныхъ рабочихъ* (чисто-экономическія требованія), рабочіе, съ расширеніемъ своего заговора и своихъ возстаній, совершатъ *экспропріацію не только капиталистовъ, но и всего образованнаго общества,* всѣхъ потребителей доходовъ, превышающихъ доходъ рабочаго.

На мѣсто современной семейной собственности они завоюютъ возможность для каждаго человѣческаго существа *рождаться равнымъ съ другими владѣльцемъ богатствъ земли и цивилизаціи, пріобрѣтать своимъ рожденіемъ право и матеріальныя средства на одинаковое для всѣхъ проведеніе дѣтства и юности, на равное воспитаніе и образованіе.*

Лишь съ экспропріацiей современнаго образованнаго общества падаютъ устои вѣкового грабежа и неволи рабочихъ массъ. *)

* * *

«Соц-д-ія, та самая, которая такъ громко возвѣстила о своемъ рожденіи, какъ объ окончательномъ разрывѣ со всякими идеалистическими и религіозными теченіями исторіи, именно соц-д-ія и, прежде всего, ея первообразъ — германская соц-д-ая партія, выразила религіозную роль соціализма наиболѣе полнымъ всестороннимъ образомъ.

Изобрѣтя въ своей «пролетарской» наукѣ социалистическое провидѣніе, соц-дем-ія, въ своей практикѣ научила рабочія массы терпѣливо выжидать наступленія соціалистическаго рая и въ коммунистическихъ молитвахъ благословлять буржуазный прогрессъ.

Въ строгомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какъ росла соц-д-ія, какъ число ея приверженцевъ поднималось съ сотенъ на тысячи, съ тысячъ на милліоны, въ той же самой мѣрѣ, въ сознаніи всѣхъ соц-д-овъ «конечная цѣль» все болѣе и болѣе уходила въ даль вѣковъ и наконецъ стала въ мракѣ будущаго совершенно исчезать и расплываться

*) Ниже мы перепечатываемъ изъ другаго нашего изданія нѣсколько страницъ, въ которыхъ брошенъ взглядъ на развитіе соц.-д.-іи послѣднихъ лѣтъ. Эта цитата послужитъ для читателя не тольк

Никакой ростъ соц-д-іи не въ состояніи удержать марксистской «конечной цѣли» благополучно странствующей въ сферѣ мечтаній о загробной жизни.

Апокрифической, «объективной», «отъ воли людей независимой» «катастрофѣ промышленности» такъ и суждено, при буржуазномъ прогрессѣ удаляться съ каждымъ днемъ въ безконечность.

И хотя бы силы и численность міровой соц-д-іи востократъ возросли, единственнымъ результатомъ этого развитія будетъ прогрессъ классоваго строя, нѣкоторыя завоеванія въ области политическихъ формъ и полная буржуазная благонадежность соц-д-іи.

Тогда то наступитъ тотъ желанный моментъ, который грезился въ предсмертныхъ мечтаніяхъ основателю научнаго соціализма, *) тотъ моментъ, когда соц д-ія изъ «партіи порядка» становится партіей правительственной, — партіей изучившей въ совершенствѣ искусство управлять строемъ грабежа и неволи рабочихъ массъ.

Ревизіонизмъ не представляетъ собою какого либо искаженія или вырожденія соц-д-ой мысли. Напротивъ, онъ естественный шагъ въ ея развитіи, необходимая ступень въ выработкѣ соц-д-аго самосознанія.

Но ревизіонистская «ересь» формулировала итоги и перспективы соц-д-аго движенія слишкомъ откровенно, слишкомъ поспѣшно, а потому и легкомысленно, и обнаружила этимъ самымъ непониманіе сложности соц-д-ихъ задачъ и ихъ осуществленія. Только за эту излишнюю откровенность и несдержанность, ревизіонисты подверглись столь жестокимъ нападкамъ со стороны марксистской ортодоксіи.

Ибо, что касается основныхъ програмныхъ выводовъ ревизіонизма, то какой же ортодоксъ посмѣетъ отвергать ихъ?

— Насильственный способъ борьбы, вооруженная революція допустима лишь противъ силъ, мѣшающихъ учрежденію и развитію современной демократической свободы...

— Заговоръ, насиліе, революціонное нападеніе на свободный демократическій народъ — безуміе...

— Насильственное преобразованіе общества въ духѣ экономическаго равенства, насильственная соціалистическая экспропріація — абсурдъ....

— Соц-д-ія осуществитъ свои цѣли путемъ реформы, какъ выраженіе свободной народной воли въ демократическомъ государствѣ....

Какой же ортодоксъ, хоть бы онъ соединялъ въ себѣ всю пролетарскую пылкость Бебеля, весь непреклонный революціонизмъ стараго Либкнехта, всю марксистскую чистоту Каутскаго, Плеханова и Геда, какой же ортодоксъ можетъ отвергнуть хоть одно изъ вышеприведенныхъ ревизіонистскихъ положеній, послѣ того, какъ цѣлыми годами всѣ «ученики» вырабатывали эти соц-д-ія аксіомы въ безпрестанной геройской борьбѣ со всякими «истериками насильственнаго переворота», со всевозможными анархистами?

дополненіемъ того очерка развитія соц.-д.-іи, который сдѣланъ въ «Эволюціи», но и поправкой того утопизма, которымъ еще проникнута брошюра.

*) Энгельсъ въ Предисловіи къ Марксовой «Классовой борьбѣ».

Хотя для нападенія на реформистскую «ересь» объединились въ дѣйствительности всѣ вышеназванныя соц-д-кія добродѣтели, однако же отъ этого союза благочестивыхъ не суждено было пострадать, какъ извѣстно, ни одному еретику.

Нападеніе правовѣрныхъ соц-д-овъ на «ересь» имѣло цѣлью лишь научить бернштейніанцевъ сдержанности и прекратить ихъ до скандальности откровенную болтовню о томъ, что выработанная пролетарская практика представляетъ собой лишь формулу буржуазнаго прогресса.

Естественно, что въ результатѣ побѣдоносной борьбы ортодоксовъ съ ревизіонистами, планы послѣднихъ нисколько не пострадали, а создалось лишь такое положеніе, при которомъ ревизіонисты пріобрѣли возможность всѣ свои планы проводить подъ флагомъ марксистской ортодоксіи.

При помощи одной «красной» резолюціи Дрезденскаго съѣзда германская соц-д-ія, заключавшая только что, по крайней мѣрѣ, столько же приверженцевъ ереси, сколько и правовѣрныхъ, моментально очищается, становится вновь вся сплошь самой ортодоксальной, самой революціонной. Не исключивъ ни одного изъ оппортюнистовъ, она тѣмъ не менѣе съ тѣхъ поръ не заключаетъ больше ни малѣйшей доли «реформистскаго оппортюнизма». Этотъ замѣчательный способъ удаленія изъ партіи всякихъ бернштейніанскихъ элементовъ, такъ простъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ радикаленъ, что подъ нимъ съ такимъ же удовольствіемъ подписывается Бернштейнъ, какъ и Бебель.

Счастливо удавшійся въ Германіи способъ возрожденія и очищенія соц-д-ой партіи, послужилъ послѣднему соціалистическому международному конгрессу превосходнымъ средствомъ облачить всю грязь, наросшую за послѣдніе годы на «красномъ соціалистическомъ знамени», въ бѣлую, чистую одежду вѣчно безпорочной пролетарской партіи Германіи.

Амстердамскій конгрессъ, кромѣ того, постарался наглядно показать, что для «торжества соціализма», одинаково дороги и марксистская ортодоксія и ревизіонизмъ. Это два необходимыхъ элемента соціалистической церкви, дополняющіе другъ друга. Еще разъ обнаружилось, что всякая горячая ссора между этими двумя якобы непримиримыми полюсами соц-д-аго движенія, предвѣщаетъ, какъ во всякомъ счастливомъ супружествѣ, лишь болѣе горячее и скоро предстоящее примиреніе. Чѣмъ съ большимъ жаромъ Бебель и Жоресъ отлучали наканунѣ другъ друга отъ соціалистической церкви, тѣмъ съ большей любовью, въ слѣдующемъ засѣданіи конгресса, они призывали другъ друга къ единенію ad maiorem gloriam соціалистическаго знамени.

Что означаетъ вся эта комедія, разыгрываемая на глазахъ вѣрующихъ всего міра, все наглое бахвальство ортодоксовъ, всѣ ихъ лживыя увѣренія въ своей непримиримости по отношенію къ измѣнникамъ ревизіонистамъ?

Это та самая атмосфера безстыдной фразы, ханжества и усыпляющаго обмана, въ которой создавались всѣ церкви, всѣ религіи.

Демократическій буржуазный строй ортодоксы возлюбили не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ жоресисты и дальнѣйшее его развитіе они, нарявнѣ съ послѣдними, считаютъ уже осуществленіемъ «царства свободы и справедливости». Но имъ дано большее, чѣмъ ревизіонистамъ пониманіе того, съ какими трудностями связанъ этотъ буржуазный прогрессъ, а главное, его распространеніе на весь земной шаръ. Они понимаютъ сколь сильное давленіе должны произвести для этого на консервативныя силы современнаго строя пролетарскія массы. Если рабочія массы лишить соціалистической религіи, если въ нихъ поколеблется увѣренность въ томъ, что ихъ участіе въ развитіи «политической и промышленной демократіи» есть единственный и несомнѣнный путь въ соціалистическій рай, то, одинаково дорогія и ортодоксамъ и ревизіонистамъ цѣли соц-д-іи, т. е. буржуазный прогрессъ, не осуществятся.

Поскольку выступленіе Бернштейна было покушеніемъ на самое соціалистическую религію, на безошибочное марксистское евангеліе, лишь постольку ортодоксамъ предстояло обуздать бернштейніанство и привести его въ самосознаніе.

Соц-д-атъ долженъ, конечно, понимать, что, какъ это показалъ Бернштейнъ, въ системѣ марксизма сдѣлалось фразой многое — «горсть магнатовъ капитала», всемірная всеисцѣляющая «катастрофа промышленности», «насильственная диктатура прлетаріата» и т. п. Но горе ему, если онъ забудетъ, что въ эти фразы должны вѣрить непоколебимо тѣ массы, которымъ въ борьбѣ за буржуазный прогрессъ, въ буржуазныхъ революціяхъ предстоитъ быть пушечнымъ мясомъ.

Соц-д-тъ долженъ, подобно Жоресамъ, вкладывать всю свою душу въ буржуазный прогрессъ и его нужды, но онъ обязанъ также поучиться у ортодоксальнаго архиучителя — Каутскаго жонглерскому искусству превращать эти нужды въ «чисто пролетарскія» въ «соціалистическія».

Соц-д-тъ можетъ развивать и истолковывать свое марксистское ученіе даже до полнаго его согласія со всѣмм современными учеными мыслителями; но онъ не имѣетъ права заикнуться о «кризисѣ марксизма» и забыть о томъ что марксизмъ есть откровеніе, въ которомъ не можетъ чего либо не быть, которое не можетъ заключать что либо въ основѣ невѣрное.

Естественно, что эту сущность соц-д-ихъ стремленій и слѣдующую изъ нея сложность программы, соціалисты хуже понимаютъ во французской республикѣ, нежели въ германской имперіи. Но лучше всего и скорѣе всего соц-д-ая программа понята тамъ, гдѣ учрежденію буржуазнаго рая съ вкусными плодами его прогресса мѣшаетъ такая громадная сила, какъ русское самодержавіе, гдѣ соц-д-амъ приходится не только «довершать» «покинутое буржуазіей дѣло свободы», но и самимъ собственноручно продѣлать буржуазную революцію съ самаго ея начала.

Не смотря на молодость Р. С. Р. П., въ Россіи раньше, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, возникло бернштейніанство (раньше появленія Бернштейна - реформиста) и раньше чѣмъ вездѣ оно «совершенно» исчезло, превращаясь благополучно въ сплошную ортодоксію.

Русскій соц-д-измъ, какъ массовое явленіе, родился какъ бернштейніанство. Революціонеръ въ Россіи согласился стать соц-д-омъ

лишь тогда, когда даже для нѣмецкихъ министровъ и прокуроровъ стало несомнѣннымъ, что соц-д-ія — противникъ насильственной рабочей революціи, что она, какъ партія буржуазнаго прогресса, является во всякомъ конституціонномъ государствѣ «партіей порядка».

Русскій соц-д-измъ родился какъ легальный марксизмъ. Учителями нынѣшнихъ ортодоксовъ были извѣстные теперь вожаки русской либеральной буржуазіи, предвосхитившіе всѣ пункты ревизіонистской программы. Главнымъ и первымъ пунктомъ этого пролетарскаго ученія была цѣлесообразность, желательность и законность капиталистическаго прогресса и вѣра въ тредюніонистскаго рабочаго, какъ его носителя.

Воспринявъ такимъ образомъ соц-д-измъ, какъ формулу буржуазнаго прогресса, русскій революціонеръ формулировалъ одновременно съ этимъ соціализмъ, какъ идеалъ, какъ религію, вдохновляющую на этотъ прогрессъ и освящающую его.

Для превращенія русскихъ бернштейніанцевъ въ ортодоксовъ не понадобилось потомъ вовсе никакого ихъ перевоспитанія, понадобилось лишь ощущеніе возможности и близости столь желанной буржуазной революціи и вытекающее отсюда сознаніе необходимости внести въ русскія рабочія массы революціонную непримиримость по отношенію къ самодержавной власти и непоколебимую ортодоксальную вѣру въ соціалистическое провидѣніе, предначертанія котораго указываютъ, что единственный и несомнѣнный путь въ соціалистическій рай скрытъ во всероссійской конституціи.»

* * *

Русскому революціонному движенію предстояло глубоко вникнуть въ сущность современнаго соціализма, и ярко освѣтить его историческую роль. Соціализму XIX столѣтія, какъ формулѣ буржуазнаго прогресса, какъ религіи рабовъ буржуазнаго строя, въ Россіи суждено проявить все свое могущество и силу, представить шедевръ своего искусства — *буржуазную революцію въ XX вѣкѣ.* Осуществить эту мечту либерализма въ россійской имперіи, послѣ цѣлаго вѣка *рабочей* борьбы въ цивилизованномъ мірѣ, послѣ *іюньскихъ дней*, въ самомъ фокусѣ рабочихъ волненій, — это задача, достойная самыхъ ловкихъ въ исторіи политиковъ, самыхъ неутомимыхъ проповѣдниковъ, краснобаевъ и жонглеровъ мысли и слова. При запавшемъ уже въ душу пролетарія сознаніи, что строй политической свободы есть лишь строй укрѣпленнаго господства буржуазіи, лишь болѣе прочная тюрьма для рабочихъ массъ, — завлечь при такихъ условіяхъ рабочія массы въ борьбу на жизнь и смерть за укрѣпленіе собственной неволи, превратить небывалыя въ исторіи возстанія рабочихъ въ войну либераловъ съ царемъ за обезпеченіе буржуазному обществу конституціоннаго рая, — это громаднѣйшій трудъ, трудъ не одного поколѣнія, трудъ цѣлой плеяды ученыхъ, литераторовъ, политиковъ, цѣлыхъ легіоновъ рабочихъ воспитателей, проповѣдниковъ. Эту роль современнаго соціализма лучше всѣхъ выполняютъ представители наиболѣе послѣдовательнаго, наиболѣе умнаго выраженія соціализма — марксисты.

Русская соц.-дем.-ія упорно, непоколебимо, не смущаясь упреками невѣждъ, преслѣдуетъ это назначеніе революціоннаго соціализма. Въ послѣдніе годы она доставляетъ все болѣе и болѣе блестящіе доводы своихъ неоцѣнимыхъ заслугъ передъ буржуазнымъ обществомъ. Нынѣ вся Россія знаетъ, что революціонный соціализмъ, просвѣщенный безошибочной «пролетарской» наукой марксистовъ, является надежнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ слугою буржуазіи. *)

Въ концѣ 90-хъ годовъ соц-д-ія только кончала свою первую фазу развитія—фазу экономическаго маскарада. Первымъ с-д-амъ, самымъ горячимъ политикамъ, самымъ лучшимъ борцамъ за политическую свободу, для вовлеченія въ либеральную революцію рабочихъ массъ, для пріобрѣтенія ихъ довѣрія, для установленія за собой пожизненнаго званія пролетарскихъ представителей пришлось нарядиться въ ненавистное имъ платье экономистовъ, борющихся исключительно за узкіе интересы рабочаго, за «пятачекъ». **) Въ этотъ періодъ соц- д-ія служитъ еще у русскихъ революціонеровъ предметомъ дешевыхъ шутокъ по поводу мизерности ея революціонизма. Но кто же станетъ вскармливатъ революціонаризмъ въ борьбѣ за чужое дѣло, въ стачечной борьбѣ рабочихъ за ихъ экономическія требованія?

---

*) Это поняли въ настоящее время даже русскіе плутократы, и бакинскіе нефтепромышленники уже взяли на свое иждивеніе въ числѣ другихъ и соц.-д.-ихъ агитаторовъ. (см. Искра № 91)

**) Этотъ то маскарадъ авторъ «Эволюціи» въ наиболѣе раннихъ своихъ статьяхъ принялъ за проявленіе прямыхъ намѣреній русскихъ с.-д.-овъ и въ политической эксплуатаціи рабочихъ готовъ былъ тогда обвинять однихъ лишь «народовольцевъ», совращающихъ съ истиннаго пути безгрѣшныхъ соц.-д.-овъ.

Вотъ когда началось собственное кровное дѣло, когда само общество заговорило смѣлѣе о своихъ обидахъ, когда вся русская интеллигенція сообразила, наконецъ, что соц.-д.-ы все время воспитывали рабочихъ въ ея слугъ, когда студентамъ такъ легко удалось призвать себѣ на помощь рабочихъ и этимъ положить начало внѣклассовому объединенію и единодушной борьбѣ за общенаціональное освобожденіе Россіи,—тогда даже соц.-д.-іе оппортунисты провозгласили сразу терроръ и возстаніе, и русская соц.-д.-тія, поставлявшая до тѣхъ поръ однихъ осторожныхъ постепеновцевъ, моментально преобразилась вся въ революціонную ортодоксію.*) Но терять голову отъ достигнутыхъ уже успѣховъ и объявлять уже прекращеніе соц.-д.-ой будничной работы перевоспитанія рабочихъ массъ въ духѣ либеральныхъ идеаловъ—могли лишь с.-д.-іе недоросли изъ «Рабочаго Дѣла». Вѣдь не эксплуатація незначительныхъ рабочихъ батальоновъ студентами для завоеванія университетской свободы. есть задача с.-д.-іи. Эксплуатація всѣхъ рабочихъ массъ въ интересахъ всего буржуазнаго общества, долженствующаго вскорѣ стать антицарскимъ, единеніе всѣхъ классовъ населенія въ борьбѣ съ царизмомъ,—вотъ задача русскаго революціонера, поставленная съ классовой точки зрѣнія.

Когда въ 1903 г. вспыхло громадное движеніе Юга, с.-д.-ія безошибочно опредѣлила ту позицію, которую должна была занять въ немъ революціонная буржуазная интеллигенція. Провозгласить въ этотъ моментъ возстаніе не было никакого резона: русскому революціонеру незачѣмъ погибать въ вооруженной уличной борьбѣ, разъ массы борются пока не за него, не за его либеральный рай. а за себя, нечего проявлять особенный энтузіазмъ, разъ движеніе поднялось въ Баку и Одессѣ за чисто рабочія требованія. Классовая точка зрѣнія пролетаріата совѣтуетъ въ такіе моменты не увлекаться черезчуръ, не горячиться попусту. чтобы при видѣ кровавыхъ расправъ со стачачниками за ихъ рабочіе требованія, не забыть объ обидахъ, наносимыхъ царскимъ правительствомъ образованному обществу, не забыть о національномъ горѣ всей угнетенной Россіи.

*) Характеристику этого момента читатель найдетъ въ майскомъ воззваніи помѣщенномъ въ видѣ приложенія къ настоящему изданію.

Бурная экономическая стачка для сознательнаго пролетарія должна быть моментомъ хладнокровнаго перевоспитанія чувствъ и стремленій рабочихъ. Именно при свистѣ царскихъ пуль всего легче вытравить въ массахъ стремленіе всеобщимъ возстаніемъ, пошатнуть непосредственно свою неволю каторжнаго труда, заставить ихъ забыть о своихъ грошахъ и помнить лишь о самой чистой «свободѣ», которая ужъ очень просто формулируется потомъ, какъ стремленіе къ конституціи. Пока это еще не сдѣлано, пока массы бунтуютъ и готовы жечь и грабить буржуазную собственность, приходится устраивать лишь мирныя демонстраціи, проповѣдывать уваженіе къ частной собственности, организовать, какъ въ Баку, соціалдемократичнскую охрану.

Но поскольку во время массовой рабочей забастовки удается устроить демонстрацію съ антицарскими знаменами, митинги съ политическими рѣчами, завершающіеся столкновеніемъ съ царской полиціей, постольку уже получается основаніе убѣждать всѣхъ, и пролетаріатъ прежде всего, что рабочіе сами боролись за свободу слова, сами считаютъ самодержавіе главнымъ своимъ врагомъ, что движеніе въ общемъ является протестомъ противъ царизма, эпизодомъ буржуазной революціи.

Нащупывая такимъ образомъ во время рабочихъ возстаній 1903 г. свой собственный путь, путь направленія пролетаріата въ буржуазную революцію, русская соц.-д.-ія пріобрѣтенный ею опытъ привела въ связь съ практикой западноевропейскихъ соціалистовъ. Она вспомнила идеальныя съ ея точки зрѣнія бельгійскія стачки прошлаго и текущаго десятилѣтія, такъ ловко устроенныя соц.-дем.-ми съ исключительно либеральнымъ требованіемъ всеобщаго избирательнаго права; она замѣтила, что можетъ использовать и пропаганду анархистовъ всеобщей стачки въ виду того, что послѣдніе ничуть не настаиваютъ, на безусловно негодной для соц.-дем.-іи, *исключительно* экономической стачкѣ, а наивно приглашаютъ ее повторять почаще хотя бы «революціонную» стачку бельгійскихъ соц.-дем.-овъ. Наконецъ оба теченія германской соц.-д.-іи, и безпорочная ортодоксія Каутскаго, и буржуазный ревизіонизмъ Бернштейна одинаково высказались въ пользу всеобщей стачки, какъ средства защи-

ты и завоеванія буржуазнаго прогресса, доставляя такимъ образомъ для россійскихъ ортодоксовъ неопровержимый доводъ истинности выработанной ими пролетарской практики. Въ такомъ же смыслѣ, какъ извѣстно, высказался и Амстердамскій конгрессъ. Зловредная утопія, до тѣхъ поръ, пока имѣетъ въ виду чисто рабочія претензіи, становится безошибочно вѣрнымъ пролетарскитъ путемъ борьбы, если требуетъ удовлетворенія общенаціональныхъ нуждъ современнаго общества. Такимъ образомъ русская соц.-дем.-ія изъ недавняго рѣшительнаго противника «стачкизма» сдѣлалась очень горячимъ сторонникомъ «политической», «революціонной» стачки.

Происшедшая въ концѣ лѣта прошлаго года всеобщая стачка въ Италіи показала, что не существуетъ никакой соціалистической партіи, никакой анархистской фракціи, которая умѣла бы, которая хотя намѣревалась бы превращать бурно вспыхивающую по всей странѣ стачку въ рабочую революцію. Напротивъ сущность современнаго соціализма такова, что подъ его руководствомъ возстаніе рабочихъ цѣлой страны становится безопасной для буржуазіи демонстраціей и проходитъ безъ малѣйшаго нападенія на ея собственность, на ея имущественныя права, безъ малѣйшаго завоеванія рабочихъ.

Въ томъ направленіи соціализма, которое выразила соц.-дем.-ія въ своемъ развитіи, какъ «единственная партія порядка» въ демократическомъ государствѣ, какъ партія демократической буржуазной законности, — въ этомъ основномъ характерѣ современнаго соціализма не видоизмѣняютъ ничего даже и «самыя крайнія» соціалистическія теченія. Анархисты, — которые параллельно соц.-дем.-ому подготовленію соціализма — «пролетарскому» преобразованію парламентовъ и муниципалитетовъ, рѣшили подготовлять къ коммунистическому общежитію самихъ рабочихъ и призываютъ ихъ къ саморазвитію и самосовершенствованію, — влекутъ рабочихъ къ той же утопіи, что и соц.-дем.-ія — къ мирному на глазахъ полиціи, подготовленію «соціальной революціи». Какъ бы широко ни разливались, какъ бы бурно ни начинались возмущенія рабочихъ массъ, современный революціонный соціалистъ, какъ вѣрный слуга либерализма, направляетъ это возмущеніе въ сторону той или иной пустой утопіи. Отклоняя такимъ образомъ реальное нападеіе массъ на имущество буржуазіи обезпечивая этимъ безопасность современнаго строя, они, оказаннымъ на правительство давленіемъ «рабочей демонстраціи», предоставляютъ власть подстерегающимъ ее радикаламъ для развитія буржуазнаго прогресса.

Вотъ эта то роль современнаго «революціоннаго соціализма» составляетъ предпосылку и гарантію россійской буржуазной революціи.

* * *

Когда самодержавіе, очутившись въ очень затруднительномъ положеніи, разрѣшило прошлымъ лѣтомъ либеральному обществу помечтать, — русскія соціалистическія изданія всѣхъ фракцій одинаково, поняли свою задачу придать обществу смѣлости т. е. убѣдить его и гарантировать основательнѣе, чѣмъ когда бы то ни было либеральую сущность всѣхъ теченій современнаго революціоннаго соціализма. Собравшихся въ Петербургѣ земцевъ заклинали опереться на народъ, на его уличные демонстраціи, перестать, наконецъ, пугаться соціалистическихъ и «пролетарскихъ» фразъ, которые пишутся на знаменахъ и прокламаціяхъ единственно съ цѣлью удержать въ боевой готовности рабочіе батальоны, давно ожидающіе того великаго счастія, когда либеральные господа используютъ, наконецъ, ихъ горячую любовь свободы для спасенія и конституціоннаго оздоровленія великой болѣющей родины, всероссійской имперіи.

Соц.-д.-ая партія прибѣгла къ наиболѣе успѣшному способу окончательнаго искорененія въ обществѣ недовѣрія къ сознательному, соц. дем.-ому пролетарію. Либеральнымъ господамъ дана была возможность на ихъ банкетахъ осмотрѣть вблизи и ощупать рабочихъ — воспитанниковъ матеріалистической, классовой школы марксистовъ. Имъ дана была возможность убѣдиться непосредственно, на живыхъ экземплярахъ, что система воспитанія классовой борьбы противъ всей буржуазіи, развитія классового сознанія и непримиримаго антагонизма со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ ведется въ высшей степени успѣшно. Ученики величайшей честью для себя считаютъ стоять хотя бы у порога банкетной залы, хотя бы черезъ закрытую передъ ними дверь ея выразить свою солидарность съ либеральной буржуазіей. Они восприняли всѣ ея патріотическія заботы, всѣ мечтанія и идеалы и тверже всякого либерала знаютъ, что «единственный виновникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ — самодержавіе» и «единственный спаситель — самъ народъ», сами его либеральные представители. (Заявленіе соц.-дем.-ихъ депутатовъ въ комиссію Шидловскаго.)

Наибольшихъ усилій стоило соц.-д.-іи доказать обществу необходимость особой, *самостоятельной* партіи пролетаріата, для успѣха либеральнаго преобразованія «родины».

Соц.-д.-ія поставила себѣ задачей пролетаріатъ, — которому никакая конституція, никакія демократическія республиканскія свободы освобожденія еще не даютъ, пролетаріатъ, который при всѣхъ этихъ политическихъ формахъ все еще остается революціонеромъ, — организовать въ боевую армію общества, въ его настоящую гвардію, долженствующую выступить въ бой по первому призыву соц.-д.-іи. Для этого необходимо предоставить пролетаріату подъ руководствомъ соцдем.-іи полную обособленность и самостоятельность. Если только либеральное общество перестанетъ попусту пугаться соц.-демократіи, то увидитъ, наконецъ, что никто такъ не понимаетъ и не защищаетъ интересовъ его и его буржуазной революціи, какъ именно она; что она есть неразрывная часть этого общества, взявшая на себя спеціальную задачу воспитать пролетаріевъ въ боевую армію прогрессивной буржуазіи; что оно не должно больше колебаться въ признаніи полной обособленности и самостоятельности пролетарской, соц.-д.-ой партіи. И общество несомнѣнно пойметъ, что соц-дем-ая партія, только при своей формально полной обособленности сумѣетъ увлечь пролетаріатъ въ борьбу за всѣ по очереди пункты либерализма. Лишь поскольку соц.-дем.-ія не будетъ принуждена компрометировать себя различными демократическими блоками, — у пролетаріата составится доводъ и представленіе, что онъ, даже въ тотъ моментъ, когда служитъ простымъ пушечнымъ мясомъ за осуществленіе любой мечты либерализма, остается на своей пролетарской, классовой позиціи, въ антагонизмѣ со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, и лишь по стольку у него можетъ создаться необходимая иллюзія, что за либеральную программу, въ буржуазной революціи онъ борется не по чьему либо внушенію, не за интересы своихъ враговъ, а по собственному сознанію необходимости, въ интересахъ своего собственнаго освобожденія. Либеральное общество убѣдится, что передача исключительнаго права воспитанія пролетаріата такому опытному спеціалисту въ этомъ дѣлѣ, какъ научный соціалистъ, обойдется ему гораздо дешевле, чѣмъ предоставленіе его случайнымъ демагогамъ и авантюристамъ. Разъ пролетаріатъ борется самостоятельно и добровольно за буржуазный прогрессъ, какъ за собственную необходимость, онъ будетъ бороться даже совсѣмъ безвозмездно, «безкорыстно». Либеральное общество получаетъ отъ соц.-дем.-ой, пролетарской партіи несомнѣннѣйшую гарантію въ этомъ — она берется удержать полную обособленность и настоящую боевую готовность пролетаріата лишь до момента *полнаго освобожденія либеральнаго общества*, лишь до завоеванія всеобщаго избирательнаго права, которое она съ этой цѣлью формулируетъ, *какъ исключительно пролетарское требованіе*.

* * *

Всѣми указанными усиліями революціоннаго соціализма старается воспользоваться либеральное общество, послѣ того, какъ царское правительство грубо прервало его «весеннія мечтанія.»

Но первый актъ буржуазной революціи обязанъ своею импозантностью еще и случайному обстоятельству, придавшему много смѣлости русскому либералу, давъ ему гарантію безопасности русскихъ рабочихъ массъ. Рабочее населеніе столицы находилось цѣликомъ въ ловушкѣ, устроенной царскимъ патріотомъ, превращавшимся подъ вліяніемъ «весеннихъ» напѣвовъ въ патріота либеральнаго, или, точнѣе говоря, соединившимъ эти два чувства, которые онъ вселилъ въ душу петербургскаго стачечника.

Девятое января показало всю пустоту взводимыхъ на соц.-д.-ію упрековъ, будто она мѣшаетъ вооруженному возстанію противъ царизма. Соц.-д.-ія не только первая призвала рабочихъ къ вооруженной борьбѣ, но и сама приняла въ немъ участіе, ибо она въ этотъ день дождалась, наконецъ, буржуазной революціи въ чистомъ видѣ. Массы повторяли вмѣстѣ съ гапоновской петиціей: первое наше требованіе — конституція.

Наканунѣ 9-аго января петербургскій соц.-д.-атъ, какъ и всякій русскій революціонеръ ждалъ одного изъ двухъ одинаково дорогихъ ему исходовъ, — или нѣкотораго удовлетворенія петиціи, на что, впрочемъ, надѣялись мало, — или новаго злодѣянія царизма, окончательнаго крушенія вѣры въ царя, которое броситъ рабочія массы въ объятія либеральнаго общества.

Поэтому, имѣя возможность нѣкотораго непосредственнаго вліянія на требованія стачечниковъ, петербургскіе соц.-дем.-ы ни на минуту не подумали ослаблять либерально-царскую ловушку Гапона, преждевременнымъ разрушеніемъ иллюзій, которое могло бы вызвать въ рабочихъ колебаніе и разстроить столь счастливо сложившуюся у попа комбинацію, въ которой всѣ рабочія массы столицы пойдутъ къ зимнему дворцу съ прямымъ требованіемъ конституціи.

Равнымъ образомъ соц.-дем.-ія не проявила въ январьскіе дни ни малѣйшей доли доктринаризма, в

которомъ ее безпрерывно упрекаютъ — ее нисколько не смутили православные кресты и иконы. Напротивъ, центральный органъ заявилъ, что соц.-д-ія ничего не имѣла бы противъ, если бы вовлеченію рабочихъ массъ въ буржуазную революцію, наряду съ крестомъ помогли и генеральскіе эполеты, и чиновничьи кокарды.

Точно также ей не помѣшали никакія доктринерскія стремленія къ чистотѣ самой программы.

Петиція продиктованная Гапону петербургскими либералами на ихъ рабьемъ языкѣ монаршьихъ лакеевъ, петиція мечтающая о прямомъ дополненіи вѣковой вѣры русскихъ рабовъ въ царя «поставленнаго» «на счастье народу» вѣрой западно-европейскаго раба въ своихъ «народныхъ представителей» творящихъ его волю, — эта петиція безъ колебаній была признана соц-д-ой программой, тѣмъ безошибочнымъ пролетарскимъ знаменемъ, подъ которымъ должна возгорѣться борьба по всей Россіи.

Впрочемъ не только соц-д-ія, но всѣ современные соціалисты восхищены были блескомъ перваго акта буржуазной революціи въ Россіи. Всѣ соціалистическія теченія безъ исключенія, даже самые «страшные» изъ нихъ — анархисты всѣхъ странъ съ умиленіемъ встрѣтили тотъ успѣхъ, которымъ увѣнчалась Гапоновская ловушка. *) Уже по этому одному можно было предвидѣть, какъ это и случилось въ дѣйствительности, что весь современный революціонный соціализмъ, во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ, въ полномъ согласіи со всей европейской прессой либеральной буржуазіи, не согласится ни за что признать въ россійскихъ событіяхъ чего либо другого, кромѣ повторенія происходившей давно на Западѣ борьбы за политическую свободу, что онъ, какъ борецъ за буржуазный прогрессъ, будетъ до конца усматривать лишь борьбу съ царемъ, какъ бы ни разросталась въ Россіи рабочая борьба съ самой буржуазіей.

Блескъ россійской буржуазной революціи очень скоро померкнулъ. Произошло нѣчто сразу подрѣзывающее крылья и ей самой, и ея строителямъ соціалистамъ. Вопреки буржуазнымъ формуламъ и согласнымъ съ ними формуламъ соціалистическимъ, скоро возникло, наряду съ политическими демонстраціями, такое широкое, упорное стачечное движеніе съ чисто рабочими требованіями, какое рѣдко видѣла исторія западно-европейскихъ рабочихъ движеній.

*) Русскій анархистскій органъ «Хлѣбъ и Воля» попытался съ помощью своего древняго нарѣчія, перекозырять всѣхъ, называя Гапоновскую петицію прямо «народной правдой».

Европейскіе соціалисты тѣмъ не менѣе глубоко, повторяемъ, убѣждены, что правдивая характеристика настоящаго момента давалась скорѣе въ докладахъ фабрикантовъ русскому правительству, утверждавшихъ въ свою очередь вслѣдъ за искровскими соціалистами, что рабочіе недовольны не столько экономическими условіями фабричной работы, сколько общеполитическими неустройствами государства.

Россійскіе соціалисты очутились снова въ непріятномъ положеніи. Они стояли, жалуются бундовскія «Послѣднія извѣстія» передъ необходимостью растрачивать свои драгоцѣнныя для буржуазіи силы въ простой экономической рабочей борьбѣ. Въ семомъ дѣлѣ — можетъ ли быть что нибудь печальнѣе для соціалиста, какъ получить взамѣнъ столь долго ими подготовляемой буржуазной революціи «узкую экономическую стачку». Соціалисты ведутъ самую отчаянную борьбу съ полиціей напр. въ Варшавѣ, несутъ массу жертвъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока они надѣются отвоевать національныя права польскому обществу или хоть бы польской аристократіи, но погибать въ экономической борьбѣ рабочихъ, когда они при свистѣ пуль пытаются отвоевать лучшія условія труда, это для современнаго революціонера безусловно ниже его соціалистическаго достоинства.

Взрывъ повсемѣстной экономической борьбы, на мѣсто непосредственаго барикаднаго боя, о котормъ размечтались всѣ революціонеры послѣ 9-го января, обрекалъ снова соціалистовъ на участіе въ чужомъ дѣлѣ, на постепеновщину и осторожность, на заботу о «предѣлахъ революціоннаго дѣйствія» (заявленіе бюро комитетовъ большинства Р. С. Р. П.), объ охранѣ буржуазной собственности, обрекалъ ихъ, однимъ словомъ, на антиреволюціонизмъ въ такую минуту, когда возстаютъ рабочія массы по всей Россіи, принуждалъ ихъ обнаружить передъ правительствомъ

собственную безпомощность и основной свой антагонизмъ съ рабочей революціей.

Это безсиліе революціонеровъ придаетъ, понятно царскому правительству увѣренность даже въ самомъ затруднительномъ положеніи, ободряетъ его къ упорной неуступчивости и самому наглому авантюризму.

Все общество приходитъ въ крайнее негодованіе и стоитъ передъ вопросомъ о полномъ низверженіи царской власти. Но объ этомъ революціонеру можно было мечтать лишь въ первые дни послѣ январьскаго воскресенія. Экономическая стачка подрѣзала ему крылья и въ данномъ пунктѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если нападеніе петербургскихъ рабочихъ на Зимній дворецъ съ требованіемъ конституціи послужило сигналомъ къ массовымъ экономическимъ забастовкамъ по всей Россіи, то ниспроверженіе царской власти усилило бы въ безконечно большей степени претензіи рабочихъ, и гражданская война, виновникомъ которой либералъ считаетъ одно самодержавіе, разгорѣлась бы востократъ сильнѣе.

Въ провозлглашенномъ на баррикадахъ временномъ правительствѣ, какъ предостерегаетъ товарищей Парвусъ въ своемъ предисловіи къ брошюрѣ Троцкаго, русскіе рабочіе получили бы гораздо большую долю, нежели французскіе рабочіе въ февральской революціи. Это въ свою очередь усилило бы претензіи и надежды рабочихъ, которые могли бы потребовать — о, ужасъ! осуществленія «программы максимумъ».

Если с.-д.-ы рѣшаютъ въ такой моментъ уйти со сцены, то они этимъ, понятно, предоставляютъ поле дѣятельности тѣмъ самымъ охранителямъ, которыхъ нынѣ хотятъ низвергнуть.

Передъ грозящимъ, какъ и на Западѣ «непріятнымъ эпилогомъ» буржуазной революціи теряютъ смыслъ надежды, что буржуазное общество рѣшится, хотя бы подъ руководствомъ соц.-д.-іи на ниспроверженіе царской власти, колеблются всѣ мечты «Впередъ» о «демократической диктатурѣ пролетаріата и крестьянства». Совершенно пустой мечтой является и Ленинскій заговоръ, даже не для демократическихъ диктатуръ, а для наибольшаго давленія на самодержавіе.

Въ виду направленныхъ противъ общества массовыхъ забастовокъ, заговоръ большевиковъ обреченъ, раньше назначенія самого возстанія, установить «границы революціоннаго дѣйствія». Въ виду рабочихъ бунтовъ за «пятачекъ» этимъ бѣднымъ заговорщикамъ остается лишь разить царя грознымъ кличемъ «недалекій» «часъ возстанія *еще не* пробилъ», и во избѣжаніе дѣйствительнаго рабочаго возстанія превратить его въ привычный майскій праздникъ, объявленный на этотъ годъ «праздникомъ возстанія». Но въ такомъ случаѣ стоитъ подумать о томъ, не лучше ли по примѣру «Искры» подождать и предоставить окончательное нападеніе на самодержавіе какому либо демократическому генералу.

Итакъ россійская буржуазная революція и ея главные творцы и руководители соц.- д.-ы, послѣ 9-го января также, какъ и раньше, обречены пока на то, чтобы созданнымъ ими революціоннымъ давленіемъ на царское правительство получить отъ него *дарованную* свободу, конституціонное укрѣпленіе всероссійской имперіи, осуществленіе программы «Освобожденія». Отъ однихъ заявленій соц.-дем.-овъ, что они «требуютъ республики» «непремѣннно и немедленно», т. е. надѣются получить съ высоты престола вмѣстѣ съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ даже и республику, дѣло, конечно, не перемѣнится.

* * *

Какъ бы ни сложились развивающіяся нынѣ въ Россіи событія, *рабочее дѣло* заключается въ той экономической борьбѣ, которую ведутъ сами массы наперекоръ всѣмъ демократическимъ и соціалистическимъ формуламъ и программамъ; въ той борьбѣ, которая дѣйствующими соціалистическими партіями встрѣчается, какъ необходимое зло, какъ средство завлеченія и удержанія рабочихъ массъ въ буржуазной революціи; въ той экономической борьбѣ, которая касается *исключительно условій наемнаго, ручного труда*,— труда рабовъ современнаго общества.

Какъ бы ни сложились развивающіяся нынѣ въ Россіи событія, рабочее дѣло требуетъ *сосредоточенія*

всей революціонной силы массъ на ростъ экономическихъ требованій и расширеніи стачечнаго движенія, на освобожденіи этой борьбы отъ разставленныхъ противъ нея соціалистическихъ сѣтей, которыя успѣшнѣе, чѣмъ либеральные и демократическіе проповѣдники, опутываютъ умъ рабочихъ баснями о народоправленіи и свободахъ демократическихъ государствъ.

Рабочее дѣло диктуетъ стремленіе къ всероссійской экономической стачкѣ, превращеніе ея въ рабочую революцію, въ единодушное нападеніе на буржуазное общество и его государственную власть съ *конкретными, подлежащими немедленному осуществленію* требованіями, — оно диктуетъ организацію р а б о ч а г о з а г о в о р а для этой цѣли.

Такое движеніе въ силахъ вызвать и присоединить къ экономической борьбѣ рабочихъ борьбу *безработныхъ за немедленное обезпеченіе ихъ отъ голодовокъ*, стянуть въ крупные центры для этой борьбы всѣ голодающія массы россійскихъ городовъ и деревень.

Такое движеніе на высшей ступени своего развитія, въ моментъ крупныхъ возстаній и завоеваній рабочаго класса, въ состояніи найти отзвукъ, всколыхнуть западноевропейскихъ рабочихъ, усыпленныхъ мирной соціалистической проповѣдью и положитъ начало рабочей революціи въ цивилизованномъ мірѣ.

А. Вольскій

Женева
Апрѣль 1905 года.

ЭВОЛЮЦІЯ СОЦІАЛДЕМОКРАТІИ

Ученый міръ, въ лицѣ своихъ наиболѣе передовыхъ представителей, сдѣлалъ въ послѣднее время величайшее открытіе. Отнесшись со свойственнымъ ему благородствомъ къ претензіямъ рабочаго класса, разсмотрѣвъ съ безпристрастіемъ ученіе, считающееся наиболѣе точнымъ выраженіемъ стремленій пролетаріата, онъ не только не нашелъ въ немъ никакихъ переворотныхъ плановъ, а напротивъ въ его основѣ онъ открылъ вѣрнѣйшій залогъ дальнѣйшаго эволюціоннаго развитія современнаго строя, надежнѣйшее обезпеченіе отъ потрясеній, отъ катаклизмовъ, отъ революцій.

„Появленіе Карла Маркса, говоритъ радикальный нѣмецкій профессоръ, составляетъ рѣшающій поворотъ въ данномъ движеніи, такъ какъ онъ поставилъ это движеніе на почву совершенно иного міровоззрѣнія, историческаго пониманія. Переворотъ состоитъ въ томъ, что идеалистическая точка зрѣнія замѣняется реалистической, и такимъ образомъ по отношенію къ соціальному движенію идея революціи уступаетъ мѣсто идеѣ эволюціи: духъ 19 вѣка вытѣсняетъ духъ предшествовавшаго столѣтія... Этотъ реализмъ...обращается къ интересамъ, а не къ любви, не къ справедливости. Онъ убиваетъ, по крайней мѣрѣ принципіально, всякій утопизмъ и революціонизмъ“(Зомбартъ. Соціальн. движ. 19 ст.).

Какое великое открытіе! И, главное, какъ оно мило, жизнерадостно! Это настоящій бальзамъ для души филистера, столь долго и столь жестоко удручаемой краснымъ призракомъ.

Но, если „новая истина“ столь дорога для „просвѣщенной“ Германіи, то для русскаго „передового“ человѣка она просто неоцѣнима. Вдохновленный ею, русскій апостолъ учитъ читателей „Новаго Слова“: „Первая попытка начертать исторію развитія современнаго общества, теорію капиталистической эволюціи въ знаменитомъ „Манифестѣ“ Маркса была проникнута глубоко эволюціоннымъ духомъ и, если въ ней далеко уже не все соотвѣтствуетъ современной дѣйствительности, то именно потому, что эта дѣйствительность не походитъ на условія 40-хъ гг. Конвульсивный характеръ развитія промышленности уступилъ мѣсто другому, еще не-

достаточно опредѣлившемуся, но существенно иному. Пролетаризація народныхъ массъ оказалась — не только не тождественной съ ихъ пауперизаціей, но по своему соціальному значенію и политическому смыслу глубоко отъ нея отличной, даже противоположной."

И въ глубокомъ пророческомъ экстазѣ апостолъ восклицаетъ: „Соціальная катастрофа, которая въ 40-хъ гг., по объективнымъ матерьяльнымъ условіямъ производства, казалась столь близкой, теперь не то чтобы отдалилась, а просто на просто исчезла изъ реалистическаго поля зрѣнія, какъ старое представленіе о геологическихъ катаклизмахъ исчезло изъ геологической науки". (Новое Слово 97 г., 12 кн., Струве о Цюрихскомъ конгрессѣ).

Читатель „Новаго Слова" только что вынесъ не особенно пріятное впечатлѣніе отъ чтенія статьи о голодовкѣ, помѣщенной въ той же книжкѣ журнала. Новая истина сразу выводитъ его изъ грустнаго настроенія. Убѣдительно, при помощи такихъ красныхъ авторитетовъ она доказываетъ ему, что конвульсіи русскаго хозяйственнаго строя, сметающія чуть ли не ежегодно сотни тысячъ людей съ лица земли, совсѣмъ не конвульсіи, что милліоны пауперовъ, которыхъ создаетъ этотъ строй, вовсе не пауперы. Съ увѣренностью, не допускающей никакихъ сомнѣній, она ручается ему въ томъ, что эти милліоны совершенно не въ силахъ загрязнить стройное „эволюціонное" развитіе современнаго строя, не въ силахъ загрязнить даже въ такой мѣрѣ, въ какой, къ несчастію, англійскіе и другіе пауперы 40-хъ гг. загрязнили эволюціонную чистоту автора Ком. Маниф. Какъ же, спрашивается, русскому западнику новаго типа не воодушевляться этой величественной истиной, не почувствовать къ ней величайшей благодарности?!

Съ той же увѣренностью апостолъ возвѣщаетъ: „Соціально-политическій радикализмъ сроднился съ идеей эволюціи, онъ привыкъ думать и аргументировать э в о л ю ц і о н н о; наоборотъ, представители близорукаго консерватизма все болѣе и болѣе попадаютъ въ сѣти пагубной вѣры въ политическія и соціальныя чудеса. На двухъ именахъ изъ политическаго міра Германіи можно иллюстрировать нашу мысль. Эволюціонную идею въ германской политикѣ представляетъ Бебель, „р е в о л ю ц і о н н у ю"-король Штумъ и всѣ тѣ отъ высшихъ до низшихъ, кто вдохновляется его идеями".

Новая истина, такимъ образомъ, по ея собственному признанію, покоится на томъ явленіи, которое извѣстно какъ оппортунизмъ соціалдемократіи. Сущность новой истины и состоитъ въ увѣковѣченіи этого явленія. Склонность къ увѣковѣчиванію настоящаго характеризуетъ опредѣленнаго сорта мыслителей. Предки настоящихъ любителей вѣчныхъ явленій проповѣдывали вѣчность, неизмѣнность строя, въ которомъ жили; настоящіе ихъ потомки, принужденные признать необходимость нѣкотораго развитія современнаго строя, пытаются отвоевать хоть вѣчность „эволюціонизма" какъ естественной и единственно возможной формы мышленія соціально-политическаго радикализма. Ихъ благородныя усилія въ этомъ направленіи обѣщаютъ успѣхъ, и работа не трудно дается. Соціалдемократія въ своемъ оппортунизмѣ такъ далеко заходитъ, что радикальной буржуазіи нужно лишь поощрять и охранять крайнія его проявленія и лишь слегка „очищать" (Зомбартъ) ихъ отъ „традиціонныхъ революціонныхъ фразъ". Нѣсколько примѣровъ, за которыми, прибавимъ, не далеко ходить, подтвердятъ только что сказанное нами.

Вышеприведенная иллюстрація, рисующая Бебеля эволюціонистомъ и Штумма революціонеромъ, конечно, не выдумана. Въ 95г. Либкнехтъ въ слѣдующихъ словахъ пояснялъ вѣнскимъ радикаламъ („Die Zeit" №№36,37) значеніе всеобщаго избирательнаго права: „Государство, поставившее у себя честно всеобщее избирательное право, обезпечено отъ революціи... Всеобщее избирательное право есть соціально-политическій барометръ, который не создаетъ непогоду, а показываетъ ее... Барометръ функціонируетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ клапанъ безопасности. Нетерпѣливому пролетарію, думающему играючи разрушить государство, цифры показываютъ, что сотнямъ тысячъ товарищей противостоятъ милліоны иначе думающихъ. Это удаляетъ мысль о насильственной революціи и принуждаетъ къ мирной пропагандѣ и организаціи — къ практической дѣятельности... Не было и нѣтъ никакихъ государственныхъ измѣнниковъ въ Германіи, по крайней мѣрѣ, никакихъ снизу, никакихъ заговорщиковъ, никакихъ анархистовъ. и этимъ мы обязаны всеобщему голосованію, всеобщему избирательному праву и выучкѣ, какую оно намъ дало. Нѣмецкая соціалдемократія, поднятая до высоты фактора въ управленіи и законодательствѣ, изъ году въ годъ становилась практичнѣе и обдуманнѣе въ своихъ поступкахъ, и вслѣдствіе этого,—сорвемъ же наконецъ маску съ лицемѣрія! - она навлекла на себя гнѣвъ и страхъ заговорщиковъ реакціонеровъ. Эти господа знаютъ не хуже насъ, что то, что они называютъ беззаконностью соціалдемократіи, есть тенденціозная ложь. Наша законность опасна имъ, какъ нѣкогда заговорщикамъ бонапартистамъ во Франціи, которые свои самыя сокровенныя мысли высказали въ отчаянныхъ возгласахъ: „законность убиваетъ насъ." Враги всеобщаго избирательнаго права— враги государственнаго порядка, настоящіе люди переворота. И это наилучшее свидѣтельство для всеобщаго избирательнаго права, самый прочный бастіонъ противъ переворотныхъ стремленій всякаго рода. Нѣмецкая соціалдемократія,—хотя мы никогда не отрицали и не можемъ отрицать своего революціоннаго характера,-можетъ въ настоящее время, при господствѣ всеобщаго избирательнаго права спокойно сказать о себѣ: *мы единственная партія порядка въ Германіи*".

Буржуазный радикализмъ, для обоснованія своихъ положеній, можетъ изъ соціалдемократической литературы послѣдняго времени черпать не мало свидѣтельствъ вродѣ вышеприведеннаго. Если его упрекнуть въ томъ, что онъ обыкновенно пропускаетъ такія заявленія, какъ послѣдняя изъ фразъ Либкнехта: „мы никогда не отрицали и не можемъ отрицать нашего революціоннаго характера", то онъ не безъ основанія отвѣтитъ, что партія, называющая себя революціонной и одновременно единственной партіей порядка понимаетъ, очевидно, свой революціонизмъ довольно своеобразно.

Но, скажутъ намъ, соціалдемократія иногда все же ясно подчеркиваетъ свой революціонный характеръ. Такъ напримѣръ, Каутскій въ своемъ журналѣ: „Neue Zeit" 93-94 г., № 12, пи-

шетъ: *)

„Мы революціонеры, не только въ томъ смыслѣ, въ какомъ революціонна паровая машина. Соціальное преобразованіе, къ которому мы стремимся, можетъ быть достигнуто только посредствомъ политической революціи, посредствомъ завоеванія политической власти борющимся пролетаріатомъ. И опредѣленная государственная форма, въ которой только можетъ быть осуществленъ соціализмъ, есть республика, и именно въ самомъ обычномъ смыслѣ слова, т. е демократическая республика.“

Ко всѣмъ этимъ краснымъ словамъ буржуазный радикализмъ привыкъ и почему-то не смущается ими. Что касается „республиканскихъ потребностей“, то таковыя онъ очень уважаетъ, но думаетъ, что ихъ сущность можно удовлетворить безъ коренного переворота.

„Завоеваніе политической власти борющимся пролетаріатомъ“ намекаетъ, правда, на непріятную для буржуазіи вещь: диктатуру пролетаріата, но Каутскій спѣшитъ пояснить, что это дѣло происходитъ на нашихъ глазахъ въ формѣ парламентской борьбы соціалдемократіи, а эта послѣдняя проявляется все болѣе, какъ борьба за „участіе въ законодательствѣ“. Буржуазный радикализмъ невыразимо радъ, что непріятная вещь выражается въ формѣ такой пріятной и безобидной дѣйствительности. Это подаетъ ему надежду, что исчезнетъ даже и воспоминаніе о какой-то міровой диктатурѣ. Онъ не можетъ не сочувствовать глубоко такой метаморфозѣ. Лишь бы только это дѣло удержалось. Тѣмъ болѣе, что это вѣдь дѣло „оживленія парламентаризма“ для борьбы съ реакціей, дѣло „вспрыскиванія новой жизни“ (Каутскій) не только въ центральные законодательные органы, но и въ самые гнилые ландтаги. А такое дѣло позволяетъ надѣяться на спокойное удовлетвореніе „республиканскихъ потребностей“ общества даже при существованіи нѣмецкаго абсолютизма

Тотъ же Каутскій въ той же самой статьѣ говоритъ дальше въ главѣ „Революція и Анархизмъ“:...„Изъ двухъ противниковъ тотъ болѣе всего будетъ удерживать хладнокровіе, кто чувствуетъ себя сильнѣе другого. Напротивъ, кто не вѣритъ въ себя и въ свое дѣло, тотъ слишкомъ легко теряетъ спокойствіе и самообладаніе. Во всѣхъ странахъ современной культуры пролетаріатъ есть тотъ классъ, который болѣе всѣхъ вѣритъ въ себя и въ свое дѣло. Для этого ему не нужно предаваться никакимъ иллюзіямъ: ему нужно только прослѣдить исторію послѣдняго періода, чтобы убѣдиться какъ онъ повсюду безпрестанно прогрессируетъ, ему нужно только прослѣдить современное развитіе, чтобы почерпать въ немъ увѣренность, что его побѣда неотвратима. Политическое положеніе пролетаріата позволяетъ ожидать, что онъ будетъ пытаться такъ долго, какъ только возможно, довольствоваться примѣненіемъ вышеупомянутыхъ „законныхъ“ методовъ борьбы„.*)

*)Каутскій отвѣчаетъ здѣсь своему товарищу Кнорру, который въ катехизисѣ для нѣмецкихъ рабочихъ поучаетъ ихъ тому, что „революція есть историческое понятіе и часто она средство реакціи, а не прогресса... Соціалдемократія понимаетъ подъ революціей не возстаніе народа против правительства, но преобразовніе соціальныхъ отношеній... Величайшую революцію совершила сила пара... Соціалдемократія не есть ни антимонархическая, ни республиканская партія“. Каутскій, оцѣнивая эти взгляды автора, говоритъ: „націоналъ-либералы могли бы пожелать себѣ такого Кнорра“.

„Опасность, что это стремленіе не будетъ осуществлено, лежитъ главнымъ образомъ въ нервозномъ настроеніи господствующихъ классовъ... Политики господствующихъ классовъ по большей части находятся уже въ такомъ настроеніи, что имъ не остается ничего другого, какъ все поставить на одну карту. Они желаютъ вызвать гражданскую войну изъ боязни передъ революціей. Соціалдемократія, напротивъ, не имѣетъ никакого повода быть сторонницей подобной политики отчаянія. Она, напротивъ, имѣетъ поводъ стараться, чтобы взрывъ бѣшенства господствующихъ, если онъ уже долженъ быть неизбѣженъ, былъ по крайней мѣрѣ, отдаленъ возможно дальше, чтобы онъ наступилъ лишь тогда, когда пролетаріатъ сдѣлается достаточно сильнымъ для того, чтобы это нападеніе было послѣднимъ, и опустошенія, которыя оно можетъ повлечь за собою и жертвы, которыхъ оно можетъ стоить, были по возможности меньше“.**)

„Интересы пролетаріата требуютъ сегодня безпрекословнѣе нежели когда-нибудь, чтобы избѣгалось все, что способно вызвать безцѣльно господствующіе классы къ политикѣ насилія“.

Буржуазный радикализмъ очень сочувствуетъ высказанному въ вышеприведенныхъ словахъ Каутскаго желанію германской соціалдемократіи удержать настоящую ея политику законныхъ и мирныхъ средствъ. какъ единственно вѣрную и соотвѣтствующую интересамъ пролетаріата. Но онъ ждетъ доводовъ, что соціалдемократія сумѣетъ это сдѣлать. Онъ ждетъ гарантіи, что соціалдемократія сумѣетъ удержать свою политику, не смотря на могущее возникнуть по этому дѣлу недовольство въ ея собственныхъ рядахъ или въ рядахъ пролетаріата другихъ странъ, съ которымъ она связана традиціями интернаціонала.

Соціалдемократія своею исторіею 90-хъ гг. эти гарантіи уже

*)Въ означенномъ мѣстѣ Каутскій поясняетъ: „такъ называемый мирный методъ классовой борьбы ограничивается невоенными средствами: парламентаризмомъ, стачками, демонстраціями, прессой и т. п. средствами давленія“. Когда отъ соціалдемократіи требуютъ революціоннаго образа дѣйствій, то она не способна понять этого требованія иначе, какъ только въ томъ смыслѣ, что ее убѣждаютъ приступить къ военнымъ средствамъ, къ вооруженію, къ немедленной постройкѣ баррикадъ и т. д. Каутскій не хочетъ видѣть, что такъ называемый „мирный методъ классовой борьбы“, проповѣдуемый соціалдемократіей, не только исключаетъ „военныя“ средства, но и ограничиваетъ „невоенныя“, какъ стачки, демонстраціи, прессу...ограничиваетъ тѣми рамками, которыя допускаетъ законъ, распространяя въ умахъ утопію, по которой законными средствами въ конституціонномъ государствѣ пролетаріатъ можетъ достигнуть полнаго освобожденія.

**) Комментарій ко всему этому утопическому и фантастическому разсужденію читатель найдетъ ниже.

представила.

Въ этомъ отношенiи прежде всего было знаменательно отношенiе германской социалдемократiи къ мiровой манифестацiи 1-го мая. Въ 91 г. въ Штутгартскомъ журналѣ „Neue Zeit“ такъ разсуждали о первой майской демонстрацiи 90 г.: „Этотъ смотръ во всѣхъ странахъ удался сверхъ ожиданiя, кромѣ одной страны, которую можно назвать родиной социалдемократiи, кромѣ Германiи. Но это случилось, конечно, не по слабости партiи. Агитацiя въ пользу выборовъ (20 февраля 90 г.) заняла не только всѣ силы и сдѣлала невозможнымъ болѣе продолжительное приготовленiе къ майскому празднику, но кромѣ того избирательная побѣда низвергла старый режимъ и поставила у кормила правленiя новый, котораго нельзя было напередъ ни узнать, ни отгадать. Законъ противъ социалистовъ сдѣлался невозможнымъ. Должно ли на его мѣстѣ явиться обычное право, или же военный судъ? Это былъ вопросъ, на который 1-ое Мая должно было дать отвѣтъ. И что предполагалось, какъ демонстрацiя, могло казаться вызовомъ буржуазiи, которую 20 февраля выбило изъ колеи... Въ виду такого положенiя дѣлъ нужно было придать майскому празднику *какъ можно менѣе агрессивный характеръ*... Армiю, которая только что одержала кровавую побѣду, нельзя упрекать, если она тотчасъ же не примкнула къ хорошо устроенному *праздничному шествiю*... Праздникъ благодаря успѣху сдѣлался постояннымъ праздникомъ мiрового пролетарiата, а устраивается ли онъ 1 Мая или въ первое майское воскресенiе, это не важно... Майскiй праздникъ означаетъ *рѣшительный разрывъ съ анархизмомъ*, а также съ тред-унiонизмомъ. Требованiе 8-ми часоваго рабочаго дня есть обращенiе къ законодательству за ограниченiемъ эксплоатацiи... Но тамъ, гдѣ пролетарiатъ конституированъ, какъ особая партiя, независимая отъ буржуазныхъ партiй, тамъ... пролетарiатъ имѣетъ своею задачей не только *стремленiе къ реформамъ въ рамкахъ современнаго общества*, но завоеванiе политической власти. Хотя манифестацiя въ пользу 8-ми часоваго рабочаго дня *сама по себѣ не революцiонна*, но при данныхъ условiяхъ она сдѣлалась смотромъ для тѣхъ массъ, которыя движутся въ руслѣ международной социалдемократiи“.

Изъ приведенныхъ словъ „Neue Zeit“ видно, что съ одной стороны врожденный страхъ передъ всякимъ „анархизмомъ“, съ другой—великiя парламентскiя побѣды не позволяютъ нѣмецкой социалдемократiи понять все громаднѣйшее значенiе, какое имѣлъ призывъ Парижскаго конгресса къ мiровой майской демонстрацiи. Предложенiе манифестацiи 1 Мая исходило не отъ оффицiальной социалдемократiи. Оно было заимствовано изъ Америки, гдѣ рабочiе уже нѣсколько разъ устраивали массовыя стачки на I Мая. Идея майской манифестацiи связывалась, такимъ образомъ, съ идеей о массовой стачкѣ. Но генеральная стачка всѣхъ странъ—это вѣдь анархiя! Социалдемократiя поэтому уже въ Парижѣ прежде всего имѣла въ виду, чтобы демонстрацiя не была „анархистской“ и имѣла „какъ можно менѣе аггрессивный характеръ“.

Поэтому парижская резолюцiя говоритъ, что въ этотъ день должны быть устраиваемы демонстрацiи и предъявляемы властямъ требованiя. Не смотря на это массы, примкнувшiя къ демонстрацiи, „въ такой степени, какъ никто не ожидалъ“ (изъ той-же ст

Neue Zeit), демонстрировали большей частью въ формѣ стачки. Но нѣмецкая социалдемократiя, объяснивъ себѣ, что это лишь „праздничныя шествiя“ и подача петицiй властямъ за ничтожную реформу въ настоящемъ строѣ, а значитъ вовсе не революцiонное дѣло, съ высоты своихъ парламентскихъ креселъ гордо заявляетъ: Ради реформы въ современномъ строѣ (8-ми часового рабочаго дня) мы не можемъ подвергать опасности нашей организацiи, стремящейся не только къ реформамъ, но и къ преобразованiю всего строя,*) мы ради этого не можемъ терять той доли политической власти, которую мы завоевали. Майская демонстрацiя есть лишь смотръ, праздникъ и т. д., между тѣмъ какъ наше дѣло есть непосредственно социалистическое дѣло - доля диктатуры. Майская демонстрацiя—праздничное шествiе, наша парламентская борьба—„кровавая побѣда“. **)

И вотъ нѣмецкая социалдемократiя, руководитель социалистической мысли въ мiрѣ, поступаетъ въ этомъ дѣлѣ по примѣру консервативныхъ англiйскихъ союзовъ: она переноситъ демонстрацiю на воскресенiе, желая этимъ удалить даже возможность забастовки. Она не желаетъ вызывать „безцѣльно ярости господствующихъ классовъ“. На Берлинскiй партейтагъ 92 г. является австрiйскiй социалдемократъ Адлеръ, разсказываетъ о томъ, какое воодушевленiе создаетъ въ Австрiи майская демонсрацiя, какъ она призываетъ къ сознательной жизни самые глухiе уголки, создавая въ нихъ организацiи, и проситъ отъ имени пролетарiата Австрiи праздновать I-ое мая посредствомъ стачки. Въ отвѣтъ на это Бебель объяснилъ ему, что майская стачка можетъ имѣть такое громадное значенiе только въ тѣхъ странахъ, гдѣ пролетарiатъ лишенъ

---

*) Разсужденiе социалдемократическаго органа въ этомъ мѣстѣ должно быть въ особенности интересно для тѣхъ, кто увѣренъ, что всякая революцiонная оппозицiя противъ социалдемократiи можетъ покоиться только на слѣдующемъ принципѣ: вредно всякое завоеванiе пролетарiата въ настоящемъ строѣ, вредно всякое улучшенiе въ экономическомъ положенiи тѣхъ слоевъ рабочаго класса, которые этого достигнуть могутъ. Въ данномъ случаѣ сторонникомъ этого „анархистическаго“ принципа заявилъ себя.... самый солидный социалдемократическiй органъ.

**) Читатель, конечно, видитъ, что здѣсь передъ нимъ одно пустое фразерство. Вѣдь именно майская демонстрацiя не только что можетъ быть скорѣе названа кровавой борьбой въ сравненiи съ невиннымъ голосованiемъ, но и дѣйствительно таковою была въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Но откуда же происходитъ это фразерство? Повторяемъ, что это объяснимо только тѣмъ, что социалдемократiя дѣйствительно воображаетъ, что чѣмъ больше у нея креселъ въ парламентѣ, тѣмъ больше кусокъ диктатуры, этого кроваваго дѣла. Съ другой стороны, какъ показываетъ фраза—„празднуемъ ли мы 1-ое мая или первое майское воскресенiе, это все равно“—отъ германской социалдемократiи совершенно далека мысль, чтобы отъ нея могла кѣмъ либо и когда-либо потребоваться „анархистическая“ всеобщая стачка. Каутскiй, конечно, не замѣчаетъ, какъ въ данномъ случаѣ политика „законныхъ и мирныхъ средствъ“ ограничиваетъ „невоенное“ средство борьбы - мiровую стачку.

политическихъ правъ, а значитъ въ Германіи она не нужна. Партейтагъ чуть ли не единогласно отклонилъ просьбу австрійскихъ рабочихъ. На международныхъ конгрессахъ въ Брюсселѣ (91 г.) и Цюрихѣ (93г.) европейскіе соціалисты стараются разъяснить германскимъ всю важность майской манифестаціи и проводятъ резолюціи въ смыслѣ обязательнаго для всѣхъ странъ празднованія посредствомъ стачки. Германскіе соціалдемократы заявляютъ, что это значитъ насиловать волю нѣмецкаго пролетаріата (Бебель), что вслѣдствіе этой постоянной критики германской тактики и принужденія противъ воли подчиняться тактикѣ другихъ странъ, международные конгрессы могутъ совсѣмъ опротивѣть германскимъ рабочимъ вмѣсто того, чтобы быть конгрессами международнаго братства. (Бернштейнъ въ „Neue Zeit" послѣ Цюрихскаго конгресса). И только, когда благодаря поведенію нѣмецкой соціалдемократіи, все воодушевленіе майской стачкой пропало и наступило разочарованіе, такъ какъ откликъ массъ не находилъ сознательнаго выраженія и развитія дѣла, только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ споровъ съ европейскими соціалистами нѣмецкая партія признала (впервые, кажется, на Бреславльскомъ партейтагѣ 95 г.), что стачка есть найлучшая форма празднованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ добавила, что ее нужно избѣгать тамъ, гдѣ она могла бы нанести ущербъ организаціи.

Кажется съ перваго взгляда совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ всѣ обстоятельства этого дѣла не заставили нѣмецкую соціалдемократію глубоко призадуматься надъ своей политикой и критически разсмотрѣть ея основу. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, что же значитъ это явленіе: интересы европейскаго пролетаріата входятъ въ рѣзкую коллизію съ интересами „сознательнаго, соціалистическаго" германскаго пролетаріата. Если майская демонстрація такая, какою она была, такъ сильно повліяла на ростъ движенія въ Австріи, если въ Польшѣ она всколыхнула до глубины рабочій классъ если вездѣ на ея зовъ являлись массы, которыхъ никто не ожидалъ, то майская демонстрація, въ которой бы сразу приняли участіе въ формѣ стачки сотни тысячъ нѣмецкихъ рабочихъ могла бы, неизмѣримо усиливая значеніе демонстраціи во всей Европѣ, всколыхнуть и русскія рабочія массы и такія явленія, какъ Петербургская стачка, ускорить на нѣсколько лѣтъ. Но это *усиленіе* солидарной акціи европейскаго пролетаріата, достигавшееся участіемъ въ стачкѣ и германской соціалдемократіи, нанесло бы одновременно *ущербъ* пролетарскому дѣлу, такъ какъ уменьшило бы успѣхъ германской соціалдемократіи, которая непосредственно стремится къ завоеванію политической власти для преобразовнія всего строя (см. вышеприведенныя мнѣнія соціалдемократическаго органа „Neue Zeit", а именно: стачка вызвала бы усиленіе исключительныхъ законовъ, а тогда немыслимъ былъ бы прогрессъ парламентскихъ завоеваній).

Эта путаница, это мнимое противорѣчіе пролетарскаго дѣла съ самимъ собою проистекаетъ изъ того, что нѣмецкая соціалдемократія съ понятіемъ -„завоеваніе пролетаріатомъ власти для преобразованія капиталистическаго строя" -оперируетъ, какъ утопистъ, не такой, конечно, утопистъ, который не создаетъ ничего, но такой, который создаетъ не то, что говоритъ. Этимъ понятіемъ она окрещиваетъ дѣло, которое по самой своей природѣ не можетъ вмѣс-

тить его. Свои парламентскія завоеванія она отождествляетъ съ достиженіемъ господства пролетаріата и разсуждаетъ такъ: чѣмъ больше голосовъ, депутатовъ, тѣмъ ближе захватъ власти. По скольку соціалдемократія это дѣлаетъ, по скольку, значитъ, смотритъ на утопію, какъ на нѣчто вполнѣ реальное, по стольку она необходимо должна создавать совсѣмъ не то, о чемъ поетъ утопія, не завоеваніе пролетаріатомъ власти въ Берлинскомъ парламентѣ, а нѣчто другое — германскій прогрессъ при помощи рабочихъ массъ. И это дѣло, а не дѣло германскаго пролетаріата входитъ въ коллизію съ дѣломъ міровогo пролетаріата. Этотъ- то германскій прогрессъ соціалдемократія предпочла усиленію дѣла міровогo пролетаріата.

Было время, когда германскіе соціалдемократы смотрѣли на свою избирательную борьбу нѣсколько реальнѣе, а именно-какъ на агитацію, а не утопично-какъ на завоеваніе политической власти для пролетаріата. Въ 1869 г. Либкнехтъ такъ объяснялъ значеніе избирательной борьбы берлинскимъ рабочимъ: „Соціализмъ не теоретическій вопросъ, а вопросъ *силы, который нельзя рѣшить ни въ какомъ парламентѣ*, а только на улицѣ, на полѣ сраженія, какъ и всякій другой вопросъ силы... Правда, въ періоды застоя можетъ принесть нѣкоторую пользу поддерживаніе въ какомъ нибудь парламентѣ слабаго огонька свободы, ярко свѣтящаго среди господствующей кругомъ ночи... И если народъ, если вооруженные „рабочіе баталліоны" стоятъ у воротъ парламента, тогда можетъ, пожалуй, брошенное съ трибуны слово, подобно электрической искрѣ, зажечь сердца и дать сигналъ къ освободительному дѣлу... Но въ настоящее время мы, слава богу, не въ періодѣ хроническаго застоя и, къ сожалѣнію, еще не наканунѣ дѣла, бьющаго ключемъ изъ нѣдръ народныхъ массъ... Революціи совершаются не по высочайшему соизволенію начальства: соціалистическая идея не можетъ быть осуществлена внутри современнаго государства; она должна низвергнуть его, чтобы имѣть возможность воплотиться въ жизнь..

Но предположимъ, что правительство изъ чувства силы или изъ разсчета не дѣлаетъ употребленія изъ своей власти и что удается выбрать въ рейхстагъ соціалдемократическое большинство, что составляетъ предметъ мечтаній нѣкоторыхъ *фантазеровъ-политиковъ*. Что должно тогда дѣлать большинство? Теперь наступаетъ моментъ преобразованія общества и государства. Большинство принимаетъ міровогo значенія рѣшенія, рождается новый міръ, но... ахъ! - отрядъ солдатъ гонитъ соціалдемократическое большинство изъ храма, а если эти господа не соглашаются спокойно удалиться, то нѣсколько солдатъ уводятъ ихъ въ участокъ, где они имѣютъ полную возможность пораздумать о своемъ *донкихотскомъ дѣлѣ*." „Это мѣсто, — поясняетъ Либкнехтъ на судѣ 72-го года о государственной измѣнѣ — относится къ тому *нелѣпому взгляду* г. ф. Швейцера (предсѣдателя Лассальянскаго союза), по которому рабочіе, если только они агитируютъ ловко и аккуратно, каждые три года подходя къ избирательной урнѣ, могутъ дѣйствительно достигнуть мало по малу большинства въ рейхстагѣ, и тогда соціальная революція готова." („Судъ о государствен. измѣнѣ", стр. 449 - 451.)

Увы! „нелѣпый взглядъ" Швейцера, „прихвостня Бисмарка" сдѣлался въ настоящее время оффиціальнымъ взглядомъ германс

ской соціалдемократіи, безошибочной формулой соціалистическаго дѣла въ мірѣ. Съ точки зрѣнія Либкнехта 70-хъ годовъ, - онъ видно тогда не вполнѣ еще „былъ очищенъ отъ анархизма" - взгляды Либкнехта 90-хъ годовъ, образчикъ которыхъ читатель видѣлъ на стр. 3, суть, мечтанія соціалистическаго фантазера-политика", „донкихотскія затѣи".

Мы очень далеки отъ того, чтобы утверждать, что нѣмецкой соціалдемоктатіи въ 90 гг. достаточно было возвратиться къ своей первоначальной точкѣ зрѣнія, для того чтобы сохранить свою пролетарскую чистоту. На ряду съ такими революціонными проявленіями, какъ вышеприведенная рѣчь, мы можемъ найти у того же Либкнехта уже тогда всѣ элементы оппортунизма современной соціалдемократіи. То революціонное настроеніе, которое видно въ его смѣлой проповѣди берлинскимъ рабочимъ, носило очень преходящій характеръ. Оно проявилось тогда у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ марксистовъ, какъ реакція опасности, грозившей отъ высоко вздымавшихся волнъ нѣмецкаго шовинизма, на которомъ Бисмаркъ такъ успѣшно строилъ всегермансую казарму и который захватилъ даже организованныхъ нѣмецкихъ рабочихъ изъ лассальянскаго союза. Этотъ революціонизмъ свидѣтельствовалъ, лишь о томъ, что нѣмецкая соціалдемократія не желаетъ примириться съ *бисмарковскимъ* государствомъ.

Во время существованія исключительныхъ законовъ, партія старалась удержать тотъ взглядъ на свою парламентскую борьбу, который высказанъ въ предыдущей рѣчи Либкнехта. Еще за три года до знаменательной парламентской побѣды 90г. партейтагъ въ Сн.-Галленѣ рѣшилъ единогласно: „Партейтагъ держится того мнѣнія, что впредь такъ же, какъ и раньше, отношеніе партіи къ парламентской дѣятельности депутатовъ рейхстага и ландтаговъ должно остаться такимъ же, какъ было до сихъ поръ. Какъ и до сихъ поръ главное значеніе нужно придавать критической и агитаторской сторонѣ, а положительную и законодательную дѣятельность нужно вести только подъ тѣмъ условіемъ, что при настоящей группировкѣ партій и при современномъ состояніи экономическихъ отношеній не будетъ возбуждено никакого сомнѣнія и никакой иллюзіи на счетъ значенія этой положительной дѣятельности въ парламентѣ для классоваго положенія рабочаго класса, какъ въ политичэскомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи".

Конечно уже такая резолюція сама по себѣ „возбуждаетъ" нѣкоторыя „сомнѣнія и иллюзіи на счетъ значенія парламентской дѣятельности". Это уже не ясная рѣчь Либкнехта 69г., прямо заявлявшая, что „соціализмъ есть вопросъ силы и не можетъ быть рѣшенъ ни въ какомъ парламентѣ". Но все же еще удерживается прежняя тактика, и во время преній по этому вопросу на Сн.-Галенскомъ конгрессѣ Бебель 80-хъ годовъ самымъ рѣзкимъ образомъ нападаетъ на Бебеля 90-хъ годовъ. „Кто думаетъ, говорилъ онъ тогда, что на современномъ парламентскомъ конституціонномъ пути могутъ быть достигнуты конечныя цѣли соціализма, тотъ или ихъ не знаетъ или онъ обманщикъ". Но что самое главное, старые руководители партіи понимали тогда вполнѣ грозящую партіи опасность оппортунизма. Если бы мы, такъ заканчивалъ свою рѣчь Бебель, провели въ рейхстагъ (при послѣдвихъ выборахъ) еще большее число депутатовъ (нежели при предыдущихъ), такъ что отъ насъ зависѣло бы склоненіе вѣсовъ въ цѣломъ рядѣ относительно неважныхъ вопросовъ, то онъ считалъ бы такое *заманчивое положеніе въ высшей степени опаснымъ*. Стремленіе къ компромиссамъ и къ такъ называемой практической дѣятельности такъ возросло бы, вѣроятно, въ нашихъ рядахъ, что наступилъ бы расколъ. (Отчетъ партіи на Сн-Галенскомъ партейтагѣ.)

Какъ противовѣсъ рѣзко усилившемуся въ партіи оппортунизму явилась въ то время группа *молодыхъ*. Въ 90-хъ годахъ наступаетъ рѣшительный моментъ. Соціалдемократія проводитъ въ рейхстагъ превышавшее всякія ожиданія число депутатовъ (20 февраля). Положеніе становится „заманчивымъ", „въ высшей степени опаснымъ". Соблазнительная перспектива легализироваться, отдать себя въ вѣдѣніе „обычнаго права" увлекаетъ всю почти партію. Но для этого нужно дать буржуазіи гарантію, что отъ партіи далеки всякія идеи объ анархическихъ генеральныхъ стачкахъ, что она обычнымъ правомъ злоупотреблять ни въ коемъ случаѣ не будетъ.

Соціалдемократія своимъ отношеніемъ къ майской демонстраціи, измѣняя требованіямъ международной солидарности, показала ясно, что она въ этомъ отношеніи партія столь же „зрѣлая" и „нелегкомысленная", какъ англійскіе тред.-юніоны, что она „единственная партія порядка". Компромиссъ, повидимому, приноситъ плодъ - уничтоженіе исключительныхъ законовъ, и ободряетъ къ дальнѣйшимъ шагамъ въ томъ же духѣ. „Стремленіе къ компромиссамъ растетъ и ведетъ къ расколу", какъ предсказалъ Бебель. „Молодые" нападаютъ рѣзко на оппортунизмъ, призываютъ партію не отступать отъ революціоннаго знамени. Но Бебели, которые еще такъ недавно указывали на серьезную опасность отъ растущихъ элементовъ оппортунизма, теперь ничего не видятъ просто потому, что положеніе ихъ самихъ „соблазнило", что они сами создаютъ теперь оппортунизмъ, охраняя и украшая его соціалдемократической утопіей о захватѣ власти въ берлинскомъ парламентѣ для преобразованія строя. На Эрфуртскомъ партейтагѣ въ 91г. они не признаютъ за „молодыми" никакого права на существованіе и отдѣлываются отъ нихъ обычнымъ въ такихъ случаяхъ упрекомъ, что они лишь честолюбцы, завидующіе авторитету старыхъ вожаковъ. „Молодые" видятъ себя вынужденными удалиться съ партейтага и извѣстны съ тѣхъ поръ подъ именемъ „независимыхъ" и „новой анархіи", служа на будущее время страшнѣйшимъ пугаломъ для всякаго протеста, могущаго возникнуть внутри соціалдемократіи. Тутъ же, на томъ же партейтагѣ сейчасъ послѣ ухода „молодыхъ" поднялся Фольмаръ, служа какъ бы зловѣщимъ предзнаменованіемъ того, въ какую сторону придется теперь рѣшительно повернуть всей партіи. Онъ требовалъ дальнѣйшаго логическаго шага. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы партія сознательно стала развивать свою парламентскую дѣятельность, не какъ протестъ, не какъ агитацію, какъ было до сихъ поръ, но какъ положительную законодательную работу, направленную къ проведенію всѣхъ возможныхъ реформъ для улучшенія положенія пролетаріата. Весь партейтагъ объявилъ тогда взглядъ Фольмара ересью, рекомендующею примиреніе съ буржуазнымъ государствомъ, совсѣмъ и не подозрѣвая, что эта „ересь" по необходимости будетъ находить все больше сторон-

никовъ въ партіи. Реальному взгляду Фольмара партейтагъ не умѣлъ уже противопоставить ничего, кромѣ утопіи. Зачѣмъ намъ стремиться къ реформамъ, когда послѣ нѣсколькихъ побѣдъ вродѣ прошлогодней мы захватимъ власть и преобразуемъ весь строй сразу? (Извѣстно, что въ это же время Энгельсъ, опираясь на ростъ социалдемократическихъ голосовъ, предсказывалъ германской социалдемократіи въ ея парламентской дѣятельности окончательную побѣду съ концомъ текущаго столѣтія). Фольмаръ улыбнулся въ отвѣтъ на такія убѣжденія и не только не думалъ отчаяваться въ своихъ планахъ, а напротивъ, увѣренный въ побѣдѣ, сталъ ихъ очень горячо и широко развивать въ партіи.

А утопія, по необходимости съ каждымъ днемъ блѣднѣла. Пусть читатель посмотритъ на нее теперь, какъ она представляется спустя два года въ статьѣ Каутскаго, выдержки изъ которой приведены выше, на стр. 4-5. Она писана въ концѣ 93 г. Не смотря на то, что одержана новая, очень крупная побѣда въ парламентѣ, яркія надежды на близкій окончательный захватъ власти исчезли. Напротивъ, пролетаріатъ самъ, говорится тамъ, долженъ стараться отдалить на сколько возможно окончательное столкновеніе, такъ какъ онъ не подготовленъ къ нему. Утопія создаетъ здѣсь какую то невѣроятную психологію обѣихъ борющихся сторонъ: пролетаріата и буржуазіи. Пролетаріатъ увѣренъ въ побѣдѣ; ему достаточно разсмотрѣть для этого эволюцію послѣдняго времени, чтобы вести себя съ хладнокровіемъ. (Такого настроенія ожидаетъ Каутскій отъ безработныхъ голодныхъ массъ!) Напротивъ, буржуазія желаетъ столкновенія, приведена въ отчаяніе и готова все поставить на одну карту. (Каутскій старается указать здѣсь причину усиливающихся въ Европѣ реакціонныхъ попытокъ господствующихъ классовъ.) Но спрашивается, зачѣмъ буржуазіи дѣлать такіе отчаянные шаги, если пролетаріатъ (для Каутскаго вѣдь социалдемократія несомнѣнно - сознательный пролетаріатъ) увѣряетъ ее самымъ искреннимъ образомъ, что онъ не готовъ, что онъ самъ будетъ стараться отдалить столкновеніе, однимъ словомъ, предоставляетъ ей пока господство? Зачѣмъ господствующимъ классамъ въ виду такого положенія безсмысленно ставить все на одну карту? - Потому, отвѣчаетъ утопія, что настоящій социалдемократическій способъ борьбы „законными средствами“ безошибоченъ, что растущее число депутатовъ въ рейхстагѣ - прямой и непосредственный путь къ диктатурѣ, и этого то метода пролетарской борьбы въ особенности боится буржуазія. Такимъ образомъ, утопія, потерявъ яркія надежды на скорую побѣду, дѣлается для пролетаріата лишь усыпляющимъ средствомъ, носитъ уже консервативный характеръ и не допускаетъ развитія новыхъ формъ борьбы, выставляя прямо невѣроятное положеніе, что успѣхи социалдемократіи въ избирательной борьбѣ являются страшнѣйшимъ оружіемъ противъ буржуазіи, просто въ отчаяніе ее приводящимъ.

Но подъ крыльями усыплявшей умы утопіи росла и крѣпла трезвая политика Фольмара. Къ ней онъ сразу привлекъ всю баварскую партію, заставляя ее дѣйствовать сообразно своимъ взглядамъ въ баварскомъ ландтагѣ. Вопреки принятому въ социалдемократіи принципу, баварская партія подаетъ тамъ голосъ за принятіе государственнаго бюджета цѣликомъ. На Франкфуртскомъ

партейтагѣ 94-го года всѣ авторитеты партіи: Бебель, Либкнехтъ, Каутскій,- требуютъ отъ партейтага выраженія баварцамъ своего порицанія за нарушеніе принципа партіи. „Принципъ долженъ побѣдить, а не опортунизмъ“, говорилъ еще тогда Бебель. Но Фольмаръ одной своею рѣчью, встрѣченной громкими рукоплесканіями, склоняетъ партейтагъ на свою сторону и выходитъ побѣдителемъ. Такимъ образомъ, если партейтагъ 91-го года [въ Эрфуртѣ] опредѣлилъ, что Фольмаръ стремится къ примиренію съ государствомъ, то партейтагъ 94-го г. [во Франкфуртѣ] показываетъ, что противъ этего стремленія партія не въ силахъ бороться и принуждена признать его.

Это служитъ сигналомъ, съ одной стороны, къ проникновенію въ партію явно непролетарскихъ элементовъ, такъ нагло выступавшихъ на прошлогоднемъ Штутгартскомъ партейтагѣ, съ другой— ко всеобщему повороту къ „трезвой“ политикѣ. Бебель спѣшитъ сдѣлать переходъ отъ необѣщающаго успѣха „принципа“ къ обѣщающему большія побѣды оппортунизму. Онъ проповѣдуетъ компромиссъ не только съ „прогрессивными“ стремленіями общества, но, вмѣстѣ со всей аграрной бреславльской коммиссіей защищаетъ компромиссъ съ ретроградными аграрными мечтаніями, приводя этимъ въ телячій восторгъ всѣхъ русскихъ народниковъ. Онъ считаетъ своей обязанностью собственноручно перечеркивать прежнія свои резолюціи, опирающіяся на „принципъ“, Такъ какъ въ Кельнѣ (93 г.) онъ былъ авторомъ резолюціи, отклоняющей участіе въ прусскомъ ландтагѣ, то въ Гамбургѣ (97 г.) онъ счелъ необходимымъ перечеркнуть ее и написать новую, рекомендующую самое живое участіе въ этомъ дѣлѣ.

Такъ какъ въ 93 г. онъ провозглашалъ чистоту принциповъ, по которымъ пролетаріату нѣтъ нужды двигать впередъ буржуазные прогрессы, то теперь ему необходимо устанавливать принципъ оппортунизма, по которому пролетаріатъ *обязанъ помогать всякой либеральной оппозиціи*. (Его статья въ „Neue Zeit“ 96-97 г. №46)

За это постоянное самоотреченіе весь европейскій радикализмъ забрасываетъ его *комплиментами*: „талантливый политикъ“, „опытный вожакъ рабочаго класса“ и т. п. И Бебель, конечно, не замѣчаетъ всего лицемѣрія и всей пошлой лжи въ этомъ прославленіи его „здравой“ тактики.

Что касается Либкнехта, то его статья, выдержки изъ которой приведены на стр. 3, показываетъ, что онъ уже въ 95 г. также старался всецѣло проникнуться фольмаровскимъ „реализмомъ“.

Въ 97 г. на Цюрихскомъ конгрессѣ о законодательной охранѣ труда мы видимъ уже Бебеля и Либкнехта вполнѣ солидарными съ оппортунизмомъ Фольмара. Всѣ вмѣстѣ заботятся о томъ, чтобы надъ „партійными разногласіями“ — между социалдемократами, съ одной стороны, и социальными реформаторами и клерикалами, черпающими свое вдохновеніе изъ папскихъ энцикликъ, съ другой, — „царило нѣчто въ родѣ того, что въ средніе вѣка называлось *божьимъ миромъ*, *) — значитъ совершенно иначе, чѣмъ на международныхъ социалистическихъ конгрессахъ, гдѣ со-

---

*) Заключительная рѣчь Либкнехта см. “Новое Слово„ 97 г. XI ст. Струве о Цюрихскомъ конгрессѣ.

ціалдемократія не можетъ вынести даже присутствіяа своихъ соціалистическихъ противниковъ. Поэтому на конгрессѣ соціальныхъ реформаторовь нѣмецкіе соціалдемократы стараются своею умѣренностью превзойти даже несоціалистическихъ депутатовъ конгресса такъ, что это не нравится даже г—ну Струве. Резолюція о неотложности уничтоженія домашней промышленности отклоняется именно нѣмецкой соціалдемократіей и замѣняется болѣе умѣренной резолюціей Фольмара. По вопросу объ обязательномъ посѣщеніи школы соціалдемократическіе представители стоятъ не за наивысшее требованіе, какое было поставлено, не за обязательный школьный возрастъ до 16-ти лѣтъ, какъ требуютъ англійскіе представители, а за предложеніе комиссіи объ обязательномъ школьномъ возрастѣ до 15-ти лѣтъ, дабы остаться въ „божьемъ мирѣ" со всѣмъ соціально—реформаторскимъ конгрессомъ.

И Каутскій согласенъ съ новымъ теченіемъ политики зрѣлости Слѣдующими словами ободряетъ онъ Бебеля въ его работѣ перечеркиванія своихъ собственныхъ резолюцій: Прежняя политика воздержанія отъ компромиссовъ съ либеральной оппозиціей, которую мы легкомысленно причисляли къ „одной реакціонной массѣ", имѣла смыслъ „пока мы чувствовали себя, какъ Ганнибалъ у воротъ новаго общества, для завоеванія котораго достаточно одного или двухъ „ударовъ". Такой зрѣлой партіи, какъ наша, нечего бояться компромиссовъ. (Франкфуртская газета 11 сент. 97 г.) Да вѣдь наконецъ, прибавляетъ Бебель: „вся наша политическая дѣятельность въ рейхстагѣ, въ ландтагахъ, въ общинныхъ представительныхъ органахъ вынуждаетъ насъ безпрестанно къ компромиссамъ. Отрицательная политика, сторонниками которой мы когда-то хотѣли быть, опровергнута фактами послѣднихъ 30-ти лѣтъ". (тамъ-же 17 авг. 97 г.) Всему этому подводитъ итогъ Бернштейнъ: никогда въ исторіи никакая цѣль, сознательно поставленная, не воплощалась въ той чистой формѣ, къ какой стремились добивавшіеся ея люди, а всегда въ формѣ компромиссовъ. И если соціалдемократія хочетъ быть партіей реальнаго дѣла, а не туманной доктрины, то она должна наконецъ понять, что только путемъ сотрудничества съ все новыми и все болѣе широкими общественными группами могутъ быть осуществлены ея цѣли. (Neue z:t 96—97 г. №34)

Есть нѣчто глубоко роковое во всемъ этомъ развитіи соціалдемократіи. Послѣ каждой побѣды у нея оказывается плодъ какъ будто не тотъ, который ожидался. Чѣмъ больше согласно своей формулѣ она приближается къ своей цѣли, тѣмъ болѣе въ ея собственномъ сознаніи, цѣль отъ нея отдаляется. Чѣмъ больше она подготовляется къ **дѣлу**, *тѣмъ больше это дѣло не похоже на первоначальный планъ. Чѣмъ больше она пріобрѣтаетъ силъ, тѣмъ болѣе видитъ она себя вынужденной входить въ сотрудничество съ другими общественными группами*, такъ что наконецъ она, самостоятельная партія, принуждена устраивать агитацію въ пользу буржуазной оппозиціи (въ прусскій ландтагъ). На свои первоначальныя революціонныя усилія она начинаетъ смотрѣть съ такимъ скептицизмомъ и непониманіемъ, какъ старецъ на свои юношескія увлеченія.

Первыя побѣды соціалдемократіи были провозглашены, какъ новое революціонное изобрѣтеніе въ борьбѣ рабочаго класса (Энгельсъ). Захватъ пролетаріатомъ власти производится очень просто, гладко, плавно, безъ всякихъ скачковъ, безъ пораженій, безошибочно. — Пролетаріатъ, организованный, какъ особая политическая партія, пользуется законными избирательными правами и завоевываетъ законодательныя учрежденія. Для этого нужна только „нефальсифицированная" „народная воля" въ видѣ всеобщаго избирательнаго права и достаточная ступень хозяйственной эволюціи. Не смотря на то, что формула эта, какъ способъ захвата власти пролетаріатомъ для уничтоженія классоваго господства, оказалась, какъ выше указано, утопіей на своей родинѣ, не смотря на это, она была провозглашена изобрѣтеніемъ для всеобщаго употребленія во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра. Цюрихскій международный соціалистическій конгрессъ 93г. принялъ ее отъ германской соц.-демократіи въ качествѣ безошибочнаго критерія отличающаго повсюду пролетарское движеніе отъ непролетарскаго. Онъ выраженъ въ той резолюціи конгресса, въ силу которой изъ него исключались анархисты и независимые всякихъ оттѣнковъ. Резолюція гласитъ: „Допускаются на конгрессъ всѣ рабочіе профессіональные союзы; затѣмъ тѣ соціалистическіе партіи и союзы, которые признаютъ необходимость политической акціи. Подъ политической акціей нужно понимать пользованіе рабочими партіями политическими правами, законодательной машиной или стремленіе ихъ завоевать для содѣйствія интересамъ пролетаріата и для завоеванія политической власти". На упрекъ Домела-Ньювенгауиса, что Марксъ, авторъ „Манифеста" былъ бы возмущенъ этимъ шагомъ конгресса, Бернштейнъ отвѣчаетъ въ „Neue Zeit", что именно эта резолюція совершенно согласна съ духомъ Маркса-коммуниста. Однако между путемъ, о которомъ мечтали коммунисты временъ революціи 48 года, и тѣмъ, который указываетъ цюрихская резолюція, существуетъ чуть ли не пропасть.

Пролетаріатъ стремится къ завоеванію политической власти, говоритъ Коммунистическій Манифестъ, *для своего господства*, для того чтобы при помощи этого господства освободить себя, уничтожая классовый строй—государство. Въ то время, когда демократы по низверженіи настоящаго режима, спѣшатъ *окончить* революцію, ограничивая свое дѣло освобожденіемъ „народной воли", пишетъ Марксъ въ самый горячій моментъ революціи, въ 50 г. въ воззваніи Коммунистическаго Союза, коммунисты объявляютъ революцію „*непрерывающейся*" ("Neue Zeit„) Это значитъ: когда демократы выражаютъ „народную волю" въ демократическихъ учрежденіяхъ и правахъ, въ которыхъ только можетъ проявляться для нихъ воля различныхъ слоевъ населенія, коммунисты стремятся къ диктатурѣ пролетаріата, а значитъ не подчиняются „народной волѣ", въ какой бы демократичекой формѣ она не выступала передъ ними Они не думаютъ судьбу пролетаріата ставить въ зависимость отъ эволюціи этой демократической „воли большинства" (какъ думаетъ соц.-демократія), а желаютъ выразить волю пролетаріата поми-

мо этого національнаго большинства. Они ставятъ судьбу пролетаріата исключительно въ зависимость отъ его *силы*. Они не думаютъ выразить волю пролетаріата въ правахъ и законныхъ функціяхъ классового государства, (какъ замышляетъ социалдемократія); напротивъ, въ эти права и функціи они предполагаютъ „насильственное“, „деспотическое вторженіе“ воли пролетаріата.

Изъ этой коммунистической идеи о господствѣ пролетаріата въ настоящей политикѣ соціалдемократіи, какъ она формулирована въ вышеприведенной резолюціи цюрихскаго конгресса не осталось ничего, кромѣ голой фразы: „завоеваніе политической власти“.

Резолюція ставитъ „завоеваніе политической власти“ на одинаковую ступень съ „завоеваніемъ и пользованіемъ политическими правами и законодательной машиной для содѣйствія интересамъ пролетаріата“, т. е. съ дѣломъ соціальныхъ реформъ въ области труда на почвѣ современнаго строя. Вслѣдствіе этого, соціалдемократическое „завоеваніе политической власти“ совершенно потеряло весь тотъ характеръ, который заключается въ идеѣ коммунистовъ: завоеваніе политической власти для господства пролетаріата. Оно превратилось въ громкую фразу, играющую въ резолюціи лишь роль украшенія для очень простого дѣла: проведенія соціальныхъ реформъ; вотъ почему резолюція старалась избѣгать даже словъ: завоеваніе власти *для преобразованія современнаго строя*.

Англійскіе тредъюніоны, какъ извѣстно, давнымъ давно старались завоевать для себя политическія права. Но отъ ихъ „политической акціи“ не получилось, конечно, ни малѣйшей доли „господства пролетаріата“. Мало того, рабочіе избиратели въ своемъ пользованіи политическими правами англійской демократіи оказались лишь пѣшками въ рукахъ либераловъ, которые умѣли имъ внушить даже свое манчестерское ученіе о невмѣшательствѣ государства въ дѣло „свободнаго“ договора о наймѣ.

Резолюція открываетъ двери для всякихъ соціальныхъ реформаторовъ, надѣляя ихъ при этомъ именемъ соціалистовъ. Она не могла бы закрыть дверей даже передъ клерикальными опекунами рабочихъ, въ случаѣ если бы они явились на конгрессъ. Неудивительно, если вскорѣ оказалась, какъ мы видѣли,(стр.13-14) возможность жить въ „божьемъ мірѣ“ съ подобными элементами.

Резолюція конгресса 93 г. утверждаетъ неизбѣжно одно изъ двухъ: или всякая политическая акція рабочихъ союзовъ, а значитъ и вышеупомянутая политическая акція тредъюніоновъ и политика клерикальныхъ рабочихъ союзовъ есть шагъ на пути къ коммунистическому завоеванію государства, нѣчто, повидимому, совсѣмъ уже невѣроятное, или завоеваніе политической силы, къ которой стремится соціалдемократія, не представляетъ коренного отличія отъ дѣятельности, направленной къ достиженію реформъ въ современномъ строѣ, а вслѣдствіе того кореннымъ образомъ разнится отъ революціонныхъ плановъ коммунизма.

Цюрихская резолюція покоится на положеніи, что современный строй, конечно, въ его демократическихъ формахъ, предоставляетъ пролетаріату права (ею имѣются въ виду избирательныя права), пользуясь которыми, а значитъ исправляя законныя функціи демократическаго государства, онъ освобождаетъ себя. Ясно, что для революціи конституціонное государство не есть уже *только* органъ господства буржуазіи надъ пролетаріатомъ, какъ для „Коммунистическаго Манифеста“; оно вознеслось въ нѣкоторомъ смыслѣ надъ классами, предоставляя и пролетаріату права для его блага. По мѣрѣ прогрессированія этого новаго „познанія“ о сущности государства дѣлается излишней и революціонная диктатура пролетаріата - его господство. Цюрихская резолюція и не желаетъ этого господства, она старается стремленіе къ диктатурѣ выразить въ законныхъ функціяхъ современнаго строя, она старается примирить революціонныя стремленія пролетаріата съ „народной волей“. И это примиреніе цюрихская резолюція конструируетъ не какъ возможный или желательный фактъ, а какъ *необходимость*. Создается такимъ образомъ *формула* соціалистическаго дѣла, единственно возможная и общеобязательная: за свое освобожденіе пролетаріатъ можетъ бороться, только пользуясь политическими правами демократическаго государства.

Гдѣ бы ни пробуждались новыя силы пролетаріата и въ какой бы степени онѣ ни пробуждались, имъ дано уже назначеніе. Возникаетъ и усиливается въ Англіи новое рабочее движеніе, борьба необученныхъ рабочихъ, создавая соціалистическое пролетарское движеніе,- формула опредѣляетъ: они проснулись для того, чтобы пользоваться политическими правами англійской демократіи. Да, да, рукоплещутъ контръ-революціонеры фабіанцы: слава богу, движеніе направилось въ конституціонные каналы. — Майская демонстрація вызываетъ въ Польшѣ рядъ массовыхъ стачекъ, охватывающихъ цѣлые фабричные районы. Изъ формулы ясно, что польскіе рабочіе требуютъ политическихъ правъ. Патріоты поясняютъ, что эти права можетъ имъ дать только независимое польское государство, и вотъ польскій пролетаріатъ борется за возстановленіе Польши. Формула создаетъ здѣсь программу „Польской Соціалистической Партіи“. Вообще же въ неконституціонныхъ государствахъ, какъ Россія, съ точки зрѣнія формулы какъ бы физически не можетъ ни расти, ни даже возникнуть соціалистическое *дѣло*. Вѣдь оно можетъ быть выражено только въ формѣ пользованія рабочимъ классомъ политическими правами. Стало быть, до ихъ завоеванія рабочее движеніе должно развиваться лишь настолько, насколько это нужно для „конституціи“. Какъ удобна здѣсь такая формула для буржуазнаго радикализма, будетъ показано впослѣдствіи болѣе подробно.

Цюрихскій конгрессъ, открывая своею резолюціею настежъ двери всѣмъ консервативнымъ стремленіямъ, какія только могли бы явиться отъ имени рабочихъ, облегчая имъ доступъ, — удаляетъ всѣ болѣе горячіе элементы, которые протестуютъ противъ соціалдемократическаго оппортунизма. Мы видѣли, что протестъ этотъ вполнѣ основателенъ; болѣе того, онъ исторически неизбѣженъ; но отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, что и всякій девизъ, подъ которымъ онъ производится, основателенъ.

Изъ предъидущаго ясно, что соціалдемократическая политика несостоятельна не потому, что, какъ говорятъ анархисты, — несостоятеленъ планъ коммунизма о захватѣ власти для господства пролетаріата, а потому, что соціалдемократія не въ состояніи его

выполнить; соціалдемократія не желаетъ міровогo господства пролетаріата, она отрекается отъ этого дѣла.

Соціалдемократія съ безпомощностью смотритъ на то, какъ ея громкій планъ завоеванія политической власти для господства пролетаріата жизнь жестоко сводитъ на простое „участіе рабочаго класса въ законодательствѣ и управленіи страной". (Въ такихъ простыхъ словахъ объясняютъ русскимъ рабочимъ „коммунистическій захватъ власти" всѣ прокламаціи и газеты русскихъ соціалдемократовъ.) Но участіе рабочаго класса въ законодательствѣ и управленіи современнымъ строемъ, если только оно „настоящее"; „искреннее" участіе, или если становится таковымъ (какъ напр. у „реалистическихъ" элементовъ германской соц. демократіи 90-хъ годовъ), является лишь помощью буржуазному обществу въ дѣлѣ управленія капиталистическимъ хозяйствомъ, въ дѣлѣ его развитія и благополучія, въ дѣлѣ пышнаго преуспѣянія буржуазнаго прогресса, однимъ словомъ является лишь болѣе или менѣе радикальной оппозиціей въ составѣ прогрессирующей „народной воли". Это „участіе" очень легко и просто можетъ расти; для этого нужно только, чтобы оно поскорѣй становилось именно „искреннимъ." Такое „искреннее" участіе рабочаго класса буржуазное общество принимаетъ съ распростертыми объятіями. Рабочій классъ оставляетъ тогда планы о своемъ господствѣ, которое оказывается излишнимъ, разъ возможенъ ростъ „настоящаго" участія въ законодательствѣ и управленіи. Таково развитіе соц.-дем.-ской формулы; въ цѣломъ оно создаетъ слѣдующій парадоксъ, лежащій въ основѣ формулы: растущее „участіе рабочаго класса въ законодательствѣ и управленіи" внесетъ въ кодексъ, выражающій господство буржуазіи надъ пролетаріатомъ, параграфы, обезпечивающіе за пролетаріатомъ права на его господство надъ буржуазіей.

Права пролетаріата на его господство растутъ независимо отъ соц.-демократической формулы и подсчитываются не числомъ избранныхъ парламентскихъ депутатовъ и муниципальныхъ чиновниковъ. Въ то время, когда соц.-дем.-ская формула убаюкиваетъ пролетаріатъ сладкими словами: растущее "участіе рабочаго класса въ законодательствѣ и управленіи" есть завоеваніе власти для его освобожденія,-будничная жизнь пролетарія говоритъ ему другое. Дѣло пролетарія-раба, приговореннаго современнымъ строемъ къ каторжной работѣ, къ безпрекословному, при ея исполненіи повиновенію велѣніямъ господствующаго и управляющаго буржуазнаго общества, классовое дѣло пролетарія можетъ быть *только* дѣломъ борьбы, дѣломъ возмущенія противъ такого строя. Будничная жизнь пролетарія разбиваетъ внушенныя буржуазіей призрачныя мечтанія о томъ, какъ пролетаріатъ въ демократическомъ государствѣ можетъ управлять и издавать законы. Будничная жизнь показываетъ пролетарію, что сущность современнаго строя заключается именно въ томъ, чтобы существовало привиллегированное, благовоспитанное меньшинство для управленія и безчисленная невѣжественная сѣрая масса для каторжной работы. Когда этой каторжной работы для пролетарія нѣтъ, то, такъ какъ онъ рожденъ *только* для нея, ему незачѣмъ существовать: ему разрѣшается умереть голодной смертью. Это сущность, это экономическая основа современнаго строя. Функція управленія, какъ хозяйственнымъ процессомъ въ тѣсномъ смыслѣ, такъ и всею „жизнью націи" есть исключительная монополія благовоспитаннаго общества, господствующихъ буржуазныхъ классовъ, не только собственниковъ промышленнаго и торговаго капитала, но и привиллегированныхъ наемниковъ капиталистическаго государства: политиковъ, журналистовъ, ученыхъ и всѣхъ „благородныхъ" профессій. Эта монополія неразрывно связана съ основою современнаго строя, покоющейся на принципѣ частной наслѣдственной собственности. Необходимыя для функціи управленія (въ широкомъ смыслѣ слова) знанія, наука составляютъ исключительное владѣніе буржуазныхъ классовъ, въ полное распоряженіе которыхъ поступаетъ весь „національный доходъ", національная прибавочная стоимость, взимаемая капиталистами, доставляя только привиллегированному меньшинству возможность пріобрѣсть эти знанія, эту науку, это „умѣнье руководить всею національною жизнью". Какія бы перемѣщенія ни происходили въ „политической и иныхъ надстройкахъ" надъ этой экономической основой, большинство населенія-пролетаріатъ оказывается „отъ природы" приговореннымъ къ рабскому, не смѣющему разсуждать труду. Демократизація капиталистическаго общества не въ силахъ подкопать этой основы, этого отношенія между правящимъ высшимъ обществомъ и служащимъ ему рабски пролетаріатомъ. Демократизація капиталистическаго общества выражаетъ прежде всего ростъ привиллегированнаго общества, болѣе „справедливое" распредѣленіе національной прибавочной стоимости между различными слоями буржуазнаго общества. Утопично думать, что пролетаріатъ, упражняясь въ демократическихъ учрежденіяхъ, подрываетъ у буржуазнаго общества его монополію управленія, проистекающую изъ экономической основы современнаго строя (частной наслѣдственной собственности), что онъ будетъ поочередно въ современномъ строѣ завладѣвать различными функціями управленія, пока не сдѣлается правящимъ наравнѣ съ привиллегированнымъ обществомъ. Утопично при помощи законныхъ перемѣщеній въ „надстройкѣ" современнаго строя, составляющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ нормальныя отправленія его основы, стремиться къ уничтоженію самой основы.

Экономическую основу современнаго строя, отношеніе господствующихъ классовъ къ служащему у нихъ пролетаріату можетъ *подрывать* только *революціонная* борьба пролетаріата, для которой нѣтъ никакихъ готовыхъ выраженій, никакихъ готовыхъ схемъ въ законныхъ функціяхъ буржуазнаго общества, какъ бы оно демократично не было. Экономическую основу эксплуатаціи и господства буржуазіи можетъ *уничтожить* только *господство* пролетаріата, только его „деспотическое нападеніе на право собственности" (Коммун. Манифестъ).

Для своего освобожденія путемъ „деспотическаго нападенія на право частной собственности" „Ком. Манифестъ" призываетъ пролетаріевъ всѣхъ странъ соединиться.

Но рядомъ съ этимъ извѣстнымъ заключительнымъ возгласомъ мы находимъ въ „Манифестѣ" нѣкоторыя положенія, сильно огра-

ничивающія его значеніе. Къ такимъ принадлежатъ слѣдующія два положенія:1) „Коммунисты стараются вездѣ связать и соединить *демократическія* партіи всѣхъ странъ“... и 2)-„Первый шагъ въ рабочей революціи есть *возвышеніе пролетаріата въ классъ господствующій, завоеваніе демократіи*“.

Протекшая со времени изданія „Коммунистическаго Манифеста“ историческая эволюція проявила міровой характеръ пролетарскаго дѣла въ далеко высшей степени, нежели предполагали издатели „Манифеста“. Она вычеркнула оба вышеприведенныя положенія, какъ „устарѣлыя“. (Въ предисловіи къ изданію „Манифеста“ 72 г. Марксъ говоритъ, что нѣкоторыя его мѣста „устарѣли“. Мы, конечно, не думаемъ утверждать, что это относится къ приведеннымъ строкамъ).

Первое изъ двухъ приведенныхъ положеній „Манифеста“ вычеркнуто собственною рукою тѣхъ, кто ихъ написалъ. Его вычеркиваетъ Марксово воззваніе „Союза Коммунистовъ“ въ 50 г., о которомъ упомянуто на стр. 15, его вычеркиваютъ нѣкоторыя страницы „18-го Брюмера“, самымъ рѣзкимъ образомъ нападающія на неестественный союзъ соціалистовъ съ демократами во Франціи въ 49 году. Наконецъ, фактъ основанія Интернаціонала явно свидѣтельствуетъ о томъ, что его основатели принуждены бросить окончательно всѣ планы о соединеніи демократическихъ партій и соединять непосредственно пролетарскія силы.

Второе изъ вышеприведенныхъ положеній: „Первый шагъ въ рабочей революціи есть возвышеніе пролетаріата въ классъ господствующій, завоеваніе демократіи“—находится очевидно въ тѣснѣйшей связи съ первымъ. Разъ вычеркивается первое, второе претерпѣваетъ коренную модификацію. Но соціалдемократическая политика, какъ въ видѣ утопической формулы о достиженіи господства пролетаріата путемъ законной избирательной борьбы, такъ и въ видѣ ея „зрѣлаго реализма“ соціальныхъ реформаторовъ, покоится именно на томъ, что не допускаетъ никакихъ модификацій въ этомъ положеніи „Манифеста“. Она считаетъ это положеніе чѣмъ-то въ родѣ вѣчной истины для борющагося пролетаріата.

„Первый шагъ въ рабочей революціи есть возвышеніе пролетаріата въ классъ господствующій, завоеваніе демократіи“. Значитъ, по „Манифесту“, пролетаріатъ, завоевывая демократію, тѣмъ самымъ дѣлается классомъ господствующимъ.

Не прошелъ и годъ съ того времени, какъ эти строки „Манифеста“ были написаны. Парижскій пролетаріатъ завоевываетъ демократію и притомъ самую идеальную демократію-„соціальную республику“. И что же оказывается? При этой новой политической формѣ его стремленія являются столь же противозаконными, столь же стремленіями бунтовщика, какъ и при предыдущей. „Соціальная республика“ не дѣлаетъ еще изъ него господствующаго организатора общественной жизни; онъ теперь столь же борющійся революціонеръ, какъ раньше, ибо его стремленія, неумолимо развиваясь, тяготѣютъ къ одному: къ „деспотическому нападенію на право частной собственности“, которое защищаетъ „соціальная республика“. Что завоеваніе пролетаріатомъ демократіи, совсѣмъ еще не означаетъ „возвышенія его въ господствующій классъ“,-этому научила его та же самая любезная демократія, устроившая ему на улицахъ Парижа „достопамятную“ рѣзню въ іюньскіе дни. Она показала пролетаріату, что его врагъ-не только владѣльцы капитала, не только монархическая плутократія, оппозиціонная „прогрессивная“ промышленная буржуазія, „революціонное“ мелкое мѣщанство,-но и цѣлая масса *привиллегированныхъ наемниковъ* капиталистическаго государства: адвокатовъ, журналистовъ, ученыхъ. Въ іюньскіе дни его покинули, какъ неблагодарнаго бунтовщика, даже тѣ, кто такъ недавно пѣлъ ему пѣсенки объ „организаціи труда“ и „рабочихъ ассоціаціяхъ“. Стало быть дѣйствительность проявила антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ глубже, чѣмъ онъ указанъ въ „Манифестѣ“. Это антагонизмъ не только между капиталистами и ихъ рабочими, но между всѣмъ „республиканскимъ“ обществомъ и пролетаріатомъ. И съ тѣхъ поръ исторія стала все болѣе и болѣе расширять пропасть между дѣломъ демократіи и дѣломъ пролетаріата.

Неполное познаніе классоваго антагонизма въ современномъ обществѣ авторы „Манифеста“ обнаружили и въ низкой оцѣнкѣ мірового значенія этого антагонизма. Въ странахъ съ слабо развитою капиталистическою промышленностью, какою была ко времени появленія „Манифеста“ Германія, они считали и классовой антагонизмъ такъ мало развитымъ, что воображали, будто нѣмецкая буржуазія сыграетъ роль французской буржуазіи конца прошлаго столѣтія, что вопреки явному антагонизму классовыхъ интересовъ смѣло поведетъ она нѣмецкій народъ на борьбу за общее дѣло Германіи,—уничтоженіе абсолютнаго феодальнаго режима,*), что нѣмецкая демократія, вдохновленная самими коммунистами, учредитъ нѣмецкій конвентъ. Поэтому они считаютъ возможнымъ для себя, какъ для коммунистовъ, заняться пока судьбою германской демократіи, „не скрывая“ однако своихъ „коммунистическихъ плановъ“, по которымъ буржуазная революція для нихъ только прологъ для рабочей революціи. Они стараются послѣ взрыва революціи 48 г., подбадривать нѣмецкую буржуазію въ ея борьбѣ съ феодализмомъ,**) пытаются „погонять впередъ этотъ классъ“ (Мерингъ), когда его охватываетъ страшное безпокойство при видѣ грозныхъ классовыхъ противорѣчій во Франціи и рабочаго движенія въ Германіи. Коммунисты издаютъ во время революціи „органъ демократіи“ и вообще опредѣляютъ себя, какъ „наиболѣе радикальное крыло демократіи“. Они указываютъ пути „революціонной Германіи“ и въ вопросахъ внѣшней политики изобрѣтаютъ для нея револю-

---

*) „Нѣмецкая буржуазія вмѣстѣ со своимъ господствомъ *неизбѣжно должна* создать такія общественныя и политическія условія,... которыя затѣмъ рабочіе обратятъ, какъ оружіе противъ самой буржуазіи“. (Коммунистическій Манифестъ).

**) „Между буржуазнымъ и феодальнымъ обществомъ, говорилъ Марксъ на судѣ 48 г., между обществомъ знанія и обществомъ вѣры не можетъ существовать мира, ихъ матеріальныя нужды обуславливаютъ борьбу на жизнь и смерть“. (Мерингъ. „Исторія нѣмецкой соціалдемократіи“.)

ціонныя войны".*) Они организуютъ *демократическіе* конгрессы и *демократическія* общества, въ которыхъ рабочіе участвуютъ наравнѣ съ предпринимателями.**)

Конечно, всѣ эти усилія „погнать впередъ" буржуазное общество остались безъ результата. Демократія способна воодушевляться соціализмомъ, но только до тѣхъ поръ, пока онъ выступаетъ передъ ней въ утопической формѣ. Но въ то время „деспотическое нападеніе пролетаріата на право частной собственности" выражалось уже не только въ видѣ коммунистической идеи, а въ очень конкретной формѣ-въ лицѣ Парижскаго пролетаріата, нападающаго на *демократическую* палату и геройски борющагося противъ *республиканской* Франціи. Послѣ подобныхъ фактовъ никакая ловкая проповѣдь не въ состояніи склонить демократію къ устройству конвентовъ даже въ странахъ съ „недоразвившимся капитализмомъ".

Въ такомъ то видѣ представляется эта попытка коммунистовъ „напасть врасплохъ" на нѣмецкую буржуазію; въ своей „исповѣди" Энгельсъ говоритъ о ней, какъ объ „ошибкѣ".***) Но „ошибка" коммунистовъ 48-г. заключалась не въ „преждевременномъ стремленіи къ соціальному преобразованію", какъ думаетъ Энгельсъ 90-хъ г. г., а въ отсутствіи у нихъ реальнаго стремленія къ этому дѣлу въ самый рѣшительный моментъ (весь первый годъ революціи). „Ошибочная" попытка „застигнуть врасплохъ" буржуазію заключалась въ тщетныхъ усиліяхъ коммунистовъ склонить нѣмецкое буржуаз-

*) Въ „Новой Рейнской Газетѣ"—„органѣ демократіи", издававшемся Марксомъ въ Кельнѣ во время революціи, говорится: „Только война съ Россіей есть война революціонной Германіи, война, въ которой она можетъ смыть свои грѣхи прошлаго (возстановить независимую Польшу) и побѣдить своихъ собственныхъ автократовъ". Въ Голштинскомъ спорѣ съ Даніей „право Германіи противъ Даніи есть право цивилизаціи противъ варварства, прогресса-противъ инертности" (тамъ же). Тогдашнее „революціонное" берлинское правительство исполнило это патріотическое желаніе „лѣваго крыла демократіи"; оно хорошо понимало, что для усмиренія „революціонной Германіи", для отвлеченія безпокойныхъ элементовъ изъ ихъ революціоннаго центра, нѣтъ лучшаго средства, какъ такого рода „революціонные" походы.

**) Иные коммунисты вслѣдствіе этого противорѣчиваго отношенія какое они заняли во время революціи,-напр. вышедшій изъ школы Маркса Борнъ въ Берлинѣ, руководя вспыхнувшимъ вдругъ рабочимъ движеніемъ, безцеремонно смѣшиваютъ сознательно ученіе Маркса съ французскимъ утопическимъ соціализмомъ. Мерингъ прибавляетъ по этому поводу: эта программа (Борна) была однако „вполнѣ соотвѣтственная ступень сознанія для (неразвитого) нѣмецкаго пролетаріата къ Востоку отъ Эльбы".

***) Написанное Энгельсомъ предисловіе (въ 95 г.) къ Марксовой „Классовой борьбѣ во Франціи", въ которомъ онъ говоритъ объ ошибкахъ своей „революціонной молодости", такъ понравилось Зомбарту, что онъ назвалъ его „искренней предсмертной исповѣдью" раскаивающагося коммуниста.

ное общество къ установленію для себя демократіи, изъ которой коммунисты намѣревались устроить господство пролетаріата. Всѣ разочарованія, которыя пережили въ то время нѣмецкіе коммунисты, они пережили не какъ коммунисты, развивающіе классовой антагонизмъ, а какъ демократы, развивающіе свою дѣятельность вопреки этому антагонизму. Такимъ образомъ всѣ ихъ разочарованія только подтверждаютъ ихъ познаніе о непроходимой пропасти между буржуазіей и пролетаріатомъ, пропасти, которую вмѣщаетъ даже „не вполнѣ развившійся" капиталистическій строй.

Но современная соціалдемократическая исторіософія судитъ объ этомъ всемъ какъ разъ наоборотъ. Нѣмецкую буржуазію, испуганную событіями во Франціи, „*тѣмъ болѣе нужно было погонять впередъ* для обезпеченія тѣхъ правъ, въ которыхъ нуждался пролетаріатъ для своей политической организаціи. Завоеваніе этихъ правъ было историческимъ призваніемъ буржуазіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея тайнымъ планомъ было отреченіе отъ нихъ изъ страха передъ пролетаріатомъ." (тамъ же стр. 361).

Какъ видитъ читатель, та выше очерченная политика коммунистовъ, согласно которой они рѣшаютъ годъ, два года заботиться о демократіи, а затѣмъ только перейти къ коммунистической дѣятельности, эта политика соціалдемократической исторіософіи еще теперь, спустя полвѣка, не только не кажется неестественной и утопичной, а напротивъ служитъ ей образцомъ. Для этой оппортунистической исторіософіи совсѣмъ недоступна та простая логическая мысль, что коммунистъ „погонять впередъ буржуазію", „уничтожать ея тайныя планы" можетъ съ успѣхомъ только въ томъ случаѣ, когда онъ успокаиваетъ буржуазію, т. е. для этой цѣли нарочно *самъ отсрачиваетъ* свое собственное дѣло.

Но соціалдемократическій исторіософъ находитъ у Маркса и ошибку. „Все, въ чемъ погрѣшилъ этотъ органъ (издаваемая Марксомъ „Новая Рейнская Газета"), можно свести въ конечномъ счетѣ къ одной ошибкѣ, проходившей въ то время красною нитью черезъ всю дѣятельность Маркса и Энгельса. Она заключалась въ томъ, что европейская классовая борьба представлялась имъ стоящей на гораздо высшей ступени развитія, чѣмъ та, которой она въ дѣйствительности тогда достигла." (Мерингъ, тамъ же.) Какое же заключеніе остается сдѣлать вѣрному стороннику соціалдемократической исторіософіи изъ познанія этой ошибки? Только тотъ оппортунистическій выводъ, что нѣмецкіе коммунисты должны были на время еще болѣе оставить въ сторонѣ свой коммунизмъ, еще „искреннѣе" и усерднѣе успокаивать струсившую нѣмецкую буржуазію.

Что должны были дѣлать нѣмецкіе коммунисты съ перваго же дня революціи, или по крайней мѣрѣ со времени іюньскаго возстанія въ Парижѣ, принужденъ былъ показать вскорѣ самъ Марксъ Годъ спустя послѣ начала революціи, когда пропала всякая надежда на нѣмецкую демократію, Марксъ перечеркиваетъ всю свою предшествовавшую дѣятельность въ качествѣ крайняго нѣмецкаго демократа, какъ безплодную. Онъ бросаетъ смѣшанныя демократическія общества, которыя самъ создавалъ, бросаетъ, какъ состоящія изъ антагонистическихъ элементовъ, ведетъ съ этихъ поръ пропаганду непосредственно для пролетаріата, основываетъ рабочія

организаціи и готовится къ общегерманскому рабочему конгрессу. Но уже было поздно: наступилъ бѣлый терроръ. Марксъ эмигрируетъ и возстановляетъ Союзъ Коммунистовъ, повидимому показывая этимъ, что его не слѣдовало закрывать и на время революціи. Тогда-то онъ пишетъ упомянутое на стр. 15 воззваніе, требующее полнаго разрыва съ демократами.

Правда, соц.-демократія можетъ объяснить всѣ эти шаги Маркса исключительнымъ положеніемъ дѣлъ въ то время, можетъ видѣть въ нихъ съ одной стороны отвѣтъ на бѣлый терроръ, а съ другой — результатъ очень правдоподобной въ то время иллюзіи, что революціонное движеніе въ Европѣ немедленно возобновится. И послѣдующая „политика" Маркса допускаетъ подобнаго рода объясненіе. Подвергши при описаніи французской революціи („18-ое Брюмера") суровой критикѣ компромиссы парижскихъ соціалистовъ съ демократами, онъ, однако, описывая одновременно и германскую революцію („Революц. и контррев. въ Германіи."), не дѣлаетъ даже ни малѣйшаго намека на несостоятельность политики нѣмецкихъ коммунистовъ, а значитъ, и своей, — въ теченіе перваго года революціи. Такимъ образомъ, вышеприведенныя положенія „Манифеста" остаются, повидимому, въ силѣ, хотя исторія и обнаружила ихъ несостоятельность и показала всю неполноту ихъ познанія классового антагонизма между буржуазнымъ обществомъ и пролетаріатомъ.

Еще къ концу 50-хъ г.г. Марксъ и Энгельсъ заботятся о судьбахъ „германской демократіи" и принимаютъ участіе въ выработкѣ для нея разумной внѣшней политики (см. у Меринга.). Но дѣйствительность, опять таки, облекаетъ въ реальную форму не это дѣло, а возгласъ „Манифеста": „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь." Безъ непосредственной агитаціи коммунистовъ, международное движеніе пролетаріата само является въ серединѣ 60-хъ г.г. передъ Марксомъ и настоятельно требуетъ формулировки. Дѣйствительность, однимъ словомъ, постоянно подтверждаетъ и развиваетъ пролетарскую сторону программы коммунистовъ 40-хъ г.г., разбивая неумолимо ихъ демократическія мечтанія: нѣмецкая демократія передаетъ исполненіе своего революціоннаго завѣта въ руки... Бисмарка.

Первый шагъ въ рабочей революціи въ другомъ мѣстѣ „Манифеста" выраженъ еще въ слѣдующихъ словахъ: „Ближайшая цѣль коммунистовъ — та-же самая, что и всѣхъ остальныхъ пролетарскихъ партій: образованіе пролетаріата въ классъ, низверженіе господства буржуазіи, завоеваніе политической власти пролетаріатомъ." А къ этому мѣсту еще и такое поясненіе: „Хотя и не по содержанію, но по формѣ борьба пролетаріата противъ буржуазіи есть вначалѣ *національная* борьба. Пролетаріатъ *каждой страны* долженъ естественно *прежде всего справиться со своей собственной буржуазіей*." До революціи 48-го года, пока предполагалось, что „завоеваніе демократіи есть возвышеніе пролетаріата въ классъ господствующій", предполагалось вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно изъ приведеннаго, что пролетаріатъ каждой страны можетъ „самъ справиться со своей буржуазіей", что рабочіе въ границахъ націи могутъ „низвергнуть ея господство". Въ это время „завоеваніе политической власти пролетаріатомъ" представлялось просто въ

формѣ завоеванія демократіи. Но революція 48 года разбила эту иллюзію. Выросшее само собою международное движеніе пролетаріата въ началѣ 60-хъ г. г., ясно указывало, что это дѣло есть актъ міровой и требуетъ развитія міровой акціи пролетаріата, для своего осуществленія.

Но Генеральный Совѣтъ Интернаціонала въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, поручаетъ его выполненіе опять таки національнымъ организаціямъ.

«Наши статуты ставятъ, безъ всякаго сомнѣнія, передъ всѣми нашими вѣтвями въ Англіи, на континентѣ и въ Америкѣ ясную задачу воздавать не только очаги для боевыхъ организацій рабочаго класса, но и содѣйствовать въ соотвѣтственныхъ странахъ всякому политическому движенію, которое способствуетъ достиженію нашей конечной цѣли — экономической эманципаціи рабочаго класса» (Прокламація Совѣта Интернаціонала, май 70 г. Цитировано по «Судъ о государственной измѣнѣ» стр. 864).

Конференція Интернаціонала въ Лондонѣ въ 71 г. стоитъ на той же точкѣ зрѣнія и поясняетъ, что участіе пролетаріата въ политической жизни отдѣльныхъ странъ, въ качествѣ особой политической партіи, согласно съ основнымъ положеніемъ Интернаціонала: «Завоеваніе политической власти сдѣлалось великою обязанностью рабочаго класса.»

Очевидно Интернаціоналъ Маркса все еще стоитъ на вычеркнутыхъ исторіей положеніяхъ «Манифеста». Онъ, очевидно, воображаетъ, что «пролетаріатъ каждой страны долженъ раньше всего справиться съ своею собственною буржуазіей», что онъ это можетъ сдѣлать, что онъ отдѣльно въ каждой странѣ можетъ низвергнуть буржуазію, стать господствующимъ классомъ, завоевать политическую власть. Онъ все еще цѣликомъ принимаетъ то положеніе, по которому завоеваніе демократіи есть господство пролетаріата.

Итакъ, въ то время, кода международное движеніе рабочихъ выросло совершенно самостоятельно для реальной акціи, для реальнаго выраженія политики пролетаріата, стремящейся къ захвату власти, Генеральный Совѣтъ Интернаціонала такой акціи проявить не былъ въ состояніи. На этой почвѣ и выросло сепаративное движеніе бакунистовъ. Оно въ особенности усиливается послѣ коммуны, которая застала врасплохъ Интернаціоналъ и обнаружила полную его нежизнеспособность, ибо Интернаціоналъ не оказалъ коммунарамъ никакой помощи*). Сдѣлай тогда Интернаціоналъ хоть малѣйшій революціонный шагъ, онъ подорвалъ бы въ корнѣ бакунистскую оппозицію.

*) Въ протестѣ противъ поведенія Интернаціонала во время Коммуны, вышедшемъ въ Лондонѣ въ 72 г. и подписанномъ Вайяномъ и др. коммунарами, говорится: «Интернаціоналъ считали могущественнымъ, ибо на него смотрѣли, какъ на представителя революціи. Между тѣмъ онъ оказался боязливымъ, неединодушнымъ, играющимъ въ парламентаризмъ. Его уставъ и дѣятельность выразившаяся въ конгрессахъ депутатовъ, сдѣлали изъ него скорѣе парламентское, нежели боевое учрежденіе... До сихъ поръ, несмотря на манифесты и резолюціи, различные оттѣнки Интернаціонала очень ловко воздержались отъ вооруженной борь-

Безспорно, что Бакунинъ вначалѣ со своею анархистическою проповѣдью обращался къ буржуазнымъ радикаламъ «Лиги мира и свободы». Несомнѣнно также, что въ его альянсѣ была, въ особенности вначалѣ, масса непролетарскихъ элементовъ. Но несмотря на это, фраза, которой отдѣлывается отъ «сепаратистовъ» отчетъ Гаагской комиссіи по поводу дѣла Бакунина, подписанный Марксомъ и Энгельсомъ, фраза, громко провозглашавшая, что это интрига, устроенная буржуазіей для разрушенія Интернаціонала,-не болѣе, какъ простая увертка отъ сложнаго, непосильнаго дѣла. Если Марксу можно было, конечно, совсѣмъ не считаться съ наивной программой Бакунина, объ уничтоженіи государства по декрету въ первый день революціи, а также съ не менѣе наивной его теоріей о построеніи соціалистическаго общества на основѣ «прирожденнаго человѣку чувства солидарности», -то онъ не имѣлъ права третировать протестъ противъ своей политики многихъ десятковъ тысячъ рабочихъ всѣхъ романскихъ странъ, Бельгіи и Голландіи, которые пошли за Бакунинымъ. Этотъ протестъ выражалъ, конечно, совсѣмъ не то, что о немъ говорили его анархистскіе вожаки. Онъ не былъ выраженіемъ порицанія той централизаціи, которую Марксъ поставилъ въ Интернаціоналъ на мѣсто единственно, будто-бы спасительнаго федерализма. Нѣтъ, это былъ протестъ противъ того, что централизмъ Интернаціонала не представлялъ собою никакого революціоннаго содержанія; протестъ возникъ не потому, что руководящій органъ состоялъ изъ «якобинцевъ», готовящихся господствовать по низверженіи современнаго строя, какъ утверждалъ Бакунинъ, а потому, что онъ не состоялъ изъ революціонеровъ, изъ «коммунистовъ, представляющихъ на практикѣ наиболѣе рѣшительную, наиболѣе впередъ идущую часть рабочихъ партій всѣхъ странъ». (Коммунистическій Манифестъ)

Въ этотъ періодъ Марксъ, повидимому, противопоставлялъ ускользающему изъ его рукъ «сектантскому» движенію разныхъ странъ континента, образцовую партійную жизнь англійскихъ тредъ-юніоновъ, ихъ «зрѣлость» какъ въ экономической борьбѣ, такъ и въ тактичномъ участіи и отношеніи къ прогрессивнымъ политическимъ теченіямъ. (См. въ отчетѣ Гаагской комиссіи Интернаціонала циркуляръ Генеральн. Совѣта, а также статью Бернштейна въ «Neue Zeit», 96-97 г, №17) Но скоро ему пришлось разочароваться въ этой «зрѣлости». Вотъ что онъ говоритъ о политикѣ тредъ-юніоновъ въ своемъ письмѣ къ Либкнехту, во время русско-турецкой войны:

«Англійскій рабочій классъ, при господствѣ коррупціи, падалъ съ 1848 г. все ниже, деморализовался все болѣе и наконецъ дошелъ до того, что составляетъ лишь хвостъ великой либеральной партіи т. е. своихъ собственныхъ угнетателей, капиталистовъ. Имъ руководятъ исключительно продажные вожаки профессіональныхъ союзовъ и агитаторы. Эти мошенники подняли страшный шумъ ad maiorem gloriam царя освободителя, слѣдуя примѣру Гладстона, Брайта..., а между тѣмъ и не ударили пальцемъ въ пользу собственныхъ братьевъ, приговоренныхъ владѣльцами рудниковъ Южнаго Уэльса къ голодной смерти». (Либкнехтъ «Должна ли Европа сдѣлаться казацкой?»)

бы. Лишь нѣсколько его сторонниковъ, по собственному почину, вступили въ ряды борющихся...» Не желая стать рѣшительно на сторону коммуны, онъ приговорилъ себя къ самоубійству. (Цитировано по Лавелэ: «Современный Соціализмъ», въ польскомъ переводѣ, стр. 183).

Этотъ плачевный результатъ «участія» англійскаго рабочаго класса въ «политической жизни своей страны», участія, еще недавно по Марксу, столь «образцоваго», доказывалъ неопровержимо слѣдующее: «великое дѣло» «захвата пролетаріатомъ государственной власти» не есть однако, дѣло настолько простое, чтобъ оно могло стать вполнѣ «ясной задачей» только потому, что Интернаціоналъ написалъ въ своихъ статутахъ: «Завоеваніе политической власти пролетаріатомъ сдѣлалось великою обязанностью рабочаго класса». Этого дѣла нельзя было рѣшить простой пересылкой его національнымъ организаціямъ, съ указаніемъ, что «по характеру борьбы рабочаго класса его экономическое движеніе неразрывно связано съ политической дѣятельностью». (Резолюція конференціи Интернаціонала въ 1871 г.)

Мы видѣли, какъ нѣмецкая соц-д-ія исполняла это порученіе, стараясь завоевать въ своей странѣ власть для пролетаріата, независимо отъ ея состоянія въ другихъ странахъ. При этомъ развитіи соц-д-ія фатально теряетъ идею о господствѣ пролетаріата.

Соглашаясь, по совѣту либераловъ и демократовъ, признать «устарѣлыми» идеи «Манифеста» о «деспотическомъ нападеніи пролетаріата на право собственности», о «насильственномъ переворотѣ» всего строя, она не допускаетъ ни въ одной буквѣ видоизмѣненія вышеприведенныхъ положеній «Манифеста», касающихся отношенія къ демократіи. А такъ какъ демократія осуждена на безпрестанное гніеніе, то соц-д-ія должна стать наслѣдницей всѣхъ демократическихъ «завѣтовъ».

И своимъ наслѣдствомъ соц-д-ія гордится. Но владѣніе имъ обходится очень дорого. Мерингъ, разсказывая о дѣятельности Лассаля наканунѣ его разрыва съ прогрессистами, говоритъ:

«Какъ Марксъ и Энгельсъ въ 48 г., такъ и Лассаль въ 62 г. примкнулъ къ крайнему крылу буржуазнаго движенія. Несмотря на всѣ горькіе опыты, которые Лассаль сдѣлалъ въ дни новой эры либерализма, онъ твердо держался взгляда, который руководилъ имъ въ 50 - хъ г. г: не нападать на буржуазный классъ, не ослаблять, но усиливать его и погонять впередъ, пока есть еще кое - какая надежда, что онъ исполнитъ свое историческое призваніе и покончитъ съ реакціей феодализма и абсолютизма... Даже если бы попытка (подогнать буржуазію) казалась совершенно безплодною, ее должно было однако сдѣлать. Пока прогрессистская партія не показала наглядно передъ народомъ, что она не можетъ и не хочетъ рѣшить поставленной передъ ней задачи, не было никакого смысла махнуть на нее рукой.»

И, очевидно, до безконечности нельзя будетъ никогда, по этой с.-д. - ой формулѣ «махнуть рукой» на буржуазную оппозицію. Вѣдь всякій разъ, «какъ ни безплодной можетъ казаться» данная попытка подогнать буржуазію, — ее «должно сдѣлать». Сколько ни будетъ такихъ безплодныхъ попытокъ, онѣ не въ

состояніи измѣнить формулу. Пролетаріатъ на вѣчныя времена впрягается этой формулой въ демократическую колесницу. Онъ можетъ сдѣлать революціонный шагъ только тогда, когда онъ этимъ не ослабляетъ буржуазной оппозиціи, или, другими словами, дальнѣйшій революціонный шагъ разрѣшается пролетаріату только тогда, когда это въ интересахъ крайняго крыла демократіи.

Поясняя эту формулу, Бебель говоритъ въ « Neue Zeit » (№ 46, 96 - 97,) :

«Если буржуазія, - является ли ея политическимъ представителемъ національный либерализмъ, или прогрессистская партія, или какъ ее теперь называютъ, свободомыслящая партія, - уже десять разъ показала себя политически ненадежной, малодушной и безхарактерной. какъ по отношенію къ правящимъ сферамъ, такъ и по отношенію къ рабочему классу, то это нисколько не измѣняетъ нашей обязанности поддерживать ее въ одиннадцатый разъ, въ томъ случаѣ, если она оорется съ большимъ для насъ зломъ.»

Это, очевидно, обязанность раба, несмѣющаго отнестись непочтительно къ дешевому благородству своего господина.

Такъ какъ демократія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе примиряетъ свою оппозиціонную природу съ защитою «престола и отечества», то с.д.-ія, приковавшая дѣло пролетаріата къ «демократическимъ завѣтамъ», тоже благополучно легализируется, стараясь стать «единственной партіей порядка». «Тамъ, гдѣ государство честно поставило всеобщее избирательное право, оно обезпечено отъ революціи» (Либкнехтъ, см. стр. 3.) И тамъ, какъ говоритъ Фольмаръ, с. д.-ія будетъ «проявлять свою силу только въ согласіи съ волей народа»... «Завоеваніе политической власти для пролетаріата есть завоеваніе демократіи». Но такъ какъ въ Швейцаріи, напр., несомнѣнно уже существуетъ демократія, то тамъ, собственно говоря, уже господствуетъ пролетаріатъ «въ согласіи съ волей народа», а потому Швейцарія, - говоритъ Либкнехтъ на Цюрихскомъ конгрессѣ 67 года, - «представляетъ собою государство будущаго въ миніатюрѣ».

Со времени пролетарскаго возстанія противъ «республиканской Франціи» (48 г.) европейская демократія безпрекословно рѣшила занять по отношенію къ существующему строю такое положеніе, какое вообще занимала либеральная оппозиція, - положеніе законной борьбы. Ей ни въ какомъ случаѣ нельзя расшатывать государственныхъ устоевъ. Въ какой бы самодержавной формѣ не выступало государство передъ ней, она не осмѣлится нападать на него для его низверженія, какъ она еще мечтала въ 40-хъ годахъ. Ея «республиканскія» мечтанія, потребности «свободы» могутъ осуществиться лишь въ формѣ законныхъ уступокъ. Она и можетъ стремиться самое большее къ тому, чтобы получить для себя подарки законнымъ путемъ, не ослабляя государственныхъ основъ. Въ этомъ смыслѣ она и эскамотируетъ пролетарское революціонное движеніе, передавая ему свои «завѣты». Но природа этихъ завѣтовъ такова, что никогда ни къ какимъ революціямъ привести не можетъ. Демократическія революціи въ національныхъ рамкахъ перестали имѣть въ цивилизованномъ мірѣ всякій смыслъ. Даже въ странѣ со столь мало развитымъ капитализмомъ, какъ Россія 70-хъ г.г., гдѣ есть какъ будто всѣ дан-

ныя для чисто политической революціи, революціонное движеніе уже не выступаетъ подъ открыто демократическимъ флагомъ, а принуждено, чтобы возникнуть и удержаться хоть нѣсколько лѣтъ, принять соціалистическую оболочку. Марксъ, смотря на это движеніе, принужденъ оставить въ сторонѣ промежуточныя для «неразвитой страны» демократическія ступени и подумать о «скачкѣ» для нея, такъ чтобы русская революція была сигналомъ для «рабочей революціи» на Западѣ; очевидно въ этомъ лишь случаѣ онъ ожидаетъ для русской революціи настоящаго успѣха. (Предисловіе Маркса къ русскому изд. Коммунистич. Манифеста 82 г.) Лишь только исчезла окутывавшая движеніе оболочка утопическаго соціализма, по своей природѣ недолговѣчная, пало и само революціонное движеніе, не будучи въ состояніи создать чисто политической революціи. Возникшее вновь движеніе въ 90-хъ г.г., несмотря на возросшія «демократическія потребности свободы» у русскаго общества, не въ силахъ безъ колебаній и прямо идти на встрѣчу революціи въ Россіи до тѣхъ поръ, пока не поставитъ сознательной цѣлью пролетарской революціи.

Когда французской демократіи 70 года нужно было не болѣе, какъ занять мѣсто абсолютизма, павшаго вовсе не подъ ея ударами, а подъ ударами прусской арміи, она и этого уже не могла сдѣлать, потому что неожиданно (неожиданно и для Маркса) пришла на очередь непосредственно и потребовала рѣшенія немедленно пролетарская революція. Такимъ образомъ, въ то время, когда соц-дем-ая формула указываетъ все на «первый шагъ въ рабочей революціи — завоеваніе демократіи», исторія безпрерывно готовитъ элементы и силы для «деспотическаго нападенія» на буржуазное право собственности. Эта формула, просто по своей природѣ, - сводя всѣ эти силы къ демократизаціи государства для пролетаріата, - не въ состояніи создать для нихъ достаточнаго выраженія, не въ состояніи дать понятія объ ихъ размѣрѣ. Она лишь способна обуздывать ихъ.

Идея коммунистовъ 40-хъ годовъ о господствѣ пролетаріата, чтобы быть достаточнымъ выраженіемъ этихъ ростущихъ элементовъ, должна по необходимости выйти наконецъ изъ тѣсныхъ для нея демократическихъ и національныхъ рамокъ.

Соц-дем-ія пыталась создать политику пролетаріата на основаніи того принципа, согласно которому, рабочіе, организуясь въ политическую партію. должны составлять партію самостоятельную, особую отъ всѣхъ другихъ національныхъ партій. Этотъ принципъ, который соц-д-ія не только не съумѣла осуществить, а напротивъ, превратила въ настоящее время въ политику открытыхъ компромиссовъ, этотъ принципъ означаетъ: въ то время, когда всякая другая партія своею политикой выражаетъ отношеніе даннаго слоя населенія къ данной государственной формѣ, пролетаріатъ своею политикой выражаетъ нѣчто высшее, чего не можетъ сдѣлать ни одна національная партія. Его политика выражаетъ въ данномъ мѣстѣ отношеніе міровой силы пролетаріата къ международному «братству» буржуазіи. Поэтому то первое условіе для основанія самостоятельной партіи пролетаріата въ странахъ, гдѣ лишь начинается стихійное рабочее движеніе, заключается въ точномъ познаніи выросшими сознательными силами пролетаріата, этого міроваго отношенія и въ сообразной съ этимъ по-

становкѣ политики пролетаріата въ этой странѣ или, выражаясь иначе, политика самостоятельной партіи пролетаріата сообразуется прежде всего съ «экономикой» всего міра, а не того или другаго уголка его.

Пролетарская революція есть революція въ цивилизованномъ мірѣ. Захватъ власти пролетаріатомъ есть актъ міровой. А стало быть и его сознательное подготовленіе можетъ быть выражено только какъ международное дѣло, котораго никакимъ образомъ не уложишь въ національныя рамки: послѣднія всегда для него будутъ Прокрустовымъ ложемъ. Въ этихъ рамкахъ оно лишь превращается въ утопію вродѣ с. д.-ой формулы, становящейся фатально, какъ мы видѣли, лишь прикрытіемъ для «участія рабочаго класса» . . . въ буржуазныхъ прогрессахъ.

Самостоятельная «политика» пролетаріата есть сознательное проявленіе единой міровой воли, слѣдующей изъ тождества интересовъ пролетаріата всѣхъ странъ, а стало быть воли высшей, чѣмъ какая бы то ни было демократическая «народная воля», не могущей по своей природѣ подчиняться ей, а, напротивъ, по сущности своей, могущей только господствовать надъ ней, а потому призванной диктовать свою волю національнымъ законодательнымъ органамъ, уничтожая классовое господство—государство.

Міровая организація пролетаріата, его международная конспирація и единодушная акція, какъ одного цѣлаго, вотъ единственный путь къ его господству, къ его революціонной диктатурѣ, организація захвата политической власти.

Мы видѣли, какъ с. д.-ая формула подорвала въ корнѣ призывъ парижскаго конгресса къ міровой майской демонстраціи, эту робкую попытку выразить возросшія силы міроваго пролетаріата въ совмѣстной солидарной акціи. Подобнымъ же образомъ дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ формула и впослѣдствіи.

Такъ какъ с. д.-тіи приходилось на международныхъ конгрессахъ наталкиваться на непріятности и критику съ анархистской стороны, то эти конгрессы становятся все рѣже и рѣже. Вмѣсто этого с. д.-ія, какъ мы видѣли, принимаетъ участіе въ соціально-реформаторскомъ конгрессѣ, на который раньше не соглашалась. Изъ среды нѣмецкой с. д.-іи слышатся голоса (Ауеръ), что конгрессы слѣдовало бы замѣнить съѣздами парламентскихъ депутатовъ.

Поставленные на очередь на Цюрихскомъ конгрессѣ 93 г. вопросы о міровой организаціи пролетаріата и о міровой стачкѣ почему то не обсуждаются. Въ Лондонѣ въ 93 г. удалось поставить на обсужденіе конгресса предложеніе отдать на разсмотрѣніе всѣхъ рабочихъ союзовъ вопросъ о міровой стачкѣ. Но даже это, столь скромное требованіе,—«отдать на разсмотрѣніе»,—отклонено, такъ какъ извѣстно вѣдь, что генеральная стачка—утопія, и не слѣдуетъ даже разговаривать о подобныхъ вредныхъ вещахъ.

Впрочемъ с. д.-ая политика признаетъ генеральную стачку, но только въ одномъ случаѣ. Она должна, во первыхъ вестись въ національныхъ рамкахъ. Разъ массовая стачка переходитъ черезъ границу изъ одной страны въ другую, она становится тутъ же утопическимъ предпріятіемъ. Затѣмъ генеральная стачка можетъ выставить только политическія требованія, демократизацію государственнаго

строя, можетъ быть предпринята только въ защиту, или для завоеванія «народныхъ правъ». Такъ, напр., Бельгійская массовая стачка за расширеніе избирательнаго права совершенно въ духѣ с. д.-ой политики. Тутъ допускаются даже кровавыя столкновенія.

Когда австрійская с. д.-тія выставила требованіе всеобщаго избирательнаго права, широко агитировалась идея о всеобщей стачкѣ. Но лишь только австрійскіе профессіональные союзы согласились присоединиться къ общей забастовкѣ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы стачка была предпринята вмѣстѣ съ тѣмъ и за 8-ми часовой рабочій день, воодушевленіе среди с. д.-іи сразу исчезло: стачка показалась ей въ такихъ условіяхъ неосуществимой.

Итакъ, незаконное съ точки зрѣнія современнаго строя средство борьбы—генеральная стачка—не утопична, если предпринята за освобожденіе, или болѣе справедливое выраженіе «народной воли»; если же дѣло касается непосредственныхъ требованій рабочихъ, какъ сокращеніе рабочаго дня во всѣхъ отрасляхъ производства, то такое требованіе скорѣе всего, какъ увѣряетъ с. д.-тія, достигнется въ самомъ парламентѣ. Но сколько разъ ни ставилось это требованіе—8-ми часоваго рабочаго дня—въ европейскихъ палатахъ (напр., въ 1896 г въ Парижѣ, Берлинѣ), на его сторонѣ оказывалась лишь горсть соціалистическихъ депутатовъ, и его осуществленіе возможно здѣсь развѣ въ минуту «с. д.-аго большинства», значитъ. . . совсѣмъ не скоро.

Эта двойственная политика по отношенію къ генеральной стачкѣ не означаетъ стало быть ничего другого, какъ установленіе принципа, по которому непосредственное революціонное давленіе рабочихъ массъ допускается для демократизаціи государственнаго строя, но не допускается для удовлетворенія непосредственныхъ нуждъ рабочихъ. Но демократизація, расширеніе «народныхъ правъ», означаетъ прежде всего допущеніе къ управленію болѣе широкихъ сферъ «интеллигентнаго» общества. Игра классоваго интереса «крайняго крыла демократіи» во всемъ этомъ очевидна.

IV

Вся выше намѣченная эволюція с. д.-іи, конечно, очень поучительна для буржуазнаго радикализма. Онъ давно пересталъ пугаться краснаго словечка с. д.-аго «завоеванія пролетаріатомъ политической власти». Онъ давно сталъ питать сладкую надежду, что с. д.-ое веденіе этого дѣла позволитъ легализировать его. С. д.-ія дала ему достаточно гарантій того, что она будетъ во что бы то ни стало удерживать свою политику законныхъ и мирныхъ средствъ. Вслѣдствіе этого буржуазный радикализмъ заявилъ себя другомъ с. д.-іи и возъимѣлъ благородный планъ, производить съ с. д.-ой политикой ту же операцію, что и съ трэдъ-юніонской политикой. Послѣ легализаціи англійскихъ трэдъ-юніоновъ онъ призналъ необходимость профессіональной борьбы въ рѣшеніи классовыхъ противорѣчій между капиталистами и рабочими, призналъ за трэдъ-юніонами «право войны» на этой почвѣ для блага цивилизаціи и прогресса и съ помощію «зрѣ-

становкѣ политики пролетаріата въ этой странѣ или, выражаясь иначе, политика самостоятельной партіи пролетаріата сообразуется прежде всего съ «экономикой» всего міра, а не того или другаго уголка его.

Пролетарская революція есть революція въ цивилизованномъ мірѣ. Захватъ власти пролетаріатомъ есть актъ міровой. А стало быть и его сознательное подготовленіе можетъ быть выражено только какъ международное дѣло, котораго никакимъ образомъ не уложишь въ національныя рамки: послѣднія всегда для него будутъ Прокрустовымъ ложемъ. Въ этихъ рамкахъ оно лишь превращается въ утопію вродѣ с. д.-ой формулы, становящейся фатально, какъ мы видѣли, лишь прикрытіемъ для «участія рабочаго класса» . . . въ буржуазныхъ прогрессахъ.

Самостоятельная «политика» пролетаріата есть сознательное проявленіе единой міровой воли, слѣдующей изъ тождества интересовъ пролетаріата всѣхъ странъ, а стало быть воли высшей, чѣмъ какая бы то ни было демократическая «народная воля», не могущей по своей природѣ подчиняться ей, а, напротивъ, по сущности своей, могущей только господствовать надъ ней, а потому призванной диктовать свою волю національнымъ законодательнымъ органамъ, уничтожая классовое господство—государство.

Міровая организація пролетаріата, его международная конспирація и единодушная акція, какъ одного цѣлаго, вотъ единственный путь къ его господству, къ его революціонной диктатурѣ, организація захвата политической власти.

Мы видѣли, какъ с. д.-ая формула подорвала въ корнѣ призывъ парижскаго конгресса къ міровой майской демонстраціи, эту робкую попытку выразить возросшія силы міроваго пролетаріата въ совмѣстной солидарной акціи. Подобнымъ же образомъ дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ формула и впослѣдствіи.

Такъ какъ с. д.-тіи приходилось на международныхъ конгрессахъ наталкиваться на непріятности и критику съ анархистской стороны, то эти конгрессы становятся все рѣже и рѣже. Вмѣсто этого с. д.-ія, какъ мы видѣли, принимаетъ участіе въ соціально - реформаторскомъ конгрессѣ, на который раньше не соглашалась. Изъ среды нѣмецкой с. д.-іи слышатся голоса (Ауеръ), что конгрессы слѣдовало бы замѣнить съѣздами парламентскихъ депутатовъ.

Поставленные на очередь на Цюрихскомъ конгрессѣ 93 г. вопросы о міровой организаціи пролетаріата и о міровой стачкѣ почему то не обсуждаются. Въ Лондонѣ въ 93 г. удалось поставить на обсужденіе конгресса предложеніе отдать на разсмотрѣніе всѣхъ рабочихъ союзовъ вопросъ о міровой стачкѣ. Но даже это, столь скромное требованіе,—«отдать на разсмотрѣніе»,—отклонено, такъ какъ извѣстно вѣдь, что генеральная стачка—утопія, и не слѣдуетъ даже разговаривать о подобныхъ вредныхъ вещахъ.

Впрочемъ с. д.-ая политика признаетъ генеральную стачку, но только въ одномъ случаѣ. Она должна, во первыхъ вестись въ національныхъ рамкахъ. Разъ массовая стачка переходитъ черезъ границу изъ одной страны въ другую, она становится тутъ же утопическимъ предпріятіемъ. Затѣмъ генеральная стачка можетъ выставить только политическія требованія, демократизацію государственнаго строя, можетъ быть предпринята только въ защиту, или для завоеванія «народныхъ правъ». Такъ, напр., Бельгійская массовая стачка за расширеніе избирательнаго права совершенно въ духѣ с. д. - ой политики. Тутъ допускаются даже кровавыя столкновенія.

Когда австрійская с. д.-тія выставила требованіе всеобщаго избирательнаго права, широко агитировалась идея о всеобщей стачкѣ. Но лишь только австрійскіе профессіональные союзы согласились присоединиться къ общей забастовкѣ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы стачка была предпринята вмѣстѣ съ тѣмъ и за 8 - ми часовой рабочій день, воодушевленіе среди с. д.-іи сразу исчезло: стачка показалась ей въ такихъ условіяхъ неосуществимой.

Итакъ, незаконное съ точки зрѣнія современнаго строя средство борьбы—генеральная стачка—не утопична, если предпринята за освобожденіе, или болѣе справедливое выраженіе «народной воли»; если же дѣло касается непосредственныхъ требованій рабочихъ, какъ сокращеніе рабочаго дня во всѣхъ отрасляхъ производства, то такое требованіе скорѣе всего, какъ увѣряетъ с. д.-тія, достигнется въ самомъ парламентѣ. Но сколько разъ ни ставилось это требованіе—8-ми часоваго рабочаго дня—въ европейскихъ палатахъ (напр., въ 1896 г въ Парижѣ, Берлинѣ), на его сторонѣ оказывалась лишь горсть соціалистическихъ депутатовъ, и его осуществленіе возможно здѣсь развѣ въ минуту «с. д.-аго большинства», значитъ. . . совсѣмъ не скоро.

Эта двойственная политика по отношенію къ генеральной стачкѣ не означаетъ стало быть ничего другого, какъ установленіе принципа, по которому непосредственное революціонное давленіе рабочихъ массъ допускается для демократизаціи государственнаго строя, но не допускается для удовлетворенія непосредственныхъ нуждъ рабочихъ. Но демократизація, расширеніе «народныхъ правъ», означаетъ прежде всего допущеніе къ управленію болѣе широкихъ сферъ «интеллигентнаго» общества. Игра классоваго интереса «крайняго крыла демократіи» во всемъ этомъ очевидна.

IV

Вся выше намѣченная эволюція с. д.- іи, конечно, очень поучительна для буржуазнаго радикализма. Онъ давно пересталъ пугаться краснаго словечка с. д.-аго «завоеванія пролетаріатомъ политической власти». Онъ давно сталъ питать сладкую надежду, что с. д.- ое веденіе этого дѣла позволитъ легализировать его. С. д. - ія дала ему достаточно гарантій того, что она будетъ во что бы то ни стало удерживать свою политику законныхъ и мирныхъ средствъ. Вслѣдствіе этого буржуазный радикализмъ заявилъ себя другомъ с. д.-іи и возъимѣлъ благородный планъ производить съ с. д.-ой политикой ту же операцію, что и съ трэдъ-юніонской политикой. Послѣ легализаціи англійскихъ трэдъ-юніоновъ онъ призналъ необходимость профессіональной борьбы въ рѣшеніи классовыхъ противорѣчій между капиталистами и рабочими, призналъ за трэдъ-юніонами «право войны» на этой почвѣ для блага цивилизаціи и прогресса и съ помощію «зрѣ-

лой» политики профессіональныхъ союзовъ, враждебной всякимъ «соціалистическимъ утопіямъ», старался истреблять соціализмъ.

Подобнымъ образомъ онъ нынѣ призналъ за рабочими право на легальное представительство своихъ интересовъ въ качествѣ особой національной партіи. Онъ признаетъ легальную политическую борьбу с. д.-іи для того, чтобы съ тѣмъ большимъ успѣхомъ, съ тѣмъ большею силою и яростію нападать на революціонное прошлое с. д.іи, стараясь склонить ее къ отреченію отъ него, стараясь оторвать ея современную политику отъ революціонной основы.

Этой игры с. д.-ія не замѣчаетъ и давно идетъ на удочку. Мы видѣли,какъ Бебель при взглядѣ на всю исторію партіи, старается доказать что она есть сплошь развитіе компромиссовъ. Либкнехтъ, когда ему напоминаютъ его революціонную агитацію 60-хъ г. г., старается показать, что это была лишь тактика, что настоящее положеніе такъ измѣнилось, что такая «тактика» нынѣ немыслима. Когда, говоритъ онъ, ихъ было въ парламентѣ два, три человѣка, было тактично вести отрицательную политику, нынѣ она не имѣетъ смысла. Но отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ болѣе с. д.-ическихъ представителей, тѣмъ болѣе с. д.-ія должна по необходимости удаляться отъ этой «тактики»,отъ революціонной тактики.

Когда на конгрессѣ 93 г. Домела Ньювенгаусъ призываетъ нѣмецкую с-д-ію остаться на революціонной почвѣ и выражать, какъ нѣкогда, въ парламентѣ лишь протестъ, — Бернштейнъ отвѣчаетъ ему послѣ конгресса въ «Neue Zeit»:

«Отъ насъ требуютъ безсмысленной кастраціи своихъ силъ насъ хотятъ свести на ступень секты. Тамъ, гдѣ соціализмъ представляетъ молодое движеніе, гдѣ у его сторонниковъ недостаетъ средствъ и возможности заинтересовать на продолжительное время въ своихъ стремленіяхъ народныя массы, тамъ соціализмъ по необходимости долженъ принять характеръ утопическаго или утопизирующаго. Этотъ періодъ и мы, нѣмцы, прошли во время молодости нашего движенія»... Но теперь «мы требуемъ для себя права не позволять нашимъ благомыслящимъ друзьямъ одѣвать насъ въ нарядъ паяца только потому, что онъ кажется имъ воплощеніемъ нефальсифицированной чистоты соціалистической этики».

Революціонная проповѣдь Либкнехта (см. стр. 9), учившая нѣмецкихъ рабочихъ, что соціализмъ, какъ вопросъ силы, нельзя рѣшить законнымъ парламентскимъ путемъ, - есть лишь «нарядъ паяца» изъ временъ молодости соц-д-іи.

Англійскій тредъ-юніонистскій политикъ смотритъ на соціалистическіе планы рабочихъ континента, какъ на неподходящую для «зрѣлыхъ» англійскихъ рабочихъ, дѣтскую забаву, смотритъ съ такою же гордостью и презрѣніемъ, какъ Бернштейнъ на революціонное соціалистическое движеніе. Мало того, прославившійся своею борьбою съ с-д-іей проф. Адлеръ, оцѣнивая историческое значеніе революціоннаго соціализма, говоритъ, что онъ игралъ роль средства для того, чтобы привлечь къ политической жизни массы, погруженныя во мракъ и невѣжество. Далеко ли ушло отъ такого объясненія вышеприведенное объясненіе Бернштейна.?*)

*) Читатель, пожалуй, замѣтитъ, что на послѣднемъ прошлогоднемъ Штутгартскомъ партейтагѣ произошло, въ нѣкоторомъ смыслѣ, отреченіе отъ Бернштейна, теоретика оппортунизма. Этимъ «отреченіемъ» буржуазный радикализмъ не смущается. Вотъ что говоритъ о результатахъ Штутгартскаго партейтага «Frankfurter Zeitung» «органъ буржуазной демократіи»: «Тѣ, которые ожидаютъ развитія с-д-іи въ томъ смыслѣ, что ея центръ тяжести все болѣе будетъ передвигаться съ революціонной стороны къ реформаторской, не ошиблись... Кто слышалъ или читалъ рѣчи Гейне, Пейса, Граденауэра, Ауэра, Фольмара, можетъ быть удовлетворенъ. Мы держимся того взгляда, что эта поссибилистская группа неизбѣжно отодвинетъ ей противостоящую другую, такъ что фактически она опредѣлитъ направленіе с-д-ой политики.» И о всемъ настоящемъ историческомъ моментѣ буржуазная газета разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Дѣйствительнаго господства буржуазіи въ Германіи еще никогда не было. Въ 60-хъ годахъ мы стояли на вѣрномъ пути къ этой цѣли, но тогда вдругъ пришлось буржуазіи бороться на два фронта — противъ феодализма и противъ подымающагося новаго врага ея, противъ соц-д-іи, въ то время дѣйствительно революціонной... Большая часть буржуазнаго общества, испуганная нападеніемъ рабочихъ баталіоновъ, бросилась охотно въ объятія феодаловъ. На этомъ мѣстѣ мы еще стоимъ и сегодня. Итакъ нынѣ дѣло не въ изысканіи средствъ и путей, какъ осуществить утопію государства будущаго, но въ выполненіи того, чего не успѣла сдѣлать либеральная буржуазія — демократизаціи государства»... И съ увѣренностью газета заключаетъ: «Изъ всего видно, что соц-дем-ія находится на хорошемъ пути и если она должна будетъ его покинуть, то это будетъ навѣрно не ея вина, но вина тѣхъ, которые вѣрятъ предразсудку, что они могутъ уничтожить соц-д-ую партію силою и исключительными законами».

Получивъ достаточно доводовъ въ пользу того, что с. д.-ія имѣетъ большое желаніе стать «единственной партіей порядка», буржуазный радикализмъ почувствовалъ нѣкоторую симпатію и къ теоретической основѣ с. д.-іи, къ марксизму. Онъ приступаетъ къ новымъ

Свою увѣренность буржуазный органъ черпаетъ изъ того, что упомянутая имъ группа «поссибилистовъ» дѣйствительно не слаба. Это явные непролетарскіе элементы. Они совѣтуютъ примиреніе не только съ буржуазнымъ государствомъ, но даже съ настоящимъ германскимъ правительствомъ, въ формѣ своей политики компенсаціи, рекомендующей согласиться на пушки, дабы взамѣнъ получить «народныя права». Они такимъ образомъ оппортюнисты даже для оппортюниста Бебеля. Эти господа все «новые люди», вступившіе въ ряды соц-д-іи только послѣ того какъ она стала легализироваться. (Они сами заявляютъ это съ гордостью.)

Имъ мало, что комитетъ соц-д-ой партіи при послѣднихъ выборахъ упомянулъ въ своемъ манифестѣ о «конечной цѣли» лишь въ нѣсколькихъ строкахъ. Они хотѣли бы имѣть «программу акціи», въ которой было бы совсѣмъ вычеркнуто соціалистическое введеніе, ибо «проповѣдь о конечной цѣли легко создаетъ окостенѣніе», а «пророкъ скоро становится скучнымъ попомъ». Для нихъ «движеніе — все, конечная цѣль — ничего». Отцомъ этой «поссибилистической» группы является на конгрессѣ Фольмаръ. Но если Пейссовъ республиканцы Либкнехты считаютъ нужнымъ удерживать и предостерегать, то Фольмару они ничего сказать не смѣютъ. Поэтому Фольмаръ, чувствуя свою силу, не считаетъ нужнымъ соблюдать даже соц-д-ое приличіе. (Вотъ нѣкоторыя изъ его сентенцій на конгрессѣ: «Еслибы коммунары вмѣсто того, чтобы бороться на баррикадахъ, пошли спать, они тѣмъ оказали бы соціализму совсѣмъ не плохую услугу... Для насъ

изслѣдованіямъ Маркса, постоянно комментируя его ученіе современной политикой с. д. - іи, какъ настоящей ученицы Маркса. При помощи поправокъ, внесенныхъ самими несомнѣнными учениками, онъ открываетъ настоящій «духъ» ученія Маркса (Струве). При этомъ оказывается, что Марксъ, давая разрѣшеніе проблемы, выставленной революціоннымъ соціализмомъ, не успѣлъ однако вполнѣ «освободиться» отъ нѣкоторыхъ его «фразъ» и «идей», которыя въ сущности не согласны съ «духомъ Марксова ученія». Это особенно относится къ «коммунистической крышѣ», приставленной Марксомъ лишь искусственно къ своему ученію, но не связанной съ нимъ органически . .

не могло бъ случиться большаго несчастья, какъ еслибы вдругъ, совершенно неожиданно намъ досталась власть.»)

Что касается «отреченія», отъ Бернштейна, то отрекающіеся отъ него—Кауцкій, Либкнехтъ, Бебель—совсѣмъ и не думали, чтобы проявившаяся «глубокая» разница во взглядахъ ихъ съ Бернштейномъ, мѣшала этому послѣднему и впредь оставаться «теоретикомъ соц-д-іи».

Поэтому то, когда Плехановъ, принимая это отреченіе въ серьезъ, удивляется послѣ конгресса, почему германская соц-д-ая партія не «хоронитъ» окончательно Бернштейна, человѣка, который въ своихъ статьяхъ, къ великой радости всей «реакціонной массы», «хоронитъ соціалистическую партію», Кауцкій упорно повторяетъ ему, что Бернштейнъ именно этими статьями оказалъ услугу соц-д-іи, обративъ ея вниманіе на новыя явленія историческаго развитія. (Отдаетъ ли себѣ отчетъ Плехановъ въ томъ, что Бернштейнъ, самый доблестный воинъ соц-д-іи въ борьбѣ съ анархизмомъ и независимыми, сталъ «хоронить» революціонный соціализмъ не только въ послѣднихъ своихъ статьяхъ, но, между прочимъ, какъ видѣлъ читатель на стр. 32, уже въ 1893 г., и вся соц-д-ія питалась этой духовной пищей, не подозрѣвая въ ней ничего противорѣчащаго принципамъ соціализма. Именно на Бернштейнѣ воспитались русскіе соц-д-ты, которые теперь не станутъ одобрять Плеханова за его критику проникшаго въ ряды соцдем-іи оппортунизма.)

Крайне характеренъ, для оцѣнки отношенія всей нѣмецкой партіи къ «ереси» Бернштейна, слѣдующій фактъ. Либкнехты, заявляющіе на партэйтагѣ о «глубокой» разницѣ во взглядахъ съ Бернштейномъ, тутъ же, при рѣшеніи практическаго вопроса, дѣлаютъ то, что угодно Бернштейну. Бернштейнъ былъ иниціаторомъ участія въ выборахъ въ прусскій ландтагъ. Выставивъ этотъ проектъ еще въ 93 г. въ Кельнѣ, онъ встрѣтилъ тогда единодушный отпоръ со стороны партейтага. Но за пять лѣтъ, протекшихъ съ Кельнскаго партейтага, онъ привлекъ къ своему проекту всю партію. Штутгартскій партейтагъ, отрекающійся отъ его «теоріи», принимаетъ одновременно съ этимъ его «практическое» требованіе «сотрудничества съ другими общественными группами», предоставляя отдѣльнымъ округамъ право голосовать за буржуазную оппозицію. Либкнехтъ, еще въ 97 г. отклонявшій это участіе, въ Штутгартѣ отказывается отъ оппозиціи въ тотъ самый моментъ, въ который заявляетъ о глубокой разницѣ во взглядахъ съ Бернштейномъ.

Проявившееся на Штутгартскомъ партейтагѣ и нападающее на поссибилистовъ лѣвое крыло партіи (Шенланкъ, Цеткина, Люксембургъ, Парвусъ), съ одной стороны, пока очень немногочисленна, съ другой стороны, удовлетворяясь на партейтагѣ голымъ заявленіемъ Каутскаго о разницѣ во взглядахъ съ Бернштейномъ, обнаруживаетъ этимъ самымъ неособенную силу своей оппозиціи.

«Прогнозъ Маркса для ученаго не обязателенъ» (Струве). Неизбѣжность коммунистическаго строя вообще вѣдь доказать нельзя, можно доказать развѣ лишь «неизбѣжность коммунистическаго идеала», говоритъ Зомбартъ. (Михайловскій удовлетворенъ).

Марксъ такимъ образомъ благополучно «очищенъ». Наука, процустивъ его теорію сквозь тончайшій фильтръ своего безпристрастнаго, стоящаго выше всѣхъ земныхъ споровъ, анализа, получаетъ въ результатѣ чистую, какъ слеза, марксистскую истину, общеобязательную для всѣхъ безъ исключенія партій, (и Карѣевъ удовлетворенъ!) значитъ даже для прогрессивныхъ государственыхъ мужей.

Эта истина доказываетъ цѣлесообразность и полную законность современнаго строя, несомнѣнную желательность и спасительность его развитія для всѣхъ безъ исключенія слоевъ населенія. Капитализмъ, развиваясь, поднимаетъ изъ мрака и невѣжества цѣлыя народныя массы, вводитъ ихъ въ культурную жизнь человѣчества, заставляетъ ихъ для защиты своихъ классовыхъ интересовъ принимать все большее участіе въ политичеeской жизни, въ рѣшеніи національныхъ задачъ, развиваетъ тѣмъ самымъ общечеловѣческій прогрессъ и цивилизацію и разрѣшаетъ вмѣстѣ съ развитіемъ этого участія противорѣчія капиталистическаго строя.

Какіе успѣхи прогресса и культуры обѣщаетъ такая благополучная эволюція классовой борьбы, такое счастливое соотношеніе общественныхъ силъ!

Съ какимъ усердіемъ будетъ работать общественная наука, разъ она знаетъ, что ея содержаніе ей во всякомъ случаѣ сполна обеспечено, что трудящіеся милліоны, несмотря на постигающіе ихъ бѣдствія, доставляютъ ей это содержаніе съ полной готовностью и увѣренностью въ своемъ растущемъ счастіи, ибо вѣдь и наука съ своей стороны стоитъ за законную защиту интересовъ рабочаго класса.

С.-д.-ія глубоко тронута такимъ великимъ безпристрастіемъ науки. На всю операцію очищенія Марксова ученія радикальными учеными она смотритъ, какъ на проникновеніе пролетарской идеологіи въ оффиціальную науку.

То, что въ «Манифестѣ» выражается въ понятіи «насильственнаго переворота», «деспотическаго нападенія пролетаріата на право собственности»—безпрестанно совершалось послѣ изданія «Манифеста» впродолженіи всего полустолѣтія, только въ другой формѣ, говоритъ Мерингъ,—въ формѣ мирныхъ завоеваній с. д.-іи . . . Предсказаніе Маркса есть предсказаніе лишь морфологическое, а не хронологическое, поясняетъ Лабріола. . . Пролетаріату достаточно просмотрѣть развитіе послѣдняго періода, чтобы почерпнуть увѣренность въ безпрестанномъ прогрессѣ своего дѣла, говоритъ Каутскій (стр 4) . . . Политическое положеніе пролетаріата—прололжаетъ онъ въ той же статьѣ—требуетъ отъ рабочаго класса, какъ можно долѣе сохранить свой настоящій методъ борьбы законными средствами. . . Но политика, подхватываетъ радикальная наука, говорящая уже на марксистскомъ языкѣ, есть только надстройка надъ экономикой, стало быть экономическое положеніе пролетаріата, не только ростъ его нравственной силы, но и ростъ его дѣйствителнаго благосостоянія, заставляетъ пролетаріатъ отклонить окончательное столкновеніе. Неотвра-

тимая неизбѣжность, слѣдующая изъ «неумолимыхъ историческихъ законовъ», не есть неизбѣжность «катастрофы», «рѣзкаго паденія», а неизбѣжность нормальнаго развитія капиталистическаго строя съ неизбѣжной борьбой пролетаріата, разрѣшающей капиталистическія противорѣчія.

Ничто не въ состояніи видоизмѣнить этого установившагося нормальнаго развитія современнаго строя. Если Марксъ доказываетъ, что растущая армія безработныхъ, растущая неотвратимо изъ потребности прогрессирующаго капиталистическаго строя, сдѣлаетъ невозможнымъ его дальнѣйшее существованіе, то теперь справедливая къ рабочему классу наука показала, что эта Марксова «идея» не связана съ духомъ его ученія и составляетъ лишь рудиментарный слѣдъ давно минувшаго бунтарскаго соціализма.

Втеченіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій рабочій классъ возложилъ всѣ свои надежды на науку, говоритъ Рейхесбергъ, и наука не обманула этихъ надеждъ.

Вѣроятно, рабочему на Западѣ не придется уже голодать, благодаря этому вѣрному заступничеству науки. Вѣроятно почтенный профессоръ надѣется насъ скоро извѣстить о томъ, что всюду въ цивилизованномъ мірѣ вмѣсто рабочихъ домовъ выстраиваются,—при участіи науки, конечно, — великолѣпные «народные дома», въ которыхъ всѣ незанятые «осадки» населенія промышленныхъ городовъ живутъ въ полномъ довольствѣ.

О нѣтъ! Это былъ бы совсѣмъ не научный методъ. Наука никогда такъ поверхностно не лечитъ общественныхъ недуговъ. Она всегда схватываетъ глубже. Въ данномъ случаѣ «соціальная наука» познала всю ошибочность мнѣнія, утверждающаго «будто пролетаризація есть вмѣстѣ съ тѣмъ и пауперизація.» (Струве, см. выше стр. 2) Она доказала, что «осадки» совсѣмъ не принадлежатъ къ рабочему классу, пролетаріату. Это совсѣмъ особый классъ — лумпенпролетаріатъ, состоящій преимущестенно изъ лѣнтяевъ и «полууголовныхъ субъектовъ». Какъ свидѣтельствуетъ сама с.-д.-ія, этотъ классъ не можетъ имѣть никакого голоса въ рѣшеніи «соціальнаго вопроса». Ему противустоитъ трудящійся пролетаріатъ. (Наука любитъ, когда рабочій трудится). Это она его никогда не обманула. Такъ, она безпрестанно увѣряетъ его въ немедленномъ введеніи, съ ея помощію, нормальнаго рабочаго дня и всесторонней охраны его труда, забрасываетъ его комплиментами за его прогрессивность въ борьбѣ за культуру и свободу, комплиментами, особенно учащающимися тогда, когда «лѣвому крылу демократіи» нужно отвоевать у реакціонеровъ участіе въ «управленіи», т. е. въ умножающихся общественныхъ синекурахъ.

Англійскій рабочій до сихъ поръ зналъ, что если, потерявъ работу, онъ не найдетъ ея раньше исключенія изъ профессіональнаго союза, если опасно заболѣетъ, или состарится, то, вступая въ рабочій домъ онъ теряетъ, по кодексу своей страны, право голоса. Теперь онъ можетъ утѣшаться тѣмъ, что это кодексъ всего цивилизованнаго міра, что по приговору новѣйшей соціальной науки, онъ въ упомянутыхъ случаяхъ переводится въ ряды особаго нерабочаго класса и всею своею

судьбою не можетъ оказать никакого вліянія на направленіе классовой борьбы рабочихъ.

Значитъ, тѣ проклятія, которыя иногда доносятся до ушей гуманитарной науки изъ за ограды рабочихъ домовъ и нѣкоторыхъ кварталовъ промышленныхъ городовъ, тѣ стоны, которые она можетъ услышать у слоняющихся по улицамъ бродягъ, совсѣмъ не должны смущать ее: они не могутъ повлiять на ходъ событій.

Нищета, вырожденіе, проституція, каторжный трудъ дѣтей - совсѣмъ не спутникъ крупной капиталистической индустріи. И этотъ фактъ ясно доказываетъ, что онѣ достояніе недоразвившихся капиталистическихъ формъ. Достаточно сравнить современную Россію съ Западомъ, чтобы увидѣть, что русскія повальныя голодовки результатъ недоразвитія капитализма въ этой отсталой странѣ. Онѣ, вѣроятно сразу бы исчезли, если бы управленіе Россіей перешло изъ рукъ царской реакціи, поповъ и жандармовъ въ руки русскихъ ученыхъ, которые дали бы полный просторъ развитію отечественнаго капиталистическаго прогресса.

Промышленные «осадки» среди блеска городовъ цивилизованнаго міра, ужасное положеніе сельскаго пролетаріата всѣхъ странъ, обрекающее его на нищету и невѣжество средневѣковыхъ рабовъ, возмутительный гнетъ сельскихъ рабочихъ въ Венгріи, хроническій голодъ въ Италіи, повальныя голодовки въ Индіи и Россіи, открытый грабежъ, звѣрства и истязанія дикарей капиталистическими цивилизаторами, — все это не капиталистическія отношенія, не капиталистическія «противорѣчія». Ясно, что этотъ особый некапиталистическій міръ не можетъ доставить пролетаріату ни одного довода въ пользу необходимости его «деспотическаго нападенія на право капиталистической собственности». «Трудящійся пролетаріатъ не только не желаетъ этого нападенія, но, напротивъ, дисциплинируя рабочія массы въ профессіональныхъ и политическихъ союзахъ, обеспечиваетъ цивилизацію отъ насильственныхъ, грубыхъ взрывовъ черни, какъ въ этомъ увѣряетъ насъ соц-д-ія («Neue Zeit» 97 - 98, № 8-ой, примѣчаніе редакціи къ ст. Бернштейна: «Толпа и преступленіе»).

Всѣ вышеуказанныя открытія внушили новѣйшей соціальной наукѣ неоспоримую и весьма утѣшительную истину о невозможности никакого соціальнаго катаклизма. Спокойный величественный обликъ современной гуманитарной науки, пріобрѣтенный ею вмѣстѣ съ новыми соціальными открытіями, лишь изрѣдка стегка омрачается мыслью о томъ, сколько штыковъ, тюремщиковъ, международныхъ шпіоновъ, травящихъ анархизмъ, участвовали въ установленіи научной истины.

V

Въ утопическія мечты соц-д-іи о рѣшеніи капиталистическихъ противорѣчій мирной, законной борьбой пролетаріата не укладываются съ самаго начала два явленія: анархія и возростающія попытки европейской реакціи.

Не смотря на всѣ проповѣди соц-д-іи, анархія, какъ протестъ противъ соц-д-ой политики, не исчезаетъ. Соц-д-ія, какъ мы видѣли выше, приняла цюрихской резолюціей 93 г. самыя рѣшительныя мѣры дабы не проникла на международные конгрессы ни малѣйшая доля «анархическаго яда». И не смотря на это, лондонскій конгрессъ (96 г.) принужденъ былъ согласиться на присутствіе анархистскихъ представителей рабочихъ: въ ихъ числѣ оказалась половина депутатовъ рабочихъ союзовъ Италіи и Франціи, не говоря уже о большинствѣ голландской рабочей партіи. Проклятая анархія! — она просто компрометируетъ соціализмъ. Еслибы не анархія, какъ далеко подвинулось бы дѣло парламентскаго большинства, дѣло убѣжденія европейской демократіи быть справедливой къ пролетаріату!

Но наиболѣе для соц-д-аго оппортюнизма досадны «не настоящіе анархисты». Отъ «пропаганды дѣломъ» онъ отдѣлывается очень просто. Это все, по его увѣреніямъ, продѣлки полиціи. «Въ анархическихъ покушеніяхъ единственный политическій элементъ представляютъ агенты провокаторы», (Каущкій «Neue Zeit» 93 - 94 г. № 13) и это мнѣніе соц-д-ія распространяетъ даже послѣ покушеній Вальяна и Казеріо. Нападая на различныхъ «независимыхъ», соц-д-ія старается прежде всего обнаружить ихъ непослѣдовательность, лицемѣріе, упрекаетъ ихъ въ томъ, что они лишь «замаскированные» анархисты. Она бы уже скорѣе хотѣла ихъ увидѣть «настоящими» анархистами, которые, какъ извѣстно, скоро погибаютъ.

Что касается увлеченія рабочихъ массъ анархизмомъ, то Каущкій —спрятавъ на этотъ разъ въ карманъ все свое міросозерцаніе матеріалиста, — заявляетъ, что

. . . «бываютъ времена, когда болѣе значительныя пролетарскія массы предаются анархической фразѣ... какъ бы изъ потребности опьяненія. Религію назвали морфіемъ народовъ, — анархизмъ можно назвать ихъ алкоголемъ». (тамъ же).

Что означаетъ анархическая и соціалистическая оппозиція рабочихъ противъ соц-д-ой политики — это показываютъ прошлогоднія событія въ Италіи, гдѣ рабочія массы такъ любятъ «опьяняться» алкоголемъ—анархизмомъ.

Прошлогоднее возстаніе итальянскаго пролетаріата показываетъ всю вздорность соц-д-ой политики въ качествѣ міроваго рецепта.

Буржуазія нагло смѣется надъ «страшнѣйшимъ оружіемъ» пролетаріата - «мирнымъ методомъ борьбы», - надъ соц-д-имъ завоеваніемъ власти законнымъ парламентскимъ путемъ.

За послѣдніе годы, дѣло завоеванія соц-д-аго парламентскаго большинства замѣтно росло въ Италіи; не смотря на это, оно не было въ силахъ погнать итальянское буржуазное общество даже къ капиталистическому прогрессу. Рядомъ съ постояннымъ совершенствованіемъ этого «страшнѣйшаго оружія революціи» буржуазія устраиваетъ одну за другою итальянскія панамы, празднуетъ безпрепятственно свои оргіи господства и приводитъ къ голодной смерти цѣлыя массы.

Соц-д-ій ученый въ своемъ кабинетѣ пишетъ:

«Пролетаріату всѣхъ культурныхъ странъ достаточно прослѣдить развитіе послѣдняго періода, чтобы увидѣть, какъ повсюду онъ прогрессируетъ» и, сообразно съ этимъ, вести себя въ своей борьбѣ «съ хладнокровіемъ». (Каущкій см. выше стр. 4).

Миланскіе повстанцы говорятъ этому ученому, что его благоразумные совѣты — лишь жестокое издѣвательство надъ голодающими массами.

«Красныя щеки» наживаетъ партія пролетаріата своею законною борьбою, - говоритъ Энгельсъ и убѣждаетъ итальянскихъ рабочихъ слѣдовать указаніямъ мирной политики германской соц-д-іи. Миланскій рабочій съ высоты баррикадъ отвѣчаетъ, что достояніе пролетарія — morte blanca, голодная смерть.

Итальянскіе рабочіе своею многолѣтнею борьбою пріобрѣли себѣ цѣлую массу пекущихся о нихъ идеологовъ, соціалистическихъ депутатовъ, журналистовъ, агитаторовъ, и всѣ эти интеллигентные силы ничего не сдѣлали во время прошлогодняго возстанія для того, чтобы отчаянные взрывы голодныхъ массъ перешли въ сознательную пролетарскую революцію. Напротивъ, когда во время возстанія все итальянское общество съ ужасомъ ожидало призыва комитета желѣзнодорожныхъ рабочихъ (союзъ насчитываетъ около 70 - и тысячъ человѣкъ) ко всеобщей стачкѣ, значитъ—шага, который нанесъ бы правительству страшный ударъ,—этого призыва не послѣдовало, и руководящій органъ желѣзнодорожнаго союза далъ этимъ правительству возможность подчинить всѣхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ военной дисциплинѣ.

Итальянскіе соціалисты умѣютъ бороться за свободу Греціи: въ 1897 г. они образовали легіоны, отправляющіеся на войну съ турками. Но они не способны стать во главѣ борющихся голодныхъ массъ.

Европейская с. д.-ія, со своею безошибочной политикой, безпомощно смотрѣла, какъ поочередно были подавлены всѣ отчаянные взрывы итальянскаго пролетаріата.

С. д.-ая премудрость умѣетъ совѣтовать голодающимъ безработнымъ массамъ лишь особенную с. - д. - ую добродѣтель—«терпѣливое выжиданіе» (Дашинскій на съѣздѣ въ Штутгартѣ), присоединяя къ этому фразы негодованія противъ бѣснующейся буржуазіи. Резолюція Штутгартскаго съѣзда говоритъ по поводу итальянскаго возстанія:

«Преслѣдованія, которымъ венгерское и итальянское правительства подвергли сторонниковъ с. д.-іи и другія оппозиціонныя направленія, вызываютъ по своей жестокости и гнусности ужасъ всѣхъ честно мыслящихъ людей ... Партейтагъ обращаетъ вниманіе всѣхъ честныхъ людей на эти отношенія».*)

До тѣхъ поръ, пока новое революціонное направленіе борьбы пролетаріата не дастъ сознательнаго выраженія тѣмъ «противорѣчіямъ» современнаго строя, которыя соціалдемократія преспокойно оставляетъ въ сторонѣ, анархія, этотъ «алкоголь» массъ неизбѣжна, какъ

---

*) «Демократы»—(нынѣ соціалдемократы)—«вѣруютъ», говоритъ Марксъ въ «18 Брюмера»: «въ тѣ трубы, отъ грома которыхъ пали стѣны Іерихона.»

ихъ стихійное выраженіе, какъ голый протестъ противъ насилія и утопіи законной борьбы, протестъ, котораго не въ силахъ уничтожить никакими средствами даже тѣ слои рабочаго класса, которые организовались въ партію с. д.-ой мирной политики.

Подобно тому, какъ ростъ «страшнѣйшаго оружія» с. д.-іи,—парламентскихъ голосовъ—не былъ въ состояніи предотвратить оргій итальянской буржуазіи, точно также и во всей Европѣ онъ не въ силахъ уничтожить реакціонныхъ попытокъ. Аппетитъ реакціонеровъ наоборотъ, возрастаетъ.

Въ Германіи Вильгельмъ со всею реакціей становится все нахальнѣе. Нѣмецкая с. д.-ія старается поразить его, выставляя противъ него буржуазную оппозицію въ прусскомъ ландтагѣ; она не замѣчаетъ, что именно такіе шаги придаютъ смѣлость реакціи, такъ какъ сознательный нѣмецкій пролетаріатъ, думавшій было недавно о переворотѣ всего современнаго строя, доводитъ свое дѣло до устраненія агитаціи въ пользу буржуазныхъ радикаловъ.

Во Франціи, согласно указаніямъ с. д.-ой формулы, соціалисты объявляютъ себя защитниками республики и «совсѣмъ не врагами арміи». Формула заставляетъ защищать силу, которая травила коммунаровъ на улицахъ Парижа. Что же удивительнаго, что во французской республикѣ неистовствуетъ нынѣ милитаризмъ не въ меньшей степени, чѣмъ въ любой сильной монархіи, что монархическая партія подымаетъ теперь голову, осмѣливаясь строить даже прямые заговоры. При этомъ—къ великой радости господствующихъ классовъ—карты такъ перемѣшиваются, что соціальный вопросъ какъ будто воплощается въ дѣлѣ Дрейфуса, и «революціоннымъ защитникомъ народныхъ правъ» является Зола, котораго съ этимъ званіемъ и поздравляютъ брюссельскіе соціалисты.

Въ Англіи с. д.-ая формула ставитъ передъ соціалистами мудреную задачу: при существованіи установившихся вѣками двухъ «великихъ партій» создать самостоятельную рабочую парламентскую партію, какъ первое условіе для прогресса соціалистическаго дѣла. Мучаясь надъ разрѣшеніемъ этой задачи, англійскіе соціалисты все болѣе замѣчаютъ, что между ними и крайними радикалами оказывается небольшая разница. Самымъ сильнымъ соціалистическимъ направленіемъ является нынѣ въ Англіи антиреволюціонный буржуазный соціализмъ фабіанцевъ. И здѣсь формула выставляетъ какъ первое дѣло пролетаріата, охрану демократіи и потому... вожакъ англійской соц.-д.-іи Гейндманъ считаетъ необходимымъ для защиты своего отечества — наиболѣе передовой въ мірѣ страны — увеличеніе англійскаго военнаго флота. И опять таки, что же удивительнаго въ томъ, что у англійскихъ консерваторовъ усиливаются имперіалистическія мечтанія и стремленія къ военнымъ захватамъ.

Итакъ на отреченіе соц.-д.-іи отъ «деспотическаго» нападенія на буржуазное право собственности», на ея благородныя усилія разрѣшить «капиталистическія противорѣчія» обязательно мирными «цивилизованными» средствами борьбы, дѣйствительность отвѣчаетъ усиливающимся неистовствомъ западно-европейской реакціи. «Демократизація» міра, ожидаемая отъ «искренняго участія» соц.-д.-іи въ оффиціальной жизни Европы, не ослабляетъ вѣковыхъ органовъ господства, вѣковыхъ орудій гнета и насилія: она, напротивъ, позволяетъ имъ болѣе чѣмъ когда либо усиливаться и вооружаться.

VI

Въ теченіи послѣдняго десятилѣтія **и въ границахъ россійскаго государства** окончательно установилось соц.-д.-ое направленіе классовой борьбы пролетаріата. Здѣсь образовались три партіи: Польская Соціалистическая Партія, Обще-Еврейскій Рабочій Союзъ и Россійская Соціалдемократическая Партія.

Всѣ эти три организаціи старались быть строго марксистскими; строго соц-д-ими: онѣ ни разу не задумались надъ проблемою спора западноевропейской соц-д-іи съ ея соціалистической оппозиціей, никогда не осмѣливались на какую бы то ни было критику соц-д-ой программы дѣйствія, а слухи о проникновеніи оппортюнизма въ западно-европейскую соц-д-ію считались ими всегда лишь анархистскими сплетнями.

А между тѣмъ эти три организаціи, всѣ строго марксистскія, строго соц-д-ія, не могли здѣсь установиться иначе, какъ въ формѣ компромисса между дѣломъ пролетаріата и дѣломъ «крайняго крыла» буржуазнаго общества.

Польское привиллегированное общество послѣ возстанія 63 г. оставило, казалось, разъ навсегда всякіе планы старой шляхты о возстановленіи Польши. Быстрый ростъ польскаго капитализма въ эту эпоху вслѣдствіе открывшихся восточныхъ рынковъ, удовлетворялъ буржуазное общество. Передовые ряды его своею т. н. «программою органическаго труда» ставили себѣ цѣлью развитіе отечественной культуры, науки, прогресса. Конечно, не вполнѣ пріятно положеніе, въ которомъ порядочная доля «національной прибавочной стоимости» перепадаетъ въ карманы обрусителей и царизма. Но польское привиллегированное общество должно было мириться съ нимъ потому, что возникшая тогда партія польскаго рабочаго класса, партія «Пролетаріата» стала угрожать, повидимому, самому существованію прибавочной стоимости. Польскому радикализму приходилось защищать привиллегированное общество отъ угрозъ польскаго пролетаріата. Отказавшись на время отъ вопроса о распредѣленіи «національной прибавочной стоимости» между польскимъ обществомъ и «завоевателемъ страны» онъ съ усердіемъ травилъ «космополитовъ-соціалистовъ».

Но дѣло сразу приняло другой оборотъ, послѣ того, какъ на смѣну «Пролетаріату» (партіи революціоннаго марксизма) пришла польская соц-д-ія. Польскіе соціалисты въ лицѣ соц-д-іи провозгласили утопичность непосредственнаго стремленія къ соціальному перевороту. Въ ту же самую минуту проснулся къ новой жизни польскій патріотизмъ. Какъ нѣкогда польская шляхта призывала весь польскій народъ на борьбу съ деспотизмомъ за свободу для того, чтобы возстановить свое непосредственное господство надъ рабомъ-мужикомъ,

такъ и въ настоящее время буржуазное польское общество начинаетъ мечтать о возстановленіи Польши для водворенія своего непосредственнаго господства надъ рабомъ - пролетаріемъ, для исключительнаго пользованія — безъ раздѣла съ абсолютизмомъ и обрусителями — тѣми богатствами, которыя создаетъ рабъ - пролетарій, для самостоятельнаго управленія всѣмъ процессомъ эксплуатаціи польскаго рабочаго класса. (Это нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы польская плутократія и аристократія стремились къ примиренію съ царизмомъ).

Польскіе соц-д-ты (создавшіе затѣмъ «Рабочій Союзъ») развиваютъ рабочее движеніе, класовую борьбу фабричныхъ рабочихъ съ ихъ непосредственными эксплуататорами - капиталистами за улучшеніе условій труда. Они «отрекаются отъ политики» т. е. они не считаютъ нужнымъ формулировать той цѣли, къ которой стремится классовая борьба. При такихъ обстоятельствахъ польскій патріотическій радикализмъ пытается направить по своему руслу борьбу польскаго пролетаріата. Устанавливая все болѣе идею борьбы польскаго народа съ «завоевателемъ страны», онъ старается показать, что классовая борьба рабочихъ - лишь доля этой «великой общенаціональной» борьбы. Зародившіяся въ половинѣ 80-хъ г. чисто патріотическія организаціи находятъ большой откликъ въ особенности среди польской учащейся молодежи. Здѣсь то для включенія классовой борьбы рабочихъ въ общенаціональныя цѣли создаются самыя разнообразныя комбинаціи между двумя началами - «патріотизмомъ и соціализмомъ». Появляются различные оттѣнки польскаго «національнаго соціализма». Не смотря на все разнообразіе, они всѣ имѣютъ одну общую черту: соціализмъ у нихъ не борьба за интересы, а за идеи. Поэтому весь этотъ «національный соціализмъ» въ этотъ періодъ—антимарксистскій. Онъ ни за что не хочетъ признать принципа «классовой борьбы», нападаетъ на грубый историческій матеріализмъ за то, что онъ не признаетъ никакой роли за «идеею». «Національный соціализмъ» имѣетъ свою нелегальную литературу, но дѣйствуетъ почти исключительно въ сферѣ интеллигенціи.

Въ теченіи этого времени польскіе с. д.-ы, какъ сказано выше, «отрекаются отъ политики», предоставляютъ ее патріотамъ и все болѣе исчезающимъ остаткамъ «Пролетаріата». Они считаютъ возможнымъ значительную часть своей дѣятельности развивать при помощи легальныхъ изданій, нѣкоторые изъ нихъ мечтаютъ даже о развитіи чего то въ родѣ легальнаго трэдъ-юніонизма въ русской Польшѣ. Но вотъ раздается призывъ парижскаго конгресса къ майской демонстраціи; горячо подхватывается онъ остатками «Пролетаріата»; посильно развиваютъ они агитацію въ пользу массовой стачки и принуждаютъ самихъ с. д.-овъ приняться за устройство празднованія І-го Мая. Рабочія массы широко откликаются на призывъ. Въ 92 г., въ отвѣтъ на нѣсколько прокламацій, разбросанныхъ лодзинскими с. д.-ами, поднимается на І-ое Мая все рабочее населеніе города. Рабочіе выставляютъ опредѣленныя требованія и стачка продолжается цѣлую недѣлю. Мало того, поднимаются и всѣ фабричныя окрестности Лодзи. Передъ такимъ неожиданнымъ для польской с.-д.-іи фактомъ она теряетъ голову и не въ состояніи дать никакого выраженія пере-

росшему ея планы движенію: она не издаетъ даже ни одной прокламаціи во время стачки.

Вотъ тогда то польскій патріотизмъ начинаетъ говорить отъ имени польскаго пролетаріата: Польское рабочее движеніе показываетъ, что общественное развитіе Польши достигло гораздо высшей ступени, чѣмъ въ Россіи. Партія «Пролетаріата» напрасно приковала революціонное движеніе Польши къ революціонному движенію Россіи. Польскій рабочій только теряетъ отъ этого, ибо онъ связываетъ свое дѣло съ судьбою движенія въ совершенно отсталой странѣ.

«Раньше геройская когорта русскихъ революціонеровъ заслоняла намъ фонъ, на которомъ они дѣйствовали: теперь мы убѣдились (такъ объясняетъ генезисъ П. П. С. «Przedswit» въ 1894 г.), что нашъ рабочій несомнѣнно переросъ русскаго, что структура русскаго общества гораздо ниже... И сами русскіе революціонеры, (продолжаетъ «Przedswit»), стали теперь иначе ставить дѣло: говорится уже не о революціи, а о «Земскомъ Соборѣ». Въ этомъ отношеніи были согласны и народовольцы, и соц-д-ы, и «Свободная Россія»... Пока была рѣчь (такъ говорилъ «Przedswit» еще въ 92 г.) объ уничтоженіи русскаго государства, дѣло само собой шло хорошо. Съ момента же образованія конституціонной монархіи въ Россіи, надо подумать о конституціонныхъ гарантіяхъ, а самой сильной гарантіей будетъ отдѣленіе Польши въ границахъ ея революціоннаго очага».

Подъ этимъ «революціоннымъ очагомъ» разумѣется не только собственно Польша, но и «тяготѣющія къ Польшѣ страны», какъ Литва, Малороссія; въ особенности Литва, связанная съ Польшей исторической традиціей совмѣстной борьбы съ царизмомъ во время шляхетскихъ возстаній, однимъ словомъ, - «завоеванныя у насъ земли». Подобнаго рода соображенія при тогдашнемъ затишьѣ въ русскомъ революціонномъ лагерѣ увлекаютъ всѣхъ польскихъ соціалистовъ въ концѣ 92 г. (Самъ идеологъ русскаго революціоннаго движенія - Плехановъ - благословилъ этотъ новый поворотъ). Они сближаются и объединяются во имя лозунга «независимой Польши». Такимъ образомъ, создается «Польская Соціалистическая Партія» (П. П. С.)

Но одно это признаніе польскими соціалистами цѣлесообразности требованія отъ имени польскихъ рабочихъ «независимой Польши» — вводитъ въ ихъ ряды явно непролетарскіе элементы. Въ особенности среди эмиграціи и именно среди признанныхъ польскихъ соціалистовъ начинаетъ пышно расти польскій шовинизмъ. Заграничный органъ новаго «пролетарскаго» направленія старается превзойти въ шовинизмѣ всѣхъ патріотовъ. Этотъ поворотъ радуетъ даже шляхетскихъ эмигрантовъ 63 г. Они раньше даже въ самыхъ смѣлыхъ своихъ мечтаніяхъ не воображали, что къ міросозерцанію «классоваго соціалиста» («walkoklasisty») удастся привить когда нибудь мечтанія о «Польшѣ отъ моря до моря» и весь багажъ національной традиціи. Дѣйствительность превзошла ихъ ожиданія. Къ первому мая 93 г. издается за границей брошюра (съ надписью, конечно, — «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь»), въ которой намѣчена новая программа: для польскаго пролетаріата настоятельно необходимы: 8-ми часовой рабочій день и «независимая Польща». Свобода для него можетъ наступить лишь тогда, когда послѣдній москаль будетъ прогнанъ изъ Польши.

Эти ростущіе шовинистскіе элементы отталкиваютъ варшавскихъ рабочихъ. Объединеніе разрывается. Протестующихъ рабочихъ соединяютъ въ отдѣльную партію польскіе соц-д-ты. Они только теперь спохватились, что «политики» рабочаго класса никому передавать нельзя. Они думаютъ поправить теперь дѣло выставленіемъ требованія русской конституціи. Но весь дальнѣйшій ходъ подпольной жизни въ русской Польшѣ при такой постановкѣ дѣла оказывается идущимъ противъ нихъ. Соц-д-іе рабочіе начинаютъ замѣчать, что имъ все болѣе недостаетъ «интеллигентовъ», что всѣ соціалисты, революціонные энтузіасты, бывшіе пролетаріатцы, когда то больше, нежели соц-д-іи боровшіеся съ польскимъ патріотизмомъ, теперь въ П. П. С.

Польскіе соц-д-ы начинаютъ проигрывать дѣло и передъ судомъ соц-д-ой Европы. Судьба ихъ очень поучительна въ данномъ случаѣ для правовѣрнаго сторонника соц-д-ой политики. Польская соц-д-ая эмиграція 94 и 95 г. г. старается быть вѣрною, даже такъ сказать, каждой буквѣ политики нѣмецкой соц-д-іи. Она въ спорахъ соц-д-іи съ «независимыми» признаетъ безошибочнымъ каждое слово Каутскихъ. Она, конечно, стоитъ цѣликомъ за цюрихскую резолюцію, исключающую изъ конгресса всякую соціалистическую критику соц-д-іи. Но вотъ эта же самая резолюція (завоеваніе политическихъ правъ, какъ первое условіе соціалистическаго дѣла) вводитъ на конгрессъ польскихъ «соц.-патріотовъ», какъ представителей польскихъ рабочихъ, организуетъ ихъ въ національную польскую секцію конгресса, которая исключаетъ вѣрнѣйшихъ послѣдователей Каутскаго — польскихъ соц-довъ. Они не были допущены ни на цюрихскій, ни на лондонскій конгрессъ. Мало того. Заграничная представительница польскаго соц-дизма, Люксембургъ, вѣрующая, конечно, въ безошибочность нѣмецкой политики, критикуетъ наканунѣ лондонскаго конгресса въ «Neue Zeit» П. П. С., какъ партію «соціал-патріотовъ». Каутскій на это отвѣчаетъ что настоящій соц-д-тизмъ въ Польшѣ представляетъ именно П. П. С., а Люксембургъ со всѣми польскими соц-д-ами играетъ въ руку русскому абсолютизму:

«Противники П. П. С. предохранены, пожалуй, отъ того, чтобы погрязнуть въ мелко-мѣщанскомъ національзмѣ, но за то подвержены гораздо большей опасности — служить палачамъ Польши. Антинаціональный оттѣнокъ польскихъ соціалистовъ предпочитаетъ подвергнуться опасности помогать царю, нежели опасности помогать мелко-буржуазной демократіи».

Однимъ словомъ самый настоящій соц-д-тъ — Каутскій, опредѣлилъ что настоящая соц-д-ая партія въ Польшѣ не можетъ иначе конституироваться, какъ компромиссъ пролетарскаго дѣла съ дѣломъ патріотическаго радикальнаго общества.

Послѣ этого пропала безслѣдно «антинаціональная соц-д-ія». Въ Варшавѣ ея организаціи остались безъ «интеллигентовъ». Патріоты успѣли убѣдить остатки этихъ организацій примкнуть къ П. П. С. Только нѣкоторые соц-д-ты, какъ напр. та же Люксембургъ, начали наконецъ призадумываться надъ оппортюнизмомъ въ рядахъ западно-европейской соц-д-іи, и на Штутгартскомъ партейтагѣ (98 г.) мы видимъ ее на лѣвомъ крылѣ нѣмецкой партіи борющейся противъ поссибилизма Фольмаровъ и Бернштейновъ.

Вмѣстѣ съ основаніемъ П. П. С. среди польскихъ революціонеровъ окончательно прекращаются споры о роли идеи, принципа классовой борьбы и т. д. Очевидно всѣ эти философскія разсужденія со стороны антимарксистовъ имѣли цѣлью направить при помощи «идеи» классовое движеніе рабочихъ массъ въ сторону «возстановленія Польши». Разъ эти требованія удовлетворены, разъ «классовая борьба» и историческій мареріализмъ признаютъ идею - общенаціональныя стремленія - нечего противъ нихъ болѣе спорить. Тѣ же самые люди, что недавно нападали на Марксовъ матеріализмъ (напр. Лимановскій въ своей исторіи соціализма) находятся нынѣ въ рядахъ строго-марксистской П. П. С..

«П. П. С., включая въ свою программу стремленіе къ востановленію Польши, свела этимъ къ нулю значеніе патріотической партіи, ибо отняла у нея единственный raison d'être». («Przedswit», 95 г.)

Какъ легко, подумаешь, разоружить буржуазію! Нужно поставить только пролетаріату требованія, выставляемыя буржуазными партіями, и онѣ при помощи такого простого фокуса сразу убиваются.

«Соціализмъ, читаемъ мы дальше, есть стихійная сила. Идеи, которыя въ рукахъ другихъ партій являются лишь пугаломъ воробьевъ,—оплодотворенные соціализмомъ,—становятся могущественнымъ оружіемъ.»

Несчастный соціализмъ! Въ настоящее время ему все приходится оплодотворять отживающія идеи - онъ наслѣдникъ демократіи и ея сгнившихъ завѣтовъ, онъ «впрыскиваетъ новую жизнь и возводитъ снова на тронъ парламентаризмъ» (Каутскій), онъ оплодотворяетъ шляхетскую ветошь —«Польшу отъ моря до моря».

Но П. П. С., конечно, никогда не признаетъ, что, выставивъ требованіе независимаго польскаго государства, она тѣмъ самымъ приняла въ партію непролетарскіе элементы. Нѣтъ, она приняла только идею и показала, что эта идея — интересъ пролетарія... Польскіе соціалисты, ставя требованіе «возстановленіе Польши», руководятся не какою либо абстракціей, а реальными интересами рабочаго класса Заграничный бюллетень П. П. С. говоритъ:

«Мы всегда сохраняли непримиримое отношеніе партіи «Пролетаріата» къ патріотамъ, имѣя въ виду, что независимость Польши можетъ и должна быть завоевана только для пролетаріата и только черезъ пролетаріатъ».

И въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ хоть на минуту усомниться въ томъ, что независимое польское государство, т. е. новая политическая форма классоваго господства польской буржуазіи надъ пролетаріатомъ не будетъ служить исключительно интересамъ польскихъ рабочихъ. Странно только, что у того же издателя «Бюллетеня», ожидающаго независимой Польши только для пролетаріата и только отъ пролетаріата, печатается одновременно патріотическая брошюра, въ которой убѣдительно разъясняется, что возстановленіе Польши будетъ результатомъ кооператіи демократической и рабочей партій («Program narodowy»). Интересно также, что патріоты, къ которымъ П. П. С.,

по увѣреніямъ «Бюллетеня», сохраняетъ самое непримиримое отношеніе», питаетъ къ П. П. С. самую дружелюбную склонность, вѣроятно вслѣдствіе своей буржуазной наивности. «Насчетъ будущности П. П. С. мы раздѣляемъ всѣ надежды, которыя возлагаетъ на нее «Przedswit» говоритъ патріотическій нелегальный органъ «Walka» призывающій на борьбу польское общество, ксендзовъ и пр.

Въ 94 г. «Przedswit», обсуждая вопросъ о томъ, можетъ ли русская конституція быть достаточной гарантіей «свободы» пишетъ:

«Въ Россіи наступитъ большая перемѣна по достиженіи конституціи, но перемѣна эта будетъ для насъ пагубна. Для царизма все равно, служитъ ли ему цензоръ полякъ или русскій, но для русскаго интеллигента, который ищетъ мѣстечко для своего сына, это двѣ различныя вещи. Изъ этого проистекаетъ полное исключеніе поляковъ изъ правительственныхъ мѣстъ. Но l'appetit vient en mangeant; поэтому за правительственными мѣстами пришелъ чередъ желѣзнымъ дорогамъ, болѣе значительнымъ банкамъ, наконецъ, даже мѣстамъ рабочихъ при общественныхъ постройкахъ. Многочисленное польское населеніе въ Литвѣ и Малороссіи также пользуется спеціальной опекой русскаго правительства. Что же будетъ, когда на мѣсто презрѣннаго царизма явится могущественная либеральная буржуазія, видящая въ полякахъ врага, который конкурируетъ съ ней, въ этой «искони русской землѣ» — тогда только мы можемъ ожидать настоящихъ оргій національаго гнета, гоненій и т. п.»

Все это мѣсто очень наглядно показываетъ, какъ «надежнѣйшая гарантія», — независимая Польша требуется только во имя классовыхъ интересовъ польскаго пролетаріата.

Но мы просимъ читателя не забывать, что при всемъ этомъ П. П. С. есть партія чисто соц.-демокр. Она болѣе чѣмъ какая либо другая соц.-демокр. партія предохранена отъ всякихъ вредныхъ анархистическихъ теченій. Въ «Przedswit'ѣ» (сентябрь 97 г.) читаемъ:

«Анархистовъ, бунтарей, теперь вовсе нѣтъ въ соціалистическихъ партіяхъ; нынѣ всѣ идутъ *отъ этапа къ этапу*, разрѣшая одинъ за другимъ практическіе вопросы. Это методъ «марксистскаго соц.-дем. или дѣйствительнаго классового поссибилизма».

Для чего «Przedswit'у» нужна такая соц.-дем. правовѣрность видно изъ слѣдующаго:

«Извѣстная перестройка государственныхъ границъ можетъ быть этапомъ къ полному уничтоженію границъ подобно тому, какъ извѣстное классовое соотношеніе, достигнутое при помощи извѣстной податной реформы, есть этапъ къ полному уничтоженію классовъ. Поэтому мы должны создать минимальную программу отношеній между государствами — союзы, территоріальныя образованія, подробности колоніальной политики и пр. Такова классовая поассибилистическая политика. Детали этой политики далеко еще не выработаны, но основной принципъ таковъ: пока государства, преслѣдующія политику территоріальныхъ захватовъ, будутъ въ состояніи нападать на другія націи, пока пролетаріатъ какого-либо государства не въ состояніи обезоружить надлежащимъ образомъ своего реакціоннаго правительства, напр., русскаго, до тѣхъ поръ пушкамъ

реакціи придется неизбѣжно противоставить пушки революціи». *) До окончательной выработки этой международной политики пролетаріата можно руководствоваться пока слѣдующими тезисами: «1) изолированіе Россіи въ международной политикѣ, подкапываніе подъ ея основы и обезоруженіе ее, какъ главнаго оплота реакціи... Отсюда слѣдуетъ возстановленіе Польши... 2) Въ виду приближающагося союза всѣхъ континентальныхъ государствъ подъ эгидою Россіи противъ Англіи, — содѣйствіе Англіи, какъ странѣ выше всѣхъ стоящихъ по культурѣ, наиболѣе близкой къ соціалистическому строю».

Какъ видитъ читатель, въ органѣ заграничнаго союза польскихъ соціалистовъ возрождаются дипломатическія мечтанія польскихъ повстанцевъ о направленіи революціонныхъ пушекъ Европы противъ реакціонныхъ пушекъ Россіи. Надъ этими мечтаніями нахально ставится надпись: классовой соціализмъ, марксизмъ и т. д. П. П. С. впитала въ себя явно непролетарскіе элементы патріотическаго буржуазнаго общества, — ихъ потребности, мечтанія, идеи назвала классовымъ пролетарскимъ соціализмомъ и получила такимъ образомъ цѣлую массу настоящихъ соц.-дем. идей, принциповъ и пр. Польскій патріотизмъ, пользуясь затишьемъ въ подпольной жизни Россіи въ началѣ 90-хъ гг., при одновременномъ ростѣ рабочаго движенія въ Польшѣ, успѣлъ внушить польскимъ соціалистамъ убѣжденіе, что, въ то время, какъ Польша находится наканунѣ національной революціи, въ Россіи будетъ обязательно расти все большая реакція, а въ виду такого положенія Польша является «наиболѣе выдвинутымъ на востокъ постомъ европейской революціи», а П. П. С. — «крайнимъ отрядомъ международной соціалистической арміи».

Дальнѣйшій ходъ событій все больше ослабляетъ надежды на польскую революцію, обнаруживая пустоту всѣхъ патріотическихъ фразъ и вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ рабочее движеніе въ Россіи. Но П. П. С. не перестаетъ утверждать, что ростущія въ Россіи революціонныя силы «годны лишь въ качествѣ помощника въ нашей борьбѣ за независимость, но на ихъ самостоятельную акцію мы разсчитывать не должны». «Сепаративная политика» П. П. С., утвердившаяся до пробужденія русскаго движенія, ни на іоту не видоизмѣняется даже послѣ такихъ фактовъ, какъ петербургская стачка (1896 г.). Польскій патріотизмъ окончательно облекся у П. П. С., въ марксистскій соц.-дем. мундиръ и выставилъ свое дѣло, какъ дѣло международнаго соціализма.

Полемизируя съ Общеевр. Раб. Союзомъ, «Przedswit» говоритъ:

«Задачей международнаго соціализма является ослабленіе во что бы то ни стало, могущества царизма. Поэтому польскіе, русскіе и прочіе соціалисты, борющіеся въ предѣлахъ Россіи, должны всѣми

---

*) »Przedswit« думаетъ, что, «есть случаи, когда война необходима... и тогда не только не нужно противиться ей, но даже нужно принуждать государство начать кровавую пляску, а въ случаѣ его отказа пользоваться этимъ, какъ доказательствомъ того, что оно не въ состояніи защищать интересы народа.» (Отчетъ о Гамбургскомъ партейтагѣ).

силами ослаблять своего величайшаго врага, содѣйствуя всему, что только можетъ нанести вредъ оффиціальной Россіи. Такъ какъ правительство видитъ, и вполнѣ справедливо, величайшую опасность для себя въ центробѣжныхъ стремленіяхъ сепаративныхъ «окраинъ», то соціалисты всѣми силами должны содѣйствовать этимъ стремленіямъ. Только такимъ образомъ соціалисты въ Россіи исполнятъ свою обязанность по отношенію къ международному пролетаріату».

Эту идею «международнаго соціализма» Przedswit» въ другомъ мѣстѣ (сентябрь 96 г.) поясняетъ слѣдующимъ образомъ:

«Написавъ на своемъ знамени требованіе независимой польской республики, П. П. С. по необходимости должна искать въ Россіи союзниковъ, которые равнымъ образомъ стояли бы на сепаративной почвѣ. Есть въ Россіи нѣсколько національностей, которымъ выгодно бы было оторваться отъ Россіи. Съ ними то мы должны войти въ болѣе близкія отношенія. Мы должны отыскать среди финляндцевъ, балтійскихъ нѣмцевъ, эстовъ, латышей, украинцевъ, армянъ, грузинъ и т. д. партіи или группы, среди которыхъ можно было бы привить проповѣдываемую нами идею политическаго сепаратизма».

Такимъ образомъ, соціалисты въ Россіи могутъ исполнить свою обязанность по отношенію къ международному соціализму, только развивая расовыя различія и кристализуя ихъ въ политическія программы. Эту обязанность лучше всего сознаетъ, понятно, П. П. С. и потому она свысока смотритъ на всѣхъ другихъ соціалистовъ въ Россіи, которые никакъ не могутъ добраться до этой квинтэссенціи международнаго соціализма. П. П. С. считаетъ поэтому первымъ своимъ долгомъ защищать эту именно «международную» идею и строго выдерживать свою сепаративную политику для спасенія пролетарской идеи въ Россіи. Она находитъ нужнымъ держать «подъ своимъ контролемъ движеніе въ завоеванныхъ у Польши земляхъ», требуетъ отъ русской партіи «обязательства не входить въ сношенія безъ ея вѣдома ни съ какою революціонною организаціею въ Польшѣ или въ Литвѣ, за исключеніемъ такихъ литовскихъ организацій, которыя при агитаціи употребляютъ исключительно литовскій языкъ», т. е. за исключеніемъ такихъ, которыя защищаютъ соціалистическій сепаративный принципъ. (Резолюція IV съѣзда П. П. С.). Такъ какъ организація Литовской соц.-дем., очевидно, не защищаетъ въ достаточмѣрѣ этотъ принципъ, то она объявляется ненужной.

Мы уже упомянули выше, что дѣйствительность все болѣе разбиваетъ яркія надежды на польскую революцію за независимое государство. П. П. С. изготовляетъ, конечно, безчисленныя брошюры и статьи о томъ раѣ, который несетъ съ собою польская республика. Она увѣряетъ польскія рабочія массы, что это будетъ обязательно «республика народная... это будетъ наше господство, господство польскаго народа... никакихъ угнетателей, никакой власти... Будетъ народная палата и прямое законодательство... всякій законъ обязательно утверждается всѣмъ народомъ. Эта палата будетъ единственнымъ правительствомъ.., никакого императора, ни короля, ни князя не будетъ». (Брошюра П. П. С. для сельскаго населенія 96 г.).

Однако, рабочія массы какъ-то не очень воодушевляются этимъ

апофеозомъ независимаго польскаго государства. Польскіе рабочіе чуть не каждый годъ выступаютъ то здѣсь, то тамъ цѣлыми массами и говорятъ по своему (Лодзь 92 г., Ченстохова 94 г., Бѣлостокъ 95 г., Домброва 97 г.). Они ставятъ опредѣленныя, свои рабочія требованія и ни разу не заговорили до сихъ поръ патріотическимъ языкомъ, ни разу это движеніе не приняло характера патріотической демонстраціи. «Przedswit» безпрестанно повторяетъ, что каждый такой фактъ, какъ, наприм., Домбровская рѣзня 97 г. является «кирпичомъ для зданія независимой Польши»; онъ упрекаетъ товарищей центральной организаціи въ самой Польшѣ въ томъ, что они не отвѣчаютъ надлежащимъ образомъ на запросы самихъ массъ: массы де эти проявляютъ своими взрывами полную готовность бороться за независимую Польшу, а организаторы движенія еще ни разу даже мелькомъ не призадумались надъ подготовленіемъ для этой цѣли вооруженнаго сопротивленія». Но польскіе соціалисты, непосредственно руководящіе рабочимъ движеніемъ, хорошо знаютъ, что ихъ заграничный органъ предается только мечтаніямъ. Дѣйствительность, повидимому, и здѣсь на польскомъ обществѣ, этомъ «вѣчномъ революціонерѣ» показываетъ, что революція, борьба на жизнь и смерть со старой властью, —можетъ быть только борьбой мірового пролетаріата, выросшей не изъ «сепаративнаго начала», а изъ единодушной международной акціи.

Для полноты картины считаемъ нужнымъ отмѣтить еще и слѣдующую черту. Тѣ агитаціонныя изданія (брошюры и органы) П. П. С., которыя предназначены для непосредственной экономической борьбы рабочихъ съ капиталистами, популяризующія теорію взиманія прибавочной стоимости, — ни на іоту не отступаютъ отъ экономическаго научнаго анализа Маркса. Польскій патріотизмъ П. П. С. оперируетъ стало быть не извращеніемъ экономической науки Маркса, какъ она представлена, наприм., въ «Капиталѣ», а его полнымъ признаніемъ. Вотъ почему никакая соц.-дем. партія не уличаетъ П. П. С. въ нарушеніи принципа.

Мы видѣли, что П. П. С. этотъ «крайній восточный форпостъ европейскаго соціализма», этотъ «крайній восточный отрядъ революціонной Европы» — неутомимо учила всѣхъ соціалистовъ Россіи тому, что въ этой варварской странѣ первымъ дѣломъ международнаго пролетаріата должно быть разрушеніе во что бы то ни стало русскаго деспотическаго государства, что самымъ опаснымъ движеніемъ для русскаго абсолютизма является «сепаративное движеніе окраинъ», стремящихся оторваться отъ русскаго государства, что, въ виду этого соціалисты отсталой Россіи могутъ исполнить свою обязанность передъ міровымъ пролетарскимъ движеніемъ, лишь развивая эти грозныя для абсолютизма сепаративныя стремленія.

Кто могъ предполагать, что этимъ «соціалистическимъ ученіемъ», выросшимъ исключительно на почвѣ патріотизма польской демократіи, проникнутся согласно указаніямъ П. П. С. и другіе соціалисты Россіи? Литовскіе соціалисты—евреи въ началѣ 90-хъ годовъ, также какъ и П. П. С., пришли окончательно къ заключенію, что въ столь отсталой странѣ, какъ Россія, немыслимо развить рабочее движеніе

въ пролетарское соціалистическое движеніе, въ дѣло революціонно-пролетарскаго соціализма. Возможно лишь профессіональное рабочее движеніе во имя минимальныхъ требованій, возможна лишь тредъ-юніонистская борьба отдѣльныхъ профессій. По ихъ мнѣнію такой выводъ неизбѣжно слѣдуетъ изъ ихъ собственнаго опыта, который показалъ всю неуспѣшность пропаганды въ рабочихъ кружкахъ академическаго соціализма, сторонниками котораго они до тѣхъ поръ были. Отложивъ въ сторону соціализмъ, какъ непонятную вещь для литовкнаго еврейскаго рабочаго и ремесленника, они и приступаютъ къ развитію тредъ-юніонистскаго профессіональнаго движенія, поучая всѣхъ, что о соціализмѣ можно говорить развѣ лишь въ формѣ указанія мелькомъ на то, что когда-нибудь не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни капиталистовъ, ни рабочихъ.

Но они — «не тредъ-юніонисты.» Они стремятся формулировать и политическія задачи рабочаго класса. Когда П. П. С. при своемъ основаніи упрекаетъ ихъ въ томъ, что они, руссифицируя еврейскія массы въ Литвѣ, играютъ на руку русскому абсолютизму, русскому деспотическому централизму, то имъ больно слышать такой упрекъ, ибо и они, какъ и П. П. С., убѣждены въ безошибочности «соціалистическаго принципа, по которому — первое дѣло пролетаріата въ Россіи — это уничтоженіе, во что бы то ни стало, абсолютизма.» Если еврейскій пролетаріатъ — этотъ «авангардъ русскаго рабочаго движенія», проявилъ полную неспособность къ воспріятію и развитію соціалистическаго дѣла, то тѣмъ болѣе нельзя ожидать развитія этого соціалистическаго дѣла, революціоннаго соціализма, въ самой Россіи, еще болѣе отсталой, еще болѣе удаленной отъ западной Европы. А между тѣмъ, «первое дѣло пролетаріата — уничтоженіе во что бы то ни стало абсолютизма». Это положеніе становится все болѣе непоколебимымъ. Но этому «первому дѣлу» симпатизируютъ и непролетарскіе слои населенія. И какъ прекрасно воспользовалась этой симпатіей П. П. С.. Выставивши требованіе независимой Польши, она вѣдь такъ успѣшно увеличила свои революціонныя силы за это «первое дѣло пролетаріата». Можно стало быть для успѣшнаго проведенія «перваго дѣла» рабочаго класса пополнить его «недоразвившіеся» интересы интересами другихъ общественныхъ группъ. И еврейскіе соціалисты, не смотря на то, что они прекрасно видятъ весь ростущій въ рядахъ П. П. С., ихъ столь отталкивающій шовинизмъ, ставятъ себѣ за образецъ П. П. С.: они въ «политикѣ» вступаютъ на ту же почву что и она. Они начинаютъ защищать интересы «еврейскаго народа», они воюютъ съ юдофобами, стараясь убѣдить ихъ въ томъ, что еврейскій кулакъ вовсе не хуже русскаго. (Брошюра по поводу смерти Александра III) Они требуютъ для еврейскихъ среднихъ классовъ возможности подыматься по лѣстницѣ привиллегированнаго общества, чему мѣшаетъ антисемитская политика самодержавія. И они убѣждаютъ еврейскій пролетаріатъ въ томъ, что требованіе гражданскаго равноправія евреевъ выставлено ими только ради интересовъ пролетарія, точно также, какъ П. П. С. утверждаетъ, что «независимая Польша» только для пролетаріата и должна быть завоевана только пролетаріатомъ.

Такимъ образомъ, «Общееврейскій Рабочій Союзъ» оказалъ не меньшія заслуги, чѣмъ П. П. С. въ великомъ открытіи того неоцѣненнаго дотолѣ значенія, которое играетъ въ дѣлѣ международнаго пролетаріата выставленное П. П. С. «сепаративное начало», проистекающее изъ интересовъ націи. Здѣсь, правда, очагъ національной традиціи не горитъ такими блестящими огнями, какъ въ Польшѣ и поэтому идеологи движенія не могли добраться до тѣхъ высотъ соц-д-аго поссибилизма, до которыхъ дошелъ смѣлый польскій патріотъ создавая принципы дипломатіи международнаго «классоваго» соціализма (стр. 46). Но тѣмъ не менѣе соц-д-кій поссибилизмъ и здѣсь сдѣлалъ въ своемъ родѣ шагъ впередъ: еврейскій патріотизмъ вынудилъ низвести соц-д-ое міровоззрѣніе до кругозора даже литовскаго ремесленника, потребовалъ еще болѣе утвердить въ умѣ «классового соціалиста» принципъ «научнаго движенія отъ этапа къ этапу», еще дальше отодвинуть въ «туманную даль вѣковъ» «конечную цѣль», такъ чтобы непосредственное къ ней стремленіе сдѣлалось для «классового соціалиста» несомнѣнною утопіею.

VII

«Россійская Соціалдемократическая Партія» (Р. С. П.) установилась окончательно всего годъ тому назадъ. Передъ нами только одно ея оффиціальное изданіе — ея «Манифестъ». Но и эта краткая формулировка основныхъ положеній партіи наглядно показываетъ, что Р. С. П. поставила дѣло пролетаріата на ту же почву, на которой оно поставлено въ Польшѣ, т. е. на компромиссѣ между интересами рабочаго класса и «революціонными стртмленіями» крайнихъ рядовъ буржуазнаго общества.

«Какъ движеніе и направленіе соціалистическое, Р. С. П (говоритъ Манифестъ) продолжаетъ традиціи всего предшествовавшаго революціоннаго движенія въ Россіи; ставя главнѣйшей изъ ближайшихъ задачъ партіи въ ея цѣломъ, завоеваніе политической свободы, соц-д-ія идетъ къ цѣли ясно намѣченной еще славными дѣятелями старой «Народной Воли».

Если русскіе соц-д-ты когда либо полагали, что они первые создаютъ въ Россіи соціалистическое движеніе пролетаріата, если они доказывали, что «основа» прошлаго соціалистическаго движенія («народъ») ни къ чему не годна и можетъ создавать и создала лишь утопическія фантазіи, то Манифестъ Р. С. П. говоритъ имъ ясно, что они ошибались, ибо Р. С. П. «продолжаетъ традиціи всего предшествовавшаго революціоннаго движенія въ Россіи» и продолжаетъ эти традиціи именно «какъ движеніе и направленіе соціалистическое.».

Вся историческая роль соц-д-іи состояла, казалось, въ раскрытіи утопичности прошлаго соціалистическаго движенія. Соціализмъ прошлаго движенія основывался на цѣломъ рядѣ фикцій, учила она постоянно.

Самобытные устои русскаго хозяйства, какъ элементъ будущаго соціалистическаго строя — фантазія, ибо эти устои лишь недоразвившаяся форма индивидуалистическаго строя. Русскій «соціалистическій

народъ» — обыкновенная демократическая фикція, ибо русскій народъ, какъ и всякій другой состоитъ изъ двухъ противоположныхъ общественныхъ силъ, пропасть между которыми все болѣе расширяется... Все прошлое соціалистическое движеніе — утопично, потому что оно стремилось скрыть классовыя противорѣчія въ народѣ и его классовую борьбу... Утопично стремленіе достичь неклассового строя при помощи «критической мысли», интеллигенціи, потому что эта «критическая мысль» является достояніемъ буржуазіи, и новый строй, полученный при помощи ея, есть строй классового господства Утопично стремиться въ неклассовому строю путемъ захвата власти революціонерами, для передачи ея народу, ибо власть единаго русскаго народа есть власть буржуазіи.

Разбивъ одну за другой всѣ фикціи прошлаго соціалистическаго движенія, соц-д-ія заявляетъ себя теперь наслѣдницей этого ниспровергнутаго ею же утопическаго соціализма. Неужели соціалисты антинародники пошли въ среду пролетаріата для того, чтобы затѣмъ объявить себя продолжателями народническаго соціализма? Неужели они были «столь узкими», защищавшими «интересы горсти» только для того, чтобы принять впослѣдствіи традиціи національнаго русскаго «широкаго» соціализма? Развѣ такихъ результатовъ на самомъ дѣлѣ ожидали русскіе марксисты — революціонеры отъ своихъ усилій развить классовое самосознаніе пролетаріата?

Однако, невозможно даже предположить, чтобы авторы Манифеста вдругъ рѣшили воскресить народническій соціализмъ. Что же въ такомъ случаѣ означаетъ ихъ заявленіе себя продолжателями прошлаго соціалистическаго движенія? Оно показываетъ, что несмотря на всю многолѣтнюю дѣятельность соц-д-іи, соціализмъ въ Россіи остается на томъ же уровнѣ, на которомъ онъ находился у старыхъ народовольцевъ, что, несмотря на развившуюся классовую борьбу русскихъ рабочихъ, цѣль движенія та же что и у стараго народовольчества — завоеваніе политической свободы, какъ первой задачи соціализма въ Россіи. А такъ какъ русскій рабочій могъ бы, пожалуй, усомниться въ томъ, чтобы возможно было «ясно» начертать цѣль его движенія въ то время, когда еще совсѣмъ не существовало его классовой организаціи, что, бы могла быть начертана «ясная цѣль» соціалистами — утопистоми, даже не предполагавшими, что въ Россіи придется раскалывать «народъ», то русской соц-д-іи пришлось назвать въ Манифестѣ прошлое революціонное движеніе соціалистическимъ и настолько неутопическимъ что оно было въ состояніи начертать «ясную цѣль» современному классовому движенію.

Такимъ образомъ, согласно всей исторіи соц.-д.-тіи и Манифесту, вмѣстѣ взятымъ, прошлое соціалистическое движеніе было утопичнымъ, за исключеніемъ одного выработаннаго имъ положенія, той народовольческой аксіомы, по которой первое дѣло соціализма въ Россіи—завоеваніе политической свободы. Эту аксіому народовольцы неустанно твердили марксистамъ революціонерамъ, требуя, чтобы всякія вновь пробуждающіяся силы рабочаго класса были немедленно направлены на борьбу съ абсолютизмомъ. Нѣкоторое время соц.-д.-ы старались, казалось не поддаваться искушенію; но народовольцы,

какъ видно, одерживаютъ побѣду. Цѣлью новаго «самостоятельнаго движенія пролетаріата» является все та же старая цѣль прошлаго революціоннаго періода. Развивающееся рабочее движеніе должно поставить своей задачей не развитіе пролетарскаго соціализма въ Россіи, а осуществленіе цѣли, поставленной старыми народовольцами. Манифестъ и старается раньше всего разъяснить все дѣло именно сторонникамъ прошлаго революціоннаго движенія, дабы лишить всякаго смысла ихъ оппозицію соц.-дем.-изму. Онъ объясняетъ имъ, что хотя рабочее движеніе и проходило непонятныя для народовольца стадіи («первые шаги русскаго рабочаго движенія и русской соц.-дем.-іи не могли не быть разрозненными, въ извѣстномъ смыслѣ случайными, лишенными единства и плана»), «эти рабочія организаціи сознательно или безсознательно всегда дѣйствовали въ духѣ соц.-дем-ихъ идей», а стало быть, какъ теперь выясняется, во имя той же «намѣченной еще народовольцами цѣли», т. е. во имя уничтоженія абсолютизма.

Р. С. П. является стало быть, раньше всего организаціей объединенія т. н. «революціонныхъ силъ страны». Въ этомъ отношеніи она вполнѣ сходна съ П. П. С. Осуществляются мечтанія представителей стараго революціоннаго міросозерцанія, конечно, не въ предполагаемой ими формѣ. Что же получаетъ русскій пролетаріатъ? Фактомъ утвержденія Р. С. П. онъ не вынуждаетъ русское общество къ новой уступкѣ, не дѣлаетъ никакого шага впередъ, а прежде всего входитъ въ переговоры съ обществомъ.

До сихъ поръ, какими мелкими кусочками ни давалось русскому рабочему добытое западноевропейскимъ пролетаріатомъ классовое самосознаніе, какъ туго ни шло соц.-д.-ое движеніе,—оно все таки было поступательнымъ. Сначала рабочему давались научно-популярныя истины съ цѣлью повысить его культурный уровень, затѣмъ ему подносился академическій соціализмъ съ цѣлью сдѣлать его достояніемъ весь научный аппаратъ русскаго марксизма, причемъ ему удалось услышать и не одно горячее слово западно-европейскаго пролетаріата, наконецъ ему помогли и прямо начать непосредственную борьбу съ эксплуататорами. Но лишь только онъ къ ней приступилъ, какъ Манифестъ Р. С. П. подаетъ ему благоразумный совѣтъ: стой, подожди немного,—кое-что надо «закрѣпить». Какъ будто ужъ такъ быстро бѣжали впередъ въ послѣднее время, что устали ужасно... Русскому пролетаріату даже въ его подпольной жизни нельзя, повидимому, развиваться свободно, безъ всякихъ «закрѣпленій». Неужели авторы Манифеста думаютъ, что въ русскомъ буржуазномъ обществѣ отсутствуютъ силы, классовой интересъ которыхъ заключается въ томъ, чтобы удержать и закрѣпить самосознаніе русскаго рабочаго на данной ступени? Никогда пролетаріату не приносило никакой пользы какое бы то ни было «закрѣпленіе». Успѣха своему дѣлу онъ можетъ ждать только отъ безпрерывнаго движенія впередъ. И въ данномъ случаѣ закрѣпленіе нужно не ему, а кому то другому.

«Своимъ установленіемъ Р. С. П., какъ говоритъ Манифестъ, окончательно закрѣпляетъ переходъ русскаго революціоннаго движенія въ новую эпоху сознательной классовой борьбы... Соціальдемократія идетъ къ цѣли, ясно намѣченной еще славными дѣятелями

старой «Народной Воли». Но средства и пути... иные. Выборъ ихъ опредѣляется тѣмъ, что она сознательно хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ».

Итакъ, все «классовое движеніе организованныхъ рабочихъ массъ» сведено къ роли средства для давно установленной народовольческой цѣли, на чемъ оно и «закрѣпляется»; все существованіе и развитіе русской соц.-д.-іи имѣло какъ будто лишь тотъ смыслъ, чтобы открыть новый путь для продолженія прошлаго революціоннаго движенія, а именно народовольчества. Все дѣло пролетаріата въ Россіи, дѣло борьбы съ буржуазнымъ строемъ, которое, казалось, начинала развивать соц.-д—ія, сведено къ роли новаго средства и новаго пути для осуществленія народовольческаго «идеала». «Закрѣпленіе» производится такимъ образомъ въ угоду народовольчеству. И народовольчество въ самыхъ разнообразныхъ своихъ оттѣнкахъ, вплоть до «національной» Партіи Народнаго Права, своимъ переходомъ въ ряды соц.-дем.—іи выкажетъ полное признаніе программѣ Р. С. П. и станетъ все болѣе цѣнить всю услугу, какую оказала Р. С. П. дѣлу обновленія народовольчества.

Народовольчество—дѣло низверженія абсолютизма во имя освобожденія всего русскаго «соціалистическаго народа»—въ послѣдніл два десятилѣтія само постепенно отказывалось отъ всѣхъ народническихъ утопическихъ мечтаній и тѣмъ не менѣе оно существовало и развивалось, какъ направленіе «соціалистическое», потому что выражало реальныя потребности въ «свободѣ» русскаго передового общества. Для послѣдняго народовольчество позднѣйшаго времени потому и было удобнѣйшей формой выраженія своихъ классовыхъ интересовъ, что оно называло его потребности потребностями несомнѣнно соціалистическими и отвѣчающими интересамъ всѣхъ трудящихся массъ, а всякій нелегальный протестъ противъ абсолютизма несомнѣнною борьбою за соціализмъ.

Р. С П., какъ наслѣдница «Народной Воли», эту спеціальную функцію народовольчества,—стремленіе къ удовлетворенію потребностей «свободы» русскаго передового общества,—укрѣпляетъ и развиваетъ съ помощью всего соц.-дем.-аго поссибилизма и его фразеологіи. Если народовольческая идея, въ своей борьбѣ съ идеей соц.-дем.—ой, сводила все свое содержаніе къ тому положенію, что политическая свобода, есть основное условіе русскаго соціализма, то та же народовольческая идея, оплодотворенная соц.-дем.—измомъ, заявляетъ уже на европейскомъ языкѣ научнаго соціализма, что «политическая свобода—основное условіе свободнаго развитія русскаго пролетаріата и его успѣшной борьбы за частичныя улучшенія и конечное освобожденіе» (Манифестъ). И такъ какъ Р. С. П. твердо убѣждена, что «освобожденіе рабочаго класса можетъ быть только его собственнымъ дѣломъ и будетъ неуклонно сообразовать всѣ свои дѣйствія съ этимъ основнымъ началомъ международной соціальдемократіи», то она, согласно съ этимъ «основнымъ началомъ международнаго соціализма», утверждаетъ, что «нужную ему политическую свободу русскій пролетаріатъ можетъ завоевать себѣ *только самъ*» (Манифестъ).

«Основное начало международнаго соціализма» доходитъ въ лицѣ Р. С. П. до такого совершенства, что начинаетъ само себя отрицать.—«Освобожденіе *рабочаго класса*», его «*конечная цѣль*», *соціальный переворотъ* «можетъ быть только его собственнымъ дѣломъ» —вотъ какую идею пыталось выразить это «начало». Но осуществленіе этого принципа, конечно, не мыслимо, разъ въ дѣлѣ достиженія «посредствующихъ стадій» пролетаріату насильно закрываются глаза на тѣ оппозиціонные слои современнаго буржуазнаго общества, «бокъ о бокъ съ которыми пролетаріатъ борется» до тѣхъ поръ, пока завоевываетъ лишь частичныя улучшенія. «Начало» стало быть, должно раскрывать тѣ буржуазныя силы, которыя прячутся подъ пролетарскимъ знаменемъ и настойчиво увѣряютъ пролетаріатъ, что данное завоеваніе на почвѣ современнаго строя пріобрѣтается имъ только для себя. Въ русскомъ государствѣ, гдѣ прогрессивное общество чувствуетъ такую настоятельную потребность въ «свободѣ», поссибилистскій соціалдемократизмъ призналъ не цѣлесообразной эту тактику международнаго соціализма, дабы не ослаблять революціоннаго настроенія рабочаго при нападеніи на абсолютизмъ соображеніемъ, что «политическая свобода» нужна и нѣкоторымъ врагамъ пролетаріата. Такимъ образомъ Манифестъ Р. С. П. при помощи слишкомъ ужъ прозрачныхъ натяжекъ въ толкованіи «началъ соціализма», натяжекъ, подсказываемыхъ классовыми интересами русскаго радикальнаго общества,—благополучно дошелъ до той почвы, на которой путемъ той же софистики поставляла дѣло пролетаріата П. П. С. и О. Е. Р. С. (Независимое польское государство только для пролетаріата и черезъ пролетаріатъ.—Гражданское равноправіе евреевъ только для еврейскаго пролетаріата). Итакъ въ этомъ отношеніи между этими тремя организаціями полное тождество.

Укрѣпивъ такимъ образомъ народовольческую идею, по которой борьба съ абсолютизмомъ въ Россіи есть борьба соціалистическая, обновивъ ее новыми доводами, Манифестъ Р. С. П. и по отношенію къ условіямъ вообще соціалистическаго *дѣла* въ современной Россіи, принимаетъ и подкрѣпляетъ лишь указанія народовольцевъ. Возможность развить въ современной Россіи рабочее движеніе въ соціалистическое пролетарское движеніе, стремящееся непосредственно къ своей конечной цѣли, авторы Манифеста отвергаютъ слѣдующими народовольческими соображеніями: Еще старыми народовольцами «ясно намѣчена цѣль движенія» въ Россіи, и еще тогда выработана жизненнымъ опытомъ аксіома, что при существующихъ политическихъ условіяхъ соціалистическое дѣло невозможно, такъ какъ русскій пролетаріатъ

> «совершенно лишенъ того, чѣмъ спокойно и свободно пользуются его заграничные товарищи: участія въ управленіи государствомъ, свободы устнаго и печатнаго слова, свободы союзовъ и собраній—словомъ всѣхъ тѣхъ орудій и средствъ, которыми западноевропейскій пролетаріатъ улучшаетъ свое положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ борется за свое конечное освобожденіе, противъ частной собственности и капитализма, за соціализмъ». (Манифестъ).

Какъ видитъ читатель, народовольческая формула счастливо совпала съ формулой западно-европейской соц.-дем.—іи 90—хъ годовъ. Единственный путь развитія соціалистическаго дѣла указываемый соц.-д.—ой формулой (пользованіе политическами правами и законодательной машиной) въ Россіи, въ этой отсталой странѣ, такъ давно

уже познанъ еще старыми народовольцами, понимавшими соціализмъ не какъ узкое дѣло пролетарія, а какъ широкое дѣло русскаго народа. Резолюція Цюрихскаго конгресса (93 г.), обрекающая въ Польшѣ соціализмъ на компромиссъ съ патріотами, въ Россіи воскрешаетъ народовольческую аксіому, какъ единственную тактику пролетаріата и пишетъ ее на знамени русской соціальдемократіи. Но здѣсь соц.-дем.-ая формула, оплодотворенная народовольчествомъ, отбрасываетъ окончательно ненужную фразу о «завоеваніи пролетаріатомъ политической власти» и, ничуть не стѣсняясь, разсказываетъ пролетарію утопическія сказки о томъ, какъ «участіе въ управленіи», предоставляемое ему конституціоннымъ государствомъ, является средствомъ его окончательнаго освобожденія. Мало того, конституція не только средство окончательнаго освобожденія рабочаго класса, но и единственное средство. Такъ какъ Россія не конституціонное государство, то русскій пролетаріатъ и «лишенъ совершенно всѣхъ тѣхъ орудій и средствъ, которыми западно-европейскій пролетаріатъ... борется за свое конечное освобожденіе противъ частной собственности и капитализма за соціализмъ» (Манифестъ). Стало быть, до тѣхъ поръ, пока въ Россіи нѣтъ конститиціи, до тѣхъ поръ вся классовая борьба пролетарія можетъ вестись только за конститицію, до тѣхъ поръ немыслимо пролетарское соціалистическое дѣло въ Россіи, до тѣхъ поръ просто физически невозможна борьба пролетаріевъ за конечную цѣль. Россія такимъ образомъ опять спасена: хотя и на время, но за то несомнѣнно предохранена отъ пролетарской революціи. Счастливая страна! Какъ долго предохраняли ее отъ грубаго пролетарскаго соціализма ея освященные вѣками родные устои! Хорошее то было время! Но и теперь можетъ быть спокойно буржуазное общество. Хотя и началась классовая борьба рабочихъ, но отсталость все еще спасаетъ: благодаря существованію самодержавія, стремленія пролетаріевъ къ конечному освобожденію немыслимы; ихъ классовая борьба благополучно вводится въ рамки борьбы за общенаціональное дѣло, за конституцію.

«Пробужденіе классоваго самосознанія русскаго пролетаріата (говоритъ Манифестъ Р. С. П.), и ростъ стихійнаго рабочаго движенія совпали съ окончательнымъ развитіемъ международной соціальдемократіи, какъ носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательныхъ рабочихъ всего міра».

Мы знаемъ уже, какъ пріятно сложилась исторія. Пока западноевропейская соц.-дем.—ія все еще угрожала въ большей или меньшей степени соціальнымъ переворотомъ, пока ей не удалось установить своей настоящей политики мирныхъ и законныхъ средствъ, до тѣхъ поръ не существовало въ Россіи другого соціализма, кромѣ народническаго и другого марксизма, кромѣ марксизма Михайловскихъ и Николай—оновъ, марксизма, который не нуждался въ пролетаріяхъ, испорченныхъ наноснымъ капитализмомъ дѣтяхъ русскаго народа, марксизма, у котораго соціальное преобразованіе фигурировало подъ самой безобидной формой развитія и укрѣпленія «основъ» и «устоевъ». И только послѣ того, какъ западно-европейская соц.-дем.—ія рѣшительно объявила себя сторонницей законныхъ средствъ, отвергла окончательно планы подготовленія соціальнаго переворота, только

послѣ того, какъ соц.-дем.—ій поссибилизмъ поднялся до высоты народовольческой аксіомы, только тогда русское буржуазное общество допустило интеллигентовъ въ рабочую среду для пропаганды соціальдемократической классовой борьбы. Но чтобы молодые люди не увлеклись и не уничтожили всѣхъ выгодъ, какія Россія черпаетъ изъ своей отсталости, ихъ сопровождалъ безпрерывно раздающійся по всей Россіи, громкій народническій вой и ругань противъ «грубыхъ матеріалистовъ». Русскіе соц.-д.—ы, какъ ни издѣвались надъ этимъ воемъ, приняли его, однако, въ соображеніе: они поняли, что общество требуетъ отъ нихъ яснаго отчета въ томъ, до какого именно предѣла они думаютъ играть съ огнемъ, и надежной гарантіи того, что движеніе дальше извѣстнаго предѣла не пойдетъ. И эту гарантію получаетъ русское буржуазное общество въ Манифестѣ Р. С. П. воскрешеніемъ народовольческой аксіомы. Какъ ни широко станетъ разливаться по Россіи настоящее рабочее движеніе, его цѣль—конституція.

Точь въ точь такую гарантію получило нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ польскихъ соціалистовъ польское передовое буржуазное общество фактомъ конституированія пролетаріата въ П. П. С. съ основнымъ требованіемъ польскаго государства. Мы видѣли, какъ послѣ этого исчезъ анти-марксистскій протестъ въ рядахъ радикальнаго патріотическаго общества.

Русское передовое общество, получивъ отъ марксистовъ вышеуказанную гарантію, повидимому, начинаетъ проявлять подобное же отношеніе. Анти-марксисты достигли цѣли: разъ марксистскій матеріализмъ, классовая борьба признаютъ идею «общественныхъ нуждъ»—русскаго народа,—зачѣмъ же бороться противъ такого марксизма и такой классовой борьбы? Горячіе споры прекращаются, страсти укладываются. Успокаивается и Михайловскій и довольно откровенно разглашаетъ тайну всего похода анти-марксистовъ противъ грубаго матеріализма. Недавно еще,—говоритъ онъ,—можно было полагать, что европейское рабочее движеніе угрожаетъ всей міровой цивилизаціи,—теперь оказывается, что рабочіе борются за культуру и цивилизацію. И Михайловскій постарается сдѣлаться «другомъ непосредственнаго производителя».

Съ тѣхъ поръ, какъ установилась Р. С. П., открыто говорить о компромиссѣ, положенномъ въ ея основу, не полагается, точно такъ же, какъ о компромиссѣ съ патріотами въ программѣ П. П. С. Компромиссъ этотъ прикрытъ фразеологіей соц.-дем.-скаго поссибилизма и прячется подъ щитъ мнимой самостоятельности русскаго рабочаго класса, которую ему обезпечиваетъ Манифестъ Р. С. П.

Но для того, чтобы осуществить компромиссъ, до окончательнаго установленія Р. С. П., поневолѣ приходилось говорить о немъ. Брошюра Аксельрода «Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціалдемократовъ», изданная «Союзомъ русскихъ соціальдемократовъ», откровенно требуетъ компромисса между дѣломъ русскаго пролетаріата и дѣломъ «образованныхъ высшихъ классовъ», между классовыми интересами рабочаго и «общенаціональными нуждами» Россіи. Тѣ соображенія, которыя Аксельродъ высказываетъ въ этой брошюрѣ, являются одними изъ мотивовъ, побудившихъ партію

принять именно ту программу, какая указана въ Манифестѣ. Интересно посмотрѣть, насколько и какимъ образомъ программа Р. С. П. отвѣчаетъ этому открытому требованію компромисса.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что упомянутая брошюра Аксельрода и Манифестъ Р. С. П. стоятъ на прямопротивоположныхъ точкахъ зрѣнія. По Манифесту русская буржуазія, повидимому, совсѣмъ примирилась съ абсолютизмомъ, и все дѣло завоеванія политической свободы падаетъ на «крѣпкія плечи» русскаго рабочаго. Аксельродъ напротивъ видитъ «огромную революціонную силу» въ образованныхъ и высшихъ классахъ, въ оппозиціи земствъ, городскихъ думъ и «либеральной печати». Онъ даже предполагаетъ, что будущимъ освободительнымъ движеніемъ въ Россіи, при неудачной тактикѣ русскихъ соц.-дем.—овъ, могло бы, пожалуй, руководить русское буржуазное общество вполнѣ самостоятельно, втягивая въ свое движеніе русскихъ рабочихъ наподобіе западно-европейской буржуазіи—это одна изъ тѣхъ двухъ перспективъ возможнаго общественнаго развитія, которыя рисуются передъ глазами Аксельрода. Она для него, должно надѣяться, нежелательна. Но при надлежащей тактикѣ русской соц.-дем.—іи, русскій рабочій классъ можетъ стать во главѣ освободительнаго движенія: «революціонизируя земства, городскія думы», «развивая эти зародыши конституціонной жизни въ Россіи», «защищая общенаціональныя нужды», онъ такимъ образомъ, по убѣжденію Аксельрода, достигаетъ своей полной самодѣятельности. Только такія двѣ перспективы рисуетъ себѣ современный идеологъ русскаго рабочаго класса: или пролетаріатъ втягивается, какъ составной элементъ въ буржуазныя прогрессивныя партіи, или онъ самъ сознательно руководитъ и завѣдуетъ всѣми буржуазными прогрессами. Какъ увидимъ дальше и вся Р. С. П. не въ состояніи даже вообразить себѣ другого выхода, кромѣ этихъ двухъ Аксельдоровыхъ перспективъ.

Потерявъ всякую способность смотрѣть на дѣло пролетаріата въ Россіи, въ его движеніи, видя въ немъ лишь то, что опредѣлилось, что было, а не то, что зарождается, что неизбѣжно будетъ, Аксельродъ разсуждаетъ такъ: защищать исключительно экономическіе интересы рабочихъ и ничего болѣе не видѣть, кромѣ сферы отношеній труда и капитала, это значило бы попасть на русской почвѣ въ «узость», въ «доктринерство» первыхъ русскихъ соціальдемократовъ. Рабочее дѣло сдѣлалось бы узко профессіональнымъ дѣломъ улучшенія условій найма и труда горсти фабричныхъ рабочихъ; освободительное движеніе было бы всецѣло буржуазнымъ, велось бы подъ буржуазнымъ знаменемъ. Но можно попытаться, разсуждаетъ Аксельродъ, создать и самостоятельное движеніе пролетаріата. Такъ какъ организовать пролетаріатъ въ самостоятельную партію во имя его собственной конечной цѣли въ настоящій моментъ—утопія, (поссибилистическій соц.-дем.—измъ отрѣзалъ всякій путь къ дѣйствительно самостоятельному дѣлу пролетаріата въ Россіи), то можно мыслить лишь такую самостоятельность рабочаго класса: соц.- дем.—ія стат новится во главѣ всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ сил русскаго общества, объединяетъ и сосредоточиваетъ ихъ въ одной общей борьбѣ противъ абсолютизма; она становится тогда передовымъ отрядомъ всей революціонной арміи, заключающей въ себѣ всевозможные элементы «русской демократіи». Только на такую самостоятельную» роль можетъ претендовать пролетаріатъ въ Россіи, и она полагается ему, какъ неотвратимый результатъ отсталости Россіи, ея некультурности и пр. пр. Въ концѣ концовъ у Аксельрода получается довольно курьезное разсужденіе: и въ рабочемъ классѣ, и въ буржуазномъ обществѣ на лицо революціонныя силы, ergo, если

эти силы будутъ идти отдѣльно другъ отъ друга, пролетаріатъ будетъ пѣшкой въ рукахъ буржуазіи; если онѣ объединятся, получится самостоятельное движеніе пролетаріата. Вопросъ о томъ, играть ли соціалдемократіи руководящую роль въ русскомъ движеніи, или стать однимъ изъ революціонныхъ теченій, предсталъ и потребовалъ рѣшенія не только отъ Аксельрода, но и отъ русской соц.-дем.-іи вообще. Но Аксельродъ, желая ярче освѣтить эту проблему, довелъ ее лишь до ея логическаго конца. Ему нужно было прежде всего подчеркнуть наличность и внѣ соц.-дем.-іи революціонныхъ теченій. Но онъ уже давно обманутъ силой этихъ несоціальдемократическихъ «революцій», уже давно въ своихъ взглядахъ вступилъ съ ними въ компромиссъ, который успѣлъ его уже вполнѣ деморализовать. Онъ уже называетъ революціонною всякую либеральную оппозицію земцевъ, декламируетъ, какъ либералъ, о благородствѣ «образованныхъ высшихъ классовъ» въ Россіи, отличныхъ по своей природѣ отъ тѣхъ же классовъ на Западѣ, ибо въ Россіи «они сами заражены разрушительными стремленіями, съ которыми борются западноевропейскіе высшіе классы». Онъ поэтому указываетъ на земства, городскія думы, на эти «зародыши конституціонной жизни въ Россіи», какъ на источникъ революціонныхъ соціалдемократическихъ силъ. Такъ какъ существованіе т а к о г о источника революціонной силы для многихъ русскихъ соціальдемократовъ, даже согласныхъ вполнѣ съ поссибилизмомъ Аксельрода, покажется невѣроятнымъ, то и сама проблема брошюры «Къ вопросу о задачахъ и т. д.» можетъ показаться несуществующей. Она однако вполнѣ конкретна и состоитъ въ слѣдующемъ:

Русскіе соц.-д.-ы начала текущаго десятилѣтія, указывая безпрестанно русскимъ революціонерамъ на «новую революціонную силу» въ Россіи, русскій пролетаріатъ, не рѣшаются, однако, создавать непосредственно революціоннаго выраженія классовыхъ интересовъ пролетаріата, этой новой силы. Такое дѣло кажется имъ немыслимымъ при настоящемъ общественномъ развитіи Россіи. Марксизмъ они воспринимаютъ не какъ формулировку революціонныхъ стремленій пролетаріата и его классовыхъ интересовъ, а прежде всего какъ *научную теорію*. Въ своей дѣятельности они, повидимому, первымъ дѣломъ, стараются не обидѣть русской отсталости: имъ поэтому приходитъ въ голову поднимать въ нелегальныхъ кружкахъ культурный уровень рабочаго. Перейдя къ агитаціонной работѣ, они забываютъ о пропагандѣ соціализма, о формулировкѣ политики рабочаго класса и мечтаютъ о тредъ-юніонизмѣ. За все это время они съ пренебреженіемъ смотрѣли на развивающіяся подлѣ нихъ революціонныя теченія въ «обществѣ» какъ на неиграющія никакой роли. Но скоро они съ удивленіемъ замѣтили, что эти теченія ростутъ. А росли они вотъ по какой причинѣ: изъ всей дѣятельности соц.-дем.-іи революціонеры антимарксисты могли заключить, что если въ лицѣ русской соц.-д.-іи русскій пролетаріатъ пріобрѣлъ силы, которыя познали его историческую роль и выводятъ его на историческую арену, то отсюда еще не слѣдуетъ, что эти сознательныя силы выражаютъ т о л ь к о его классовые и интерессы, не позволятъ русскимъ революціонерамъ и передовой интеллигенціи пользоваться русскимъ рабочимъ, какъ средствомъ для «ясно намѣченной народовольческой цѣли». Эта-то надежда на возможность пользоваться русскимъ пролетаріатомъ, выводимымъ на сцену русскими соц.-д.-ами, для удовлетворенія потребностей въ «свободѣ» русскаго общества, усиливаетъ нелегальную дѣятельность революціонеровъ-антимарксистовъ, не признающихъ классовой борьбы до тѣхъ поръ, пока послѣдняя не сведена въ русло общенаціональной борьбы за конституцію. Дѣло происходитъ точь-въ-точь, какъ въ Польшѣ (стр. 42—24). Поссибилизмъ соц.-д.-іи ободряетъ

антимарксистовъ въ ихъ революціонной дѣятельности, какъ въ Польшѣ патріотовъ, позволяетъ имъ расти и принужденъ наконецъ самъ признать въ нихъ революціонную силу. Въ Россіи всѣ эти революціонныя теченія идутъ подъ знаменемъ прошлаго революціоннаго движенія. Народовольчесто служитъ имъ самымъ удобнымъ плащемъ. Въ нихъ оно окончательно вывѣтривается отъ всякаго соціалистическаго содержанія: весь ихъ «соціализмъ» состоитъ въ пропагандѣ той идеи, что соціалистическое дѣло и обязанность всѣхъ русскихъ трудящихся массъ, значитъ и организующихся рабочихъ, есть борьба съ абсолютизмомъ. Наконецъ, какъ крайнее проявленіе этой эволюціи народовольчества, является «Партія Народнаго Права». Она даже и не считаетъ нужнымъ назвать себя соціалистической, напротивъ, убѣждаетъ «спрятать красное знамя соціализма», ибо борьба съ абсолютизмомъ «отодвинула всѣ другіе общественные вопросы на второй планъ» (см. ея Манифестъ, 1894 г.). Она не заявляетъ никакой претензіи на представительство трудящихся массъ, а только на традицію прошлаго революціоннаго движенія, на защиту общенаціональныхъ интересовъ. Соц.-дем.-скій поссибилизмъ сдѣлалъ возможнымъ въ Россіи существованіе либераловъ-революціонеровъ.

Вотъ тутъ-то явилась передъ русскими соц.-дем.-ами настоятельная потребность выяснить и установить свое отношеніе къ этимъ другимъ революціоннымъ теченіямъ. Это именно и есть Аксельродова проблема. Проблему эту сталъ рѣшать еше «Петерб. союзъ борьб. за осв. раб. класса» при своемъ развитіи, ее рѣшила окончательно Р. С. П. при своемъ основаніи.

Какъ-же она ее рѣшила? Противъ желанія Аксельрода? Никоимъ образомъ. Аксельродъ несомнѣнно удовлетворенъ рѣшеніемъ, даннымъ Манифестомъ. Аксельродъ взываетъ къ объединенію революціонныхъ силъ страны и требуетъ, чтобы соціальдемократія стала во главѣ ихъ. Русская соц.-д.-ія нисколько не думаетъ отклонять отъ себя почетной роли объединительницы. Такъ какъ всѣ несоціалдемократическія революціонныя теченія шли подъ знаменемъ прошлаго движенія, то Р. С. П. въ своемъ Манифестѣ цѣлью своею ставитъ цѣль народовольцевъ, называетъ себя продолжательницей прошлаго революціоннаго движенія, для того, чтобы привлечь къ себѣ всѣ конспирирующіе противъ абсолютизма оппозиціонные элементы. Такимъ образомъ, уже этимъ шагомъ исполнено требованіе открытаго компромисса, требованіе защищаемое Аксельродомъ.

И всѣ широкіе планы компромисса вполнѣ осуществимы на основѣ Манифеста Р. С. П.

Аксельродъ требуетъ, чтобы русская соц.-дем.-ія сдѣлалась «наиболѣе рѣшительнымъ и передовымъ борцомъ за общенародные интересы и прогрессъ», чтобы поставила себѣ задачей оказывать «воздѣйствіе и въ крестьянствѣ и среди высшихъ классовъ, которымъ приходится терпѣть отъ.. отсталаго общественно-политическаго строя Россіи...».

«Но для воздѣйствія на эти слои отнюдь нѣтъ необходимости, чтобы соц.-дем.-ы отправились дѣйствовать въ ихъ средѣ. Задача пріобрѣтенія приверженцевъ и союзниковъ среди непролетарскихъ классовъ рѣшается прежде всего и главнымъ образомъ характеромъ агитаціонно-пропагандистской дѣятельности въ средѣ самаго пролетаріата». Эта задача «требуетъ расширенія объема агитаціи и пропаганды вопросами, представляющими собою тѣ узловые пункты, въ которыхъ сходятся и переплетаются интересы какъ пролетаріата, такъ и другихъ классовъ, угнетаемыхъ и тѣснимыхъ абсолютизмомъ и покровительствуемой имъ капиталистической буржуазіею. Но эти вопросы оказываются... самыми существенными... для пролетаріата.

Слѣдовательно, подчеркивая и выдвигая ихъ наша пропаганда и агитація будутъ наиболѣе цѣлесообразны и съ точки зрѣнія имѣющей въ виду исключительно развитіе политическаго сознанія рабочихъ». Вообще нужно «раздвинуть рамки своей дѣятельности и повести аттаку хотя и подъ классовымъ знаменемъ пролетаріата, но во имя и въ защиту всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ».

Аксельродъ, стало быть не смотря на свое требованіе компромисса со всѣми «друзьями прогресса» въ Россіи, не предлагаетъ ничего такого, чего бы русская соц.-дем.-ія уже не дѣлала. «Друзья прогресса», входя въ дружбу съ соц.-дем.-ами, и не думаютъ требовать отъ нихъ отреченія отъ агитаціонной работы въ рабочихъ массахъ; они не хотятъ, чтобы соц.-дем.-ы «отправились дѣйствовать въ ихъ средѣ», совсѣмъ наоборотъ, они желаютъ только чтобы соц.-дем.-ы довели до свѣдѣнія рабочихъ о тѣхъ страданіяхъ, которымъ подвергаются «друзья прогресса» со стороны абсолютизма.

«Соц.-дем.-ческая тактика», доказываетъ далѣе Аксельродъ (построенная на только что указанныхъ соображеніяхъ) «будетъ на каждомъ шагу обнаруживать общенаціональное значеніе нашего рабочаго движенія... По мѣрѣ роста ея (соціалдемократіи) значенія и популярности, какъ наиболѣе рѣшительнаго и передового борца за общенародные интересы и прогрессъ, либеральнымъ слоямъ придется все болѣе и болѣе считаться съ потребностями и стремленіями пролетаріата». Ихъ «легальныя усилія и средства.. будутъ непосредственно служить и на пользу созданія условій благопріятствующихъ политическому развитію и организаціи рабочихъ въ оковахъ деспотическаго государства».

«Тактика, построенная на этихъ соображеніяхъ»—ликуетъ Аксельродъ,-«уже принята отчасти соц-дем-іей. Стачечное движеніе въ какіе нибудь два года поставило зашевелившіеся рабочіе слои и ихъ организаціонный авангардъ лицомъ къ лицу съ абсолютизмомъ и успѣло уже выдвинуть передъ ними на очередь вопросъ о политической свободѣ. Этимъ самымъ соц.-дем.-ое движеніе выступило на такую почву, которая должна привлечь къ нему всѣхъ истинныхъ друзей прогресса въ Россіи, какъ бы отрицательно они ни относились къ теоріямъ и окончательнымъ цѣлямъ соц.-дем.-іи».

Тутъ уже Аксельродъ говоритъ не только о своихъ пожеланіяхъ, а о фактахъ, и эти факты, какъ оказывается, вполнѣ отвѣчаютъ тѣмъ планамъ, которые начерталъ компромиссъ. Когда во время Петербургской стачки «друзья прогресса» убѣдились, что «организаціонный авангардъ» рабочихъ *даже не пытается развить и усилить чисто экономическихъ требованій стачечниковъ* и притомъ совершенно не отличается той «узостью», которою были заражены первые соц.-дем.-ы, когда онъ именно выдвигалъ и широко пропагандировалъ во время волненій рабочихъ не какія либо «отдаленныя цѣли соціализма» (Аксельродъ), а требованіе политической свободы, т. е. тотъ «узловой пунктъ», который выражаетъ общенаціональные интересы, тогда соц.-дем.-ы пріобрѣли вдругъ симпатію всего прогрессивнаго общества, и у рабочаго класса сразу оказалось несмѣтное количество друзей.

Ничего, стало быть, особенно новаго Аксельродъ не требуетъ. Нужно лишь продолжать все въ томъ же духѣ. Но Аксельродъ не увѣренъ, прониклись ли этимъ духомъ въ достаточной мѣрѣ всѣ русскіе соц.-дем.-ы и будетъ ли въ этомъ духѣ создана программа новой партіи, объединяющей всѣ мѣстныя группы. Онъ подозрѣваетъ присутствіе въ соц.-дем.-ихъ рядахъ сторонниковъ стачечнаго движенія и опасается, какъ бы оно не выродилось въ новаго рода бунтарство.

Желая предохранить партію отъ этой бѣды, онъ горячится, начинаетъ говорить языкомъ, какимъ говорили до сихъ поръ самые ярые противники марксизма и производитъ вообще такое впечатлѣніе, какъ будто народовольцы выбрали его своимъ представителемъ при редактированіи программы русской соц.-дем.-іи. Онъ припоминаетъ всѣ грѣхи соц.-дем.-овъ (доктринерство кружковъ саморазвитія, политическій индиферентизмъ и пр.) и доказываетъ, что первые ихъ шаги были поставлены совсѣмъ не въ духѣ первоначальной программы «Группы Освобожденія Труда» (1885 г.), которая вѣдь вполнѣ была свободна отъ узости сторонниковъ стачечнаго движенія, отъ того недостатка, вслѣдствіе котораго движеніе и организація опредѣляются «самодавлѣющими интересами пролетаріата».

На все это авторы Манифеста отвѣчаютъ: Успокойтесь: «первые шаги соц.-дем-іи не могли не быть разрозненными и лишенными плана». Но теперь незачѣмъ и вспоминать о прежнихъ грѣхахъ: дѣло теперь обстоитъ совершенно иначе. Манифестъ съ самаго начала до самаго конца только и трактуетъ, что о «томъ узловомъ пунктѣ, въ которомъ сходятся и переплетаются» интересы различныхъ слоевъ народа и который выражаетъ общенаціональныя нужды.

Р. С. П. воплощаетъ въ жизнь Аксельродову перспективу самостоятельности рабочаго движенія, этой призрачной самостоятельности, основанной на объединеніи разнообразныхъ «революціонныхъ» силъ, на компромиссѣ. Если тѣ, которые были до сихъ поръ на столько «узки», что хотѣли защищать интересы «горсти рабочихъ», теперь рѣшили выражать и общенаціональные интересы, если они признаютъ, что ихъ цѣль это—«ясно поставленная еще старыми народовольцами цѣль движенія», т. е. уничтоженіе абсолютизма, то, въ свою очередь, тѣ, которые до сихъ поръ стремились исключительно къ этой цѣли и вовсе не думали претендовать на представительство рабочаго класса, теперь могутъ смѣло признать, что они собственно соц.-д.-ты и стоятъ на той же классовой почвѣ. Лишь по недоразумѣнію первые соц.-дем.-ты не были народовольцами, лишь по недоразумѣнію они отрицали традицію народничества цѣликомъ. Потому же самому недоразумѣнію «Народное Право» метало громы и молніи противъ «классовой точки зрѣнія». Нынѣ всѣ борющіяся съ абсолютизмомъ силы отождествляются, и надъ каждой изъ нихъ ставится надпись: «соціалдемократія».

Рѣшивъ впитать въ себя всѣ силы, развивающіяся въ настоящій моментъ въ подпольной жизни Россіи, Р. С. П. начинаетъ пріобрѣтать увѣренность, что въ ея рядахъ будутъ всѣ тѣ, кто конспирируетъ противъ абсолютизма, а внѣ ея лишь легальная оппозиція либераловъ. Но такъ какъ Р. С. П. есть несомнѣнная выразительница интересовъ пролетаріата въ Россіи, то отсюда слѣдуетъ ясная, какъ божій день, истина: только пролетарій борется за политическую свободу и представительное правленіе, все же буржуазное общество примирилось съ азіатскимъ режимомъ. «Нужную ему политическую свободу русскій рабочій завоюетъ себѣ *только* самъ» (Манифестъ). Это основной принципъ, на которомъ, по Манифесту Р. С. П., должно покоиться все соц.-дем.-ое движеніе въ Россіи; тотъ же самый принципъ, та же самая истина, которая открыта въ Польшѣ П. С. П-іей и гласитъ такъ: только интересы пролетарія создаютъ революціонное стремленіе къ независимому польскому государству.

Аксельродова проблемма о такой тактикѣ соц.-дем.-іи, которая бы приняла во вниманіе наличность и въ пролетаріатѣ, и въ русскомъ буржуазномъ обществѣ революціонныхъ силъ для борьбы за «свободу», благополучно разрѣшается этимъ принципомъ, столь благопріятнымъ для всѣхъ «истинныхъ друзей прогресса» и все же «чисто про-

летарскимъ». Этотъ принципъ, такимъ образомъ, во всѣхъ отношеніяхъ въ высшей степени цѣненъ и удобенъ: съ одной стороны онъ дѣлаетъ возможнымъ осуществленіе всѣхъ широкихъ плановъ компромисса, даже сотрудничества соц.-дем.-іи съ «высшими классами образованнаго общества» (Аксельродъ), «какъ бы отрицательно они ни относились къ теоріямъ и окончательнымъ цѣлямъ соц.-дем.-іи» (стр. 93); съ другой стороны онъ удовлетворяетъ и... «основному началу международнаго соціализма, по которому освобожденіе рабочаго класса должно быть его собственнымъ дѣломъ». Русскій пролетаріатъ «выдвигаетъ и подчеркиваетъ общенаціональныя нужды», но тѣмъ не менѣе онъ вполнѣ самостоятеленъ, ибо за ихъ удовлетвореніе борется... «только самъ».

Если народовольцы, народоправцы и вообще сторонники традиціи прошлаго революціоннаго движенія вполнѣ основательно считаютъ Манифестъ Р. С. П. окончательной уступкой имъ со стороны соціалдемократіи, то съ другой стороны русскіе соц.-дем.-ты глубоко увѣрены въ томъ, что въ настоящій моментъ они достигаютъ важнаго пролетарскаго завоеванія: они принуждаютъ своихъ революціонныхъ противниковъ признать принципъ классовой борьбы. Р. С. П. спѣшитъ обезпечить за собою эту побѣду, и поэтому Манифестъ «закрѣпляетъ переходъ русскаго революціоннаго движенія въ новую эпоху, сознательной классовой борьбы». Побѣда достается такимъ же простымъ пріемомъ, какъ и въ Польшѣ. П. П. С., какъ мы видѣли, (стр. 45) утверждаетъ: поставивъ требованіе независимаго польскаго государства, раньше защищавшееся только патріотами, мы отняли у партіи демократовъ—патріотовъ всякій raison d'etre. Назвавъ русскую соц.-дем.-ію продолжательницей прошлаго революціоннаго движенія, можетъ точно такъ же сказать теперь о себѣ Р. С. П., мы тѣмъ самымъ «вводимъ все движеніе въ новую эпоху сознательной классовой борьбы».

Русскіе революціонеры принуждены отречься отъ принциповъ утопическаго соціализма. Но они давно уже постепенно сами это цѣлали, пока, наконецъ, продолжательница прошлаго революціоннаго движенія, Партія Народнаго Права, не отказалась отъ принциповъ всякаго соціализма: она старалась достигнуть лишь «цѣли, ясно намѣченной старой Народной Волей».

Но вѣдь русскіе революціонеры принуждены не только отречься отъ старыхъ принциповъ, но и признать новый принципъ «классовой борьбы». Они это и сдѣлаютъ, но только потому, что классовая борьба признала предварительно ихъ принципъ и объявила себя *средствомъ* по отношенію къ нему. Они принуждены признать не классовую борьбу пролетаріата съ его планами соціальнаго переворота, а классовую борьбу рабочихъ, подчиненную ихъ общенаціональной цѣли, т. е. принуждены признать ту только ступень классовой борьбы, которую установили въ Россіи соц.-дем.-ты, тѣ только требованія русскихъ рабочихъ, которыя формулировалъ ихъ «организаціонный авангардъ». Но этотъ послѣдній проявляетъ, какъ всякому хорошо извѣстно, неподражаемую осмотрительность и осторожность, какъ будто зная, что онъ ведетъ работу именно для «ясной общенаціональной цѣли». Всѣ прокламаціи и листки издаваемыя соціаль-демократами во время стачекъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что «организаціонный авангардъ» считаетъ своимъ дѣломъ выставлять и формулировать лишь т а к і я т р е б о в а н і я, к а к і я у с п ѣ л и з а р о д и т ь с я в ъ с р е д ѣ с а м о й р а б о ч е й м а с с ы, и не слыхавшей никогда о тѣхъ требованіяхъ, которыя заявляетъ пролетаріатъ въ цивилизованномъ мірѣ. «Организаціонный авангардъ» и не думаетъ вовсе доводить до свѣденія стачечниковъ эти требованія и тѣмъ

усиливать и повышать ихъ непосредственныя требованія Во время волненій рабочихъ, хотя бы они достигали такихъ размѣровъ какъ петербургскія, ни разу не упоминается въ этихъ прокламаціяхъ даже мелькомъ о тѣхъ «правахъ пролетарія», которыя пропагандируетъ революціонный соціализмъ. Мало того, въ моментъ борьбы «организаціонный авангардъ» и словечкомъ не обмолвился о томъ, что цѣлые милліоны требуютъ ежегодно на Западѣ 8-ми часового рабочаго дня. Какое же познаніе своихъ правъ пріобрѣли стачечники благодаря существованію «организаціоннаго авангарда»? Только сознаніе правъ на сокращеніе рабочаго дня и обузданіе хищнической эксплуатаціи въ размѣрахъ немногимъ болѣе тѣхъ, какіе установилъ царскій фабричный законъ. Эта классовая борьба не затронула ни на іоту, даже не показала того, что она угрожаетъ основѣ буржуазнаго строя. И вся Россія возрадовалась: конечно у рабочихъ есть соц.-д.-ій «организаціонный авангардъ», но вѣдь онъ никакихъ соціалистическихъ переворотныхъ плановъ не питаетъ. Для всѣхъ было ясно, что онъ такъ и хочетъ оставить борьбу въ тредъ-юніонистскихъ рамкахъ. Но право на *такую* классовую борьбу признаетъ за рабочими и всякій соціальный политикъ, кромѣ развѣ ужъ совершенно отъявленнаго ретрограда. Эти права признаетъ даже Слонимскій въ тѣхъ своихъ статьяхъ, въ которыхъ онъ истреблялъ соціализмъ въ надеждѣ получить вещественную или невещественную награду отъ абсолютизма за это служеніе отечеству. Манифестъ Р.С.П. требуетъ отъ сторонниковъ традиціи прошлаго революціоннаго движенія признанія такой именно ступени классоваго сознанія рабочаго - ничего сверхъ этого - на этой ступени онъ «закрѣпляетъ» движеніе. Народоправцы и народовольцы знаютъ, конечно, хорошо, что къ такой ступени классовой борьбы рабочихъ англійскимъ либераламъ удавалось прицѣпить всевозможныя «прогрессивныя политики

Но это еще не все. «Организаціонный авангардъ» рабочихъ (напр. Пет. Союзъ. Б. за О. Р. К.) показалъ, что то «сознательное классовое движеніе», которое представляетъ собою соц.-д.-ія, не только не соединяется съ усиленіемъ требованій рабочихъ массъ путемъ соціалистической пропаганды, не только позволяетъ «организаціонному авангарду» удерживать *для себя* познаніе силы и правъ міроваго пролетаріата, но и допускаетъ прививать уму рабочихъ ту буржуазную проповѣдь, которую англійскіе либералы прививали уму тред-юнионистовъ. «Петербургскій листокъ» (Январь 97 г.) считаетъ такую пропаганду вполнѣ цѣлесообразной и потому утверждаетъ, что русскіе рабочіе требуютъ свободы союзовъ, дабы достичь «права, *какъ равные съ равными*, договариваться и вступать въ переговоры съ фабрикантами». Тутъ уже «сознательное классовое движеніе» вплотную подошло къ «ясно намѣченной народовольческой цѣли», и при томъ къ тому ея изданію, которое выражало Народное Право. Подобно тому, какъ Нар. Пр. заявляетъ, что «представительное правленіе на основѣ всеобщаго избирательнаго права будетъ гарантіей экономическаго обезпеченія личности», такъ и соц.-д.-ій «Петербургскій Листокъ» учитъ русскихъ рабочихъ, что они достигнутъ равенства съ фабрикантами, получивъ право стачекъ и союзовъ («право устраивать забастовки, какъ устраиваютъ свои стачки керосинозаводчики, сахарозаводчики и пр.»)

«Сознательное классовое движеніе» требуетъ, чтобы къ русскимъ рабочимъ которые, какъ извѣстно, столь невѣжественны, не доходили никакія свѣдѣнія о революціонной политикѣ пролетаріата; оно позволяетъ объяснять нахально, безъ всякихъ стѣсненій и именно въ виду забитости русскихъ рабочихъ, всѣ революціонные планы западно - европейскаго пролетаріата съ точки зрѣнія буржуазныхъ соціальныхъ реформаторовъ. «Рабочая газета» доводитъ до свѣдѣнія русскаго пролетарія:

«Австрійская рабочая партія стала постоянно заявлять передъ правительствомъ требованіе о введеніи всеобщаго, равнаго, прямого голосованія для всѣхъ жителей Австріи, начиная съ 21-го года», ибо «австрійскіе рабочіе быстро поняли, что они только тогда могутъ помочь себѣ прочно и основательно, когда и они будутъ посылать своихъ депутатовъ въ Австрійскій рейхстагъ, такъ какъ эти депутаты будутъ тамъ добиваться введенія лучшихъ законовъ относительно заработной платы, рабочаго дня, страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и т.д.» (Авторъ, конечно, хорошо знаетъ, что все это не такъ, что австрійская рабочая партія поднялась совсѣмъ не для того, чтобы помочь себѣ «основательно» посредствомъ депутатовъ) «Въ полезности такой парламентской работы ихъ убѣждалъ примѣръ въ особенности нѣмецкихъ рабочихъ, которые провели очень много хорошихъ законовъ въ Германскомъ парламентѣ».

Жаль, что авторъ не привелъ ни одного примѣра; впрочемъ, онъ не виноватъ въ забывчивости, такъ какъ сколько бы ни думалъ, онъ не могъ бы придумать ни одного. (Во время исключительныхъ законовъ соц.-д.-ія присутствовала въ парламентѣ для протеста; а теперь буржуазія старается показать рабочимъ, что vaterlandlose Gesellen не въ состояніи провести ни одного закона.

Вотъ какова та «сознательная классовая борьба», на которой Манифестъ Р. С. П. закрѣпляетъ русское революціонне движеніе.

Если русская соц.-д.-ія, начиная съ того періода своего развитія, который она называетъ агитаціоннымъ, и шла какъ будто наперекоръ народовольчеству, и стремилась не къ «ясно намѣченной народовольческой цѣли», а, казалось, къ развитію исключительно непосредственной классовой борьбы русскаго пролетарія, то зато она не пыталась, къ величайшему ликованію сторонниковъ традиціи прошлаго революціоннаго теченія, развить эту борьбу на столько, чтобы затѣмъ народовольческому идеалу не удалось подчинить себѣ въ качествѣ средства всю ея работу.

Этотъ исходъ Аксельродъ считаетъ благополучнымъ; во всѣхъ же отступленіяхъ соц.-д.-іи за время агитаціоннаго періода отъ «ясной народовольческой цѣли», во всѣхъ ея недоразумѣніяхъ съ народовольческой аксіомой онъ видитъ, какъ и всякій народоволецъ, «узость». Но вѣдь, не будь этого періода «узости и доктринерства», его собственное дѣло — ясная народовольческая цѣль — находилась бы въ такомъ же плачевномъ положеніи, какъ и въ началѣ 90-хъ гг.

У старыхъ русскихъ марксистовъ, у «Группы Освобожденія труда» агитаціонный періодъ вызывалъ одно недоумѣніе. Современный марксизмъ зародился въ Россіи не въ моментъ разочарованія соціалистовъ-народниковъ 70-хъ годовъ въ соціалистическомъ народѣ, а уже послѣ установленія народовольческой аксіомы, по которой нельзя сдѣлать впередъ ни шагу до тѣхъ поръ, пока не будетъ низвергнутъ абсолютизмъ. Онъ появился не только для установленія въ Россіи европейскаго соціализма на мѣсто разбитой самобытной соціалистической утопіи, *но и для продолженія русскаго революціоннаго движенія*, для достиженія «ясной народовольческой цѣли», при помощи массового движенія рабочихъ вмѣсто оказавшагося несостоятельнымъ террора. Объ этомъ свидѣтельствуетъ программа «Группы Освобожденія Труда», требующая «покрыть Россію сѣтью рабочихъ кружковъ», «первою задачею» которыхъ должно быть низверженіе абсолютизма. Аксельродъ вполнѣ вѣрно замѣчаетъ, что эта программа построена не ради исключительно «самодавлѣющихъ интересовъ пролетаріата» или «отдаленныхъ

цѣлей соціализма». Но до тѣхъ поръ, пока соц.-д.-ое движеніе стояло на этой точкѣ зрѣнія, т. е, хотя и на марксистской, но въ то же время, признавая и народовольческую аксіому, оно не могло никоимъ образомъ дождаться прочнаго непрерывающагося движенія. Дѣйствительность говорила: нельзя пробудить массы къ революціонному движенію проповѣдью коммунизма, который наступитъ въ Россіи когда-нибудь въ отдаленномъ будущемъ послѣ того какъ она подымется на высшую ступень экономической и политической жизни. Массы могутъ двигаться только во имя конкретнаго дѣла. Дѣйствительность, такимъ образомъ, вынуждала приступить къ реальной классовой борьбѣ, начать немедленно, вопреки формулѣ, борьбу пролетарія съ буржуазіей. И она была начата переходомъ къ «агитаціонной» работѣ. Этотъ переходъ подрывалъ то основное положеніе, по которому первая задача рабочей организаціи въ Россіи — низвергнуть абсолютизмъ и «добиться, какъ первыхъ ступеней, такихъ формъ общественнаго устройства, которыя уже теперь существуютъ въ передовыхъ странахъ и необходимы для дальнѣйшаго развитія партіи.» (Программа 85 г.) Онъ ставилъ первой задачей рабочей организаціи развитіе конкретной классовой борьбы — стачечнаго движенія, онъ нападалъ на реакціонную пѣсенку о томъ, что «мы — не Западъ», «мы на совершенно другой ступени развитія, чѣмъ передовыя страны». Направленіе революціоннаго движенія, вызванное имъ, соотвѣтствовало больше, чѣмъ раньше, въ пропагандистскомъ періодѣ, именно «самодовлѣющимъ интересамъ пролетарія».

Но отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что этотъ періодъ, поколебавъ при своемъ началѣ основныя положенія предыдущаго, уничтожилъ ихъ. Вовсе нѣтъ. Аксельродъ побѣдоносно восклицаетъ, что движеніе въ настоящее время благополучно возвращается къ исходной точкѣ 80-хъ годовъ.

Тутъ же подъ давленіемъ могущественныхъ, хотя и не познанныхъ, удерживающихъ силъ, соціалисты—агитаторы стали объяснять себѣ дѣло въ духѣ русской самобытности. Соц-дем-ты—пропагандисты, согласно этому объясненію, не потому были обречены на неуспѣхъ, что вздорно кормили рабочихъ не дѣломъ, а отвлеченнымъ академическимъ соціализмомъ, не потому потерпѣли крушеніе, что обѣщали лишь въ будущемъ конституціонномъ строѣ соціалистическую классовую борьбу, а въ настоящее время считали ее, по недоразвитію капитализма, невозможной, а потому, что русскій рабочій невѣжественъ и не могъ ихъ понять. Нужно занимать умъ рабочаго не соціализмомъ, а какъ можно болѣе мелкими требованіями. Они стали почему-то отдѣлять «соціализмъ» отъ своей работы, какъ будто соціалистическое дѣло—не классовая борьба, а нѣчто другое. Этимъ путемъ они и призываютъ къ жизни старую формулу, которая теперь принимаетъ такой видъ: соціалистическое дѣло можно развивать только по достиженіи политической свободы; та же классовая борьба, которая ведется въ настоящее время, должна быть пока несоціалистической, и вотъ на смѣну «пропагандистскому соціализму» пошла тредъ-юніонистская классовая борьба, профессіональное движеніе, и рабочему, какъ мы видѣли, сталъ прививаться соотвѣтственный тредъ-юніонистскій кругозоръ.

Развитіе соц.-дем.-іи 90-хъ гг., въ цѣломъ, характеризуется не тѣмъ, что соц.-дем.-ая интеллигенція примѣнялась къ низкому уровню рабочихъ, а чѣмъ-то другимъ: этой интеллигенціи легко было разрисовывать классовую борьбу съ ея конечною коммунистическою цѣлью, когда эта борьба указывалась въ будущемъ, но лишь только дѣйствительность заставила эту борьбу начать немедленно, соціалдем.-ческая интеллигенція съежилась и опустилась до уровня тредъ-юніонизма,

Мы сказали, что для старыхъ марксистовъ, для Аксельрода, Плеханова, новое направленіе было непонятно. Они ожидали рабочаго движенія, но такого, у котораго первая задача борьба съ абсолютизмомъ. Между тѣмъ новое движеніе откладываетъ, повидимому, въ сторону этотъ безошибочный принципъ и пытается развить то, что имъ кажется при настоящихъ условіяхъ невѣроятнымъ,—непосредственную борьбу пролетаріата съ буржуазіей. Ихъ *соц.-дем.-ая правовѣрность* не даетъ имъ возможности понять движенія, стать душою его, посвятить ему свои силы. Цюрих. конгр. опредѣляетъ соціалистическое дѣло, какъ пользованіе пролетаріатомъ политическими правами, значитъ онъ подтверждаетъ народовольческую аксіому, по которой первое дѣло рабочихъ въ Россіи—борьба за политическія права. Русскіе заграничные марксисты—правовѣрные соц.-дем-ты; имъ поэтому нечего сказать представителямъ новаго движенія, кромѣ того, что жужжатъ имъ постоянно въ уши народовольцы: направьте поскорѣй движеніе на борьбу съ абсолютизмомъ. Соц.-дем.-ое міровоззрѣніе и не допускаетъ мысли, что начинающееся классовое движеніе—это «узкое дѣло»—можетъ сдѣлаться соціалистической борьбой съ буржуазнымъ строемъ, если, широко разростаясь, пріобрѣтаетъ достаточныя силы для отпора обуздывающимъ его могучимъ силамъ буржуазнаго общества. *) Напротивъ, какимъ то страннымъ образомъ выходитъ, что народовольцы и народоправцы лучше понимаютъ соціалдемократическое дѣло, хотя они и не заявляютъ никакихъ претензій на марксизмъ, а соціалдемократы проявляютъ узость, политическій индеферентизмъ и т. д. Съ этого момента у Аксельрода сложилось убѣжденіе, что сфера труда и капитала слишкомъ узка въ Россіи, и заниматься ею исключительно значитъ попасть въ доктринерство.

Въ то время, какъ соц.-дем-ты въ Россіи приступаютъ къ конкретной классовой борьбѣ, сознательное выраженіе и развитіе которой, раскалывая «народъ», должно соотвѣтственно раскалывать и интеллигенцію, и революціонеровъ, должно выдѣлять тѣхъ, которые кричатъ: не надо классовой борьбы (народники), не надо соціализма (Нар Право),—Плехановъ надѣется привлечь къ соц.-дем.-скому движенію всю какъ есть «революціонную интеллигенцію». (Въ предисловіи къ польскому изданію Туна, въ 93 г. онъ говоритъ: «на сторонѣ соц.-дем.-скихъ принциповъ уже около $^{3}/_{4}$ революціонеровъ России»). Притомъ это дѣло оказывается очень простымъ: надо лишь разрушить народническіе предразсудки, и революціонеры, человѣкъ въ человѣка, сразу сдѣлаются революціонерами-марксистами, защищающими интересы пролетаріата. Значитъ, первая задача—просвѣщеніе русской передовой интеллигенціи. И марксисты-революціонеры, борющіеся съ народнической утопіей, сами задумываютъ невѣроятное утопическое предпріятіе народниковъ соціалистовъ 70 гг. Если тѣ думали совершить соціалистическое преобразованіе при помощи передовой интеллигенціи, то современные русскіе соціалисты думаютъ привлечь передовую интеллигенцію, какъ таковую, къ пролетарской идеологіи, усовѣщевая ее понять идею «самодѣятельности пролетаріата» **)

---

*) Самостоятельная партія пролетаріата могла, стало быть, возникнуть лишь на почвѣ критики европейскаго соц-дем-скаго движенія, на почвѣ пролетарскаго соціализма, непризнающаго соціальдем-скаго оппортунизма. Но какимъ то роковымъ образомъ оппортунизмъ германской соц-дем-іи начинаетъ замѣчаться Плехановымъ только теперь, послѣ того, какъ въ Россіи установился и упрочился соц-дем-ій оппортунизмъ и поссибилизмъ.

**) Эта критическая работа имѣла огромный практическій смыслъ. Здѣсь «велся не ученый споръ, имѣющій лишь академиче-

Въ русской жизни «происходитъ интереснѣйшая эволюція: русское привиллегированное общество подвергается коренной ломкѣ. Объяснить эту эволюцію съ пролетарской точки зрѣнія можно было конечно не на глазахъ абсолютизма. Но революціонеры марксисты несчитаютъ нужнымъ у себя дома, въ подпольной жизни, отдать себѣ отчетъ въ новыхъ явленіяхъ. Они ждутъ, какъ рѣшитъ дѣло передовое общество. Они за этотъ періодъ не издаютъ никакого органа. Вся подпольная литература представляетъ невообразимое убожество: это не развитіе какой либо опредѣленной мысли, а одинъ шаблонъ. Вся агитаціонная литература наводитъ ужаснѣйшую скуку даже на тѣхъ «непонятливыхъ» рабочихъ, для которыхъ она спеціально написана. Въ умѣ революціонной интеллигенціи—и марксистской въ томъ числѣ—все болѣе складывается убѣжденіе, что «самодовлѣющіе интересы пролетаріи»—дѣло «узкое».

Въ русскомъ обществѣ на смѣну народническому радикализму, соотвѣтствующему стадіи торговаго капитализма, шелъ, какъ выраженіе промышленнаго капитализма, настоящій европейскій буржуазный радикализмъ. Его задачей было разъяснить, на сколько это было возможно, русскому передовому обществу слѣдующую истину: какъ тамъ ни обстоитъ дѣло съ народнымъ потребленіемъ, какія бы ужасныя голодовки ни происходили въ Россіи, рѣшающимъ фактомъ является тотъ, что капитализмъ несетъ не «мракъ», какъ утверждаютъ народники, а свѣтъ, культуру, прогрессъ. Но ростъ капитализма означаетъ увеличеніе національнаго дохода, увеличеніе числа пользующихся этимъ доходомъ, ростъ привиллегированнаго, благовоспитаннаго общества и все большее и большее увеличеніе его содержанія.

Марксисты «связанные буквою доктрины», стали усовѣщевать этотъ буржуазный радикализмъ объявить себя, не стѣсняясь, стоящимъ на классовой точкѣ зрѣнія, заявить, что, если онъ и желаетъ развитія капитализма, то только ради интересовъ пролетаріата, если онъ и восхищается миссіей капитализма, то только ради будущаго коммунистическаго строя. (Тулинъ въ «Матеріалахъ»). Буржуазный радикализмъ, удерживая всѣ свои основныя положенія, послѣдовалъ благоразумному совѣту и началъ дѣлать скромные «по условіямъ (конечно!) русской дѣйствительности», намеки въ этомъ смыслѣ. Въ настоящее время онъ вполнѣ овладѣлъ фразами «классовая борьба», «пролетарій», «чистый трудъ» и бросаетъ ими направо и налѣво, къ великой радости наивныхъ. За такую уступку онъ купилъ участіе всѣхъ марксистовъ, «связанныхъ буквою доктрины», въ своей работѣ: онъ принудилъ ихъ, въ борьбѣ съ народнич. утопіей, серьезно заняться вопросами отечественной промышленности, прогресса и цивлизаціи, вопросами о рынкахъ и вообще о «нуждахъ нашего хозяйства». Мало того, онъ заставилъ ихъ признать такія свои основныя положенія, какъ напр., голодовка не результатъ современнаго классового строя, а наказаніе за грѣхи нашей некультурности. Марксисты, выступающіе передъ обществомъ въ качествѣ «примыкающихъ по всѣмъ пунктамъ къ доктринѣ», совѣтующіе передовой интеллигенціи заняться интересами русскаго пролетаріата, не замѣчали, какъ они сами, подъ дудку буржуазнаго радикализма, сковывали своими теоріями ведущуюся въ подпольной жизни классовую борьбу, какъ, желая убѣдить общество въ великой исторической роли этого слоя («въ виду необходимости предварительнаго перехода къ высшей ступени капи-

скій интересъ. Рѣчь шла и идетъ о послѣдовательномъ проведеніи идеи политической самодѣятельности пролетаріата въ его классовой борьбѣ» (Докладъ русскихъ соц-дем-овъ Лондонскому конгрессу).

тализма»), они только сводили классовую борьбу, долженствовавшую разростись въ борьбу съ капиталистическимъ строемъ, на борьбу тредъ-юніонистскую—за «право коллективнаго договора съ хозяевами о наймѣ». «Глупо усовѣщевать», г.г. марксисты, классовой интересъ буржуазнаго общества.

Разъ такимъ образомъ «самодовлѣющіе интересы пролетаріата» оказались, «по некультурности Россіи», «узкими», надо ихъ, стало быть, дополнить широкимъ русломъ русскаго демократизма, «подхватить выпускаемую обществомъ демократическую нить», дополнить ихъ «ясной народовольческой цѣлью». Эта «ясная цѣль», предполагается, таитъ въ себѣ неимовѣрную революціонную силу. Въ такомъ предположеніи русскіе соц-дем-ты пишутъ на прокламаціяхъ: мы требуемъ созыва парламента. Русскій абсолютизмъ можетъ только разсмѣяться въ отвѣтъ на такой «демократическій громъ». Посмотрите на господ. Аксельрода. Онъ проникся больше чѣмъ всѣ соціальдем-ты русскимъ демократизмомъ, «ясной народовольческой цѣлью», и вотъ онъ сразу заговорилъ о «зародышахъ конституціонной жизни въ Россіи», о взаимодѣйствіи революціоннаго пролетаріата и легальныхъ средствъ и путей высшихъ русскихъ образованныхъ классовъ и т. д. Очевидно, «парламентъ», «свобода слова, печати, союзовъ», «всеобщее избирательное право» нужно представить себѣ при существованіи абсолютизма и безъ малѣйшаго нарушенія самодержавной власти. Стало быть, это—уступки, сдѣланныя по указу царя; но абсолютизмъ дѣлаетъ уступки только тѣмъ слоямъ, которые это заслуживаютъ передъ нимъ; онъ тѣ только слои допуститъ къ вліянію на управленіе, которые становятся съ прогрессомъ все благонадежнѣе и за то только, что они становятся таковыми. Зачѣмъ же попусту болтать фразы—«всеобще избирательное право», когда даже въ своихъ мечтахъ революціонеры думаютъ только о возможномъ «полуконституціонномъ строѣ» Докладъ (Лондонскому конгрессу), а въ дѣйствительности, при настоящемъ «революціонномъ настроеніи», какъ его результатъ предвидится только расширеніе полномочій земствъ, городскихъ думъ и уступки либеральной печати. Если бы предполагалось что-либо другое, чѣмъ уступки абсолютизма благонадежнымъ слоямъ, то неужели былъ-бы какой либо смыслъ серьезно выставлять такія широкія требованія и въ тоже время не ставить предварительно въ подпольной жизни даже вопроса о революціи? Впрочемъ, кое-кто мечтаетъ о «рѣшительной схваткѣ», причемъ, характерно для соц-дем-скаго революціонизма, мечтаютъ о *неудавшейся* революціи 48 г. Именно такая революція, а не какая либо другая является идеаломъ, революція, въ которой пролетаріатъ былъ обманутъ. «То что сдѣлали ваши предки 50 лѣтъ тому назадъ, намъ только предстоитъ совершить», гласитъ надпись на вѣнкѣ, посланномъ въ Берлинъ русскими соц-дем-ами.

«Рѣшительная схватка» въ соц-дем-ой агитаціонной литературѣ такая же пока пустая фраза, какъ у П. П. С. «борьба на жизнь и смерть» за независимое государство. Въ «рѣшительную схватку», въ борьбу на жизнь и смерть» не идутъ съ компромиссомъ въ мысляхъ, съ убѣжденіемъ, что результатомъ, «борьбы на жизнь и смерть» будетъ все-таки «полное господство» врага—буржуазіи.

Заключеніе

Въ отвѣтъ на требованіе Плеханова «похоронить» Бернштейна, Каутскій между прочимъ отвѣчаетъ:

«Врядъ ли подлежитъ какому либо сомнѣнію, что наша экономическая и политическая жизнь начала въ два послѣднія десятилѣтія развивать такія черты, которыя оставались еще скрытыми во время создаванія нашихъ основныхъ сочиненій и прежде всего «Коммунистическаго Манифеста» и «Капитала». Въ виду этихъ фактовъ, новая провѣрка, пересмотръ «нашихъ представленій» сдѣлался неизбѣжнымъ.»

Самымъ важнымъ новымъ явленіемъ современной политической жизни, явленіемъ, непредвидѣннымъ авторомъ Коммунист. Маниф. и «Капитала» является эволюція соц-д-іи, как «несомнѣнной выразительницы» интересовъ міроваго пролетаріата.

«Внутри капиталистическаго противорѣчія собственникъ есть его консервативная сторона, пролетарій—разрушительная. Отъ перваго исходитъ акція къ удержанію противорѣчія, отъ второго акція къ его упраздненію.» (Марксъ «Святое семейство»).

Современная соц-д-ія, если ее считать представительницей исключительно интересовъ пролетарія, стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ этимъ основнымъ положеніемъ марксистскаго коммунизма. Интересы пролетарія, согласно современной политикѣ соц-д-іи, повелѣваютъ какъ можно дальше отдалять моментъ «упраздненія капиталистическаго противорѣчія» (Каутскій стр. 5). Эта политика достигаетъ своего апогея въ возгласѣ Фольмара: не могло бы быть большаго несчастья, какъ если бы пролетаріатъ получилъ внезапно въ свои руки политическую власть. (стр. 34)

Вся эволюція соц-д-іи показываетъ, что въ ея рядахъ находятс силы, которыя по самой природѣ своей не могутъ желать упраздненія капиталистическаго противорѣчія. Очевидно соц-д-ое знамя формулируетъ стремленія пролетаріата неполно, очевидно, марксизмъ, который соц-д-ія такое долгое время ни за что не хотѣла развивать, допускаетъ вмѣстѣ съ исторической эволюціей непрерывное проникновеніе непролетарскихъ элементовъ въ революціонную армію пролетаріата, элементовъ, которые задерживаютъ его развитіе и окончательное нападеніе на буржуазный строй.

Мы упоминали выше, что французская революція 1848 г., а именно іюньскіе дни, проявили «капиталистическое противорѣчіе» глубже, чѣмъ оно формулировано въ Ком. Ман., не какъ антагонизмъ лишь между капиталистами и рабочими, а какъ антагонизмъ между буржуазнымъ обществомъ и пролетаріатомъ. Какъ ни ярко обрисова-

ны въ этомъ отношеніи іюньскіе дни въ «18-омъ Брюмера», но изъ этого историческаго явленія не сдѣлано необходимаго вывода, который бы видоизмѣнилъ или хоть дополнилъ коммунистическое знамя Манифеста».

Германская соц-дія, основывая пролетарскую партію, не только не выразила и не развила этотъ антагонизмъ (между буржуазнымъ обществомъ и пролетаріатомъ), но закрыла на него глаза. Въ періодъ революціонной молодости нѣмецкой соц-д-іи, когда современная оппортюнистическая политика не такъ еще громко давала о себѣ знать какъ въ настоящее время, Либкнехтъ, говоря объ испанской революціи 1869 г., такъ объясняетъ это антагонистическое отношеніе:*)

«Итакъ, старая исторія — революціи терпятъ пораженіе изъ за соціальнаго вопроса. Въ геройствѣ у испанскихъ республиканцевъ не было недостатка, но они еще не поняли, что гражданское общество (Buergerthum) должно отречься отъ мысли о классовомъ господствѣ и быть справедливымъ къ пролетаріату: они еще не поняли, что общество не можетъ безъ пролетаріата успѣшно бороться противъ милитаризма и что общая борьба обуславливаетъ общую цѣль: соціальдемократическую республику (sic!)... Совершенно такъ же, какъ во Франціи 21 г. тому назадъ. Вмѣсто того, чтобы быть справедливымъ къ рабочимъ, вмѣсто того, чтобы помогать ихъ экономической эмансипаціи, безъ которой политическая свобода — пустой звукъ, хотѣли отдѣлаться отъ пролетаріата пустыми фразами, и такъ какъ онъ ими не удовлетворился, то насильно бросили рабочихъ въ іюньскую борьбу и отдали республику въ руки подстерегавшему ее авантюристу. Страхъ общества (бюргерства) передъ пролетаріатомъ — мать современнаго цезаризма. Пролетаріатъ не можетъ отказаться отъ своихъ стремленій, ибо они для него борьба за существованіе. Стало быть обществу приходится рѣшить (мы говоримъ, конечно, не о буржуазіи, не о крупномъ капиталѣ, который необходимо долженъ намъ противостоять, какъ врагъ) что оно предпочитаетъ: иго цезаризма или полное признаніе соц-д-іи». («Судъ о государственной измѣнѣ»)

Итакъ, общество просто по недоразумѣнію травило іюньскихъ инсургентовъ. Ему достаточно понять свой интересъ, чтобы совмѣстно съ соц-д-іей стремиться къ «общей» съ нею «цѣли» — соц-д-ой республикѣ. Германская соц-д-ія не только руководитъ рабочимъ движеніемъ, но и даетъ совѣты «бюргерству» и надѣется на его благоразуміе. Буржуазное общество, конечно, старалось понять въ чемъ дѣло. Вотъ напр. польское патріотическое общество уже не настолько наивно, чтобы требовать отъ пролетаріата защиты «правъ польской націи» даромъ. Оно знаетъ, что нельзя «отдѣлаться отъ пролетаріата пустыми фразами» и потому надо стремиться къ независимой Польшѣ «исключительно для польскаго пролетаріата». Равнымъ образомъ, русское радикальное общество не требуетъ, чтобы рабочій «вытягивалъ для него каштаны изъ огня» — вовсе нѣтъ — оно справедливо къ рабочему классу и обѣщаетъ ему равенство съ фабрикантами въ формѣ

*) Писано въ 1869 г., значитъ, въ томъ же году, въ которомъ онъ держалъ свою революціонную рѣчь передъ берлинскими рабочими (см. выше стр 9).

свободы коллективнаго договора о наймѣ. Такими же путями, какими въ настоящее время «справедливое къ пролетаріату» общество въ Польшѣ и Россіи овладѣло рабочимъ движеніемъ, такими же путями, вѣроятно, оно проникло въ западноевропейскую соц-д-ію. Оно и проповѣдуетъ нынѣ устами Фольмаровъ нѣмецкому пролетаріату истину, по которой величайшая бѣда постигла бы рабочій классъ, еслибы онъ неожиданно получилъ власть въ свои руки. Общество рѣшило, по совѣту Либкнехна, быть справедливымъ къ претензіямъ рабочаго класса, оно стало думать о «своей совмѣстной съ пролетаріатомъ цѣли — соц-д-ой республикѣ»; оно принялось за безпристрастное развитіе ученія пролетаріата и обогатило его глубокимъ научнымъ познаніемъ, что конечное освобожденіе пролетаріата пока немыслимо по причинѣ недостаточнаго развитія производительныхъ силъ и недостаточной политической зрѣлости рабочихъ, и потому «рабочіе баталіоны» къ такимъ взрывамъ, какъ итальянское возстаніе, должны относиться лишь, какъ къ несчастному недоразумѣнію.

Но какими же именно путями буржуазное общество достигаетъ своей цѣли въ данномъ случаѣ?

Соц-д-ія сама не разъ заявляла, что при массовомъ ростѣ движенія въ партію неизбѣжно должны проникать мелкобуржуазные элементы, не успѣвшіе еще дойти до чисто пролетарскаго міровоззрѣнія.

Однако съ этой стороны грозитъ не особенно большая опасность. Экономическая эволюція безпрерывно и неотвратимо несетъ гибель этому классу собственниковъ, и они по необходимости принуждены все болѣе становиться на точку зрѣнія наемниковъ капитала. Если во Франціи, Голландіи соц-д-ій оппортюнизмъ зашелъ такъ далеко, что дѣлаетъ уступки мелкой буржуазіи и берется ее защищать, то однако это, такъ сказать, явленіе уже вторичнаго порядка. Оно не существенно для соц-д-аго оппортюнизма въ томъ смыслѣ, что послѣдній существуетъ и независимо отъ того, дѣлаетъ или не дѣлаетъ онъ уступки мелкой буржуазіи. Это ясно можно видѣть на П. П. С.. Эта партія представляетъ классическій примѣръ той операціи, которую допускаетъ соц-д-ая политика и которую производитъ буржуазное радикальное общество съ пролетарскими массами, распоряжаясь ими какъ средствомъ для своихъ цѣлей. И однако П. П. С. не дѣлаетъ, повидимому, мелкой буржуазіи никакой уступки. Французскую аграрную программу она считаетъ «чудовищной». Въ упомянутой на стр. 48 брошюрѣ для сельскаго населнния, П. П. С., рѣшаясьпризывать даже къ защитѣ католической вѣры, не внушаетъ, однако, сельскому населенію никакихъ мелко-буржуазныхъ мечтаній, стало быть тѣ общественныя силы, при помощи котрыхъ «бюргерство» властвуетъ надъ мыслью пролетаріата, не принадлежатъ къ категоріи, обнимаемой обыкновенно общимъ названіемъ «мелкой буржуазіи» съ ея реакціонными планами увѣковѣченія мелкаго хозяйства. Эти силы, какъ будетъ видно изъ нижеслѣдующаго, — «прогрессивны».

Обсуждая возможность осуществленія основного требованія П. П. С., Каупкій говоритъ:

«Почти еще съ бо́льшимъ легкомысліемъ, нежели о мелкой буржуазіи, противники П. П. С. — польскіе соц.-д.-ы (антинаціонали-

сты) — говорятъ объ интеллигенціи. Но и эта послѣдняя представляетъ силу, которой нельзя низко оцѣнивать. Общество нуждается не только въ инженерахъ, государственныхъ и частныхъ чиновникахъ, учителяхъ и врачахъ, но также въ журналистахъ и адвокатахъ, чтобы удержать въ движеніи свой механизмъ. Вмѣстѣ съ ростомъ капиталистическаго производства растетъ сфера дѣйствія этихъ профессій и ихъ значеніе для хозяйственной жизни. При этомъ на ихъ долю выпадаетъ выдающаяся роль въ политикѣ. Они обладаютъ монополіей знанія въ современномъ обществѣ, ихъ интересы слишкомъ разнообразны для того, чтобы они были въ состояніи создать сплоченный классъ. Вообще они стоятъ ближе всего къ буржуазіи, но не принимаютъ участія, какъ классъ, въ ея классовой борьбѣ. Члены интеллигенціи могутъ поэтому легче, нежели члены буржуазіи подняться выше тѣснаго классоваго кругозора и сдѣлаться представителями общихъ интересовъ націи, или же большихъ слоевъ народа, которые возбуждаютъ въ немъ особенную симпатію». (Каутскій опять безцеремонно отложилъ въ сторону весь свой экономическій матеріализмъ). «Мѣщанская интеллигенція часто доставляетъ духовныхъ вожаковъ народу въ его классовой борьбѣ, въ особенности въ ея началѣ, пока она носитъ инстинктивный безсознательный характеръ, придавая ей большую выразительность стремленій, большую рѣшительность и силу... Она имѣетъ еще большее значеніе, когда выступаетъ въ защиту извѣстной идеи, ибо создаетъ духовный узелъ общества... Вѣдь нельзя закрывать глазъ на то, чтовъ Польшѣ именно и страдаетъ отъ русскаго правительства болѣе всего интелигенція, что она насильно вталкивается въ объятія національнаго дѣла».

Несмотря на всю туманность языка «экономическаго матеріалиста», напоминающую скорѣе русскій субъективизмъ, и на двусмысленное его отношеніе къ данному вопросу, мы подчеркнемъ одну его, здѣсь лишь мелькомъ выраженную вѣрную мысль о «ростѣ» интеллигенціи, какъ привиллегированнаго буржуазнаго класса, ростѣ, вызываемомъ потребностями самого прогрессирующаго капиталистическаго строя. На это явленіе, котораго программа соц-д-іи не считаетъ нужнымъ принимать во вниманіе, тотъ же Каупкій указываетъ еще яснѣе въ своихъ стаьяхъ объ интеллигенціи въ «Neue Zeit» 94-95 г. №№ 27, 28, 29.

«Въ капиталистическомъ обществѣ, умственный трудъ становится спеціальной задачей особаго класса, который «обыкновенно, да и по самому существу дѣла это не обязательно—*не заинтересованъ непосредственно въ капиталистической эксплуатаціи*, который *получаетъ свое содержаніе изъ реализаціи собственныхъ знаній и способностей*»... Этотъ классъ растетъ быстро при капиталистическомъ производствѣ, которое не только передаетъ ему все болѣе ту умственную работу, которая до сихъ поръ исполнялась самими эксплуататорами, но притомъ еще изо дня въ день открываетъ для него все больше областей труда»...

«Интеллигенція рекрутируется прежде всего изъ своего собственнаго потомства... Но кромѣ того паденіе мелкаго хозяйства въ городѣ и въ деревнѣ принуждаетъ въ настоящее время мелкихъ мѣщанъ и даже иныхъ крестьянъ... поднимать свое потомство въ ряды интеллигенціи за какую бы то ни было цѣну, иначе ему грозитъ ниспаденіе въ ряды пролетаріата... Такимъ путемъ образуется

новое среднее сословіе по числу очень сильное и безпрестанно растущее»...

«Какъ ни заманчиво ближе разобрать, этотъ вопросъ,—(такъ заключаетъ Каутскій въ этомъ мѣстѣ свое обсужденіе),—мы принуждены отказаться отъ этого, такъ какъ этимъ прервался бы ходъ нашего изслѣдованія (обсуждавшагося тогда въ «Neue Zeit» вопроса, на сколько можно привлечь интеллигенцію къ социалдемократическому движенію)».

Каутскій очень благоразумно увертывается отъ «заманчиваго» изслѣдованія, потому что онъ спохватился, что основательное изслѣдованіе констатируемаго имъ явленія и послѣдовательное проведеніе слѣдующихъ изъ него выводовъ входитъ въ коллизію съ соц-д-ими «принципами». Такъ, это явленіе несомнѣнно вычеркиваетъ слѣдующее положеніе Эрфуртской программы (1891 г.): «Всѣ выгоды этого преобразованія (капиталистическаго развитія) монополизируются капиталистами и крупными земельными собственниками». Это положеніе невѣрно, ибо отъ роста капиталистическаго производства непосредственно получаетъ выгоду, между прочимъ, и «новое среднее сословіе»—интеллигенція,—«по числу очень сильное и безпрестанно растущее». Ростъ новой буржуазной привиллегіи, ростъ новаго буржуазнаго класса, привиллегированныхъ «наемниковъ», ростъ капиталистической интеллигенціи зависитъ отъ благополучнаго существованія и преуспѣванія капиталистическаго производства.

Согласно духу соц-дем-ихъ программъ, слѣдуетъ, что врагъ пролетаріата есть *постоянно уменьшающаяся горсть* («относительно малое число»—Эрфуртская программа) капиталистовъ и крупныхъ земельныхъ собственниковъ (отсюда слѣдуетъ «терпѣливое выжиданіе» и др. соц-дем-ія добродѣтели). Напротивъ, новое явленіе, на которое Каутскій принужденъ былъ обратить вниманіе, ясно показываетъ, что врагъ пролетаріата, есть *постоянно растущее буржуазное общество*. Каутскій будетъ призывать на помощь всѣ образцы соц-дем-скаго оппортунизма, но ни за что не сдѣлаетъ подобнаго вывода, потому что врагъ Каутскаго только «относительно малое число капиталистовъ и земельныхъ собственниковъ», все же остальное буржуазное общество, «бюргерство», какъ для Либкнехта 69 г., въ нѣкоторомъ смыслѣ безполое и внѣклассовое существо, зритель, «незаинтересованный непосредственно въ капиталистической эксплуатаціи», «способный вознестись выше тѣснаго классоваго кругозора», въ которомъ «возбуждаютъ симпатію интересы большихъ массъ народа»... однимъ словомъ, такой элементъ, съ которымъ, какъ бы ни складывалась капиталистическая эволюція, пролетаріатъ приговоренъ болѣе или менѣе «сотрудничать» въ дѣлѣ борьбы съ «относительно малымъ числомъ капиталистовъ и крупныхъ земельныхъ собственниковъ».

Не смотря на свою образцовую соц-дем-скую воздержанность отъ «заманчиваго» изслѣдованія, Каутскій однако принужденъ раскрыть, кое-какія тайны, въ природѣ интеллигенціи, этого благороднаго слоя, способнаго «возноситься выше тѣснаго классового кругозора». Онъ принужденъ это сдѣлать, ибо инымъ въ рядахъ германской соц-д-іи все еще мерещатся ужъ слишкомъ утопическія затѣи образованія «рабочихъ батальоновъ» изъ врачей, учителей и т. д. (Neue Zeit 94—95, N 21, статья Макса объ интеллигенціи). Въ упомянутыхъ статьяхъ Каутскаго читаемъ:

«Умственные рабочіе» какъ привиллегированный слой населенія, *стоятъ въ антагонизмѣ съ пролетаріатомъ*, который, какъ самый низшій классъ, желаетъ покончить со всѣми привиллегіями»... «Для дворянства въ эпоху феодализма военная служба и церковь составляли средство обезпеченія (тѣхъ именно его членовъ, которые не могли сдѣлаться непосредственными владѣльцами). Капиталистическое производство присоединило сюда и интеллигенцію... Интеллигенція есть аристократія духа и ея интересъ въ современномъ обществѣ повелѣваетъ ей всѣми средствами удерживать свою аристократическую обособленность. Отсюда ея антисемитизмъ, ея антифеминизмъ и т. д. Если соц-дем-ія провозглашаетъ право на образованіе для всѣхъ и если она старается разрушить препятствія, которыя *въ настоящее время* мѣшаютъ женщинѣ и пролетарію *подняться въ ряды* интеллигенціи и именно въ ряды *зарабатывающей интеллигенціи*, то это равнозначно стремленію неизмѣримо усилить явленіе, которое на интеллигенціи отзывается тяжелѣе всего въ современномъ обществѣ,—перепроизводство образованныхъ. Въ этомъ рѣшающемъ пунктѣ интересы пролетаріата и интеллигенціи *діаметрально противоположны*.

Итакъ, Каутскій знаетъ, повидимому, кое-что о паразитизмѣ существованія интеллигенціи, какъ класса буржуазнаго общества, который всѣми средствами старается удержать свою монополію, интересы котораго, «діаметрально отличны» отъ интересовъ пролетаріата. Но вотъ въ русской Польшѣ эта привиллегія интеллигенціи сама «болѣе всего страдаетъ отъ русскаго правительства». Имѣя передъ собою этотъ фактъ, Каутскій даже и не думаетъ сдѣлать вывода, который по соціалистической теоріи классовой борьбы единственно слѣдуетъ изъ него, а именно, что «страданія польской интеллигенціи» порождаютъ опредѣленный очень сильный классовой интересъ польскаго буржуазнаго общества, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы воспользоваться рабочимъ движеніемъ, какъ орудіемъ для уменьшенія этихъ «страданій» привиллегіи, для развитія паразитной жизни класса интеллигенціи во всей полнотѣ. Наоборотъ, онъ даже самъ помогаетъ этому классовому интересу достигнуть своей цѣли. «Страдающій» въ Польшѣ классъ интеллигенціи прежде всего вызываетъ въ немъ грустныя думы, подъ вліяніемъ которыхъ онъ начинаетъ сантиментальничать на подобіе «критической мысли» и поучаетъ польскихъ рабочихъ, протестующихъ противъ «соціаль-патріотической» интеллигенціи тому, что интеллигенція «не принимаетъ участія какъ классъ, въ классовой борьбѣ буржуазіи», что интеллигенція «духовный узелъ общества», что она придаетъ «классовой борьбѣ народа» (?)... въ особенности въ ея началѣ (значитъ именно въ настоящее время въ Польшѣ)... «большую выразительность стремленій, большую рѣшительность и силу». Итакъ, тотъ самый Каутскій, который указалъ на «діаметральное различіе» въ интересахъ рабочихъ и «интеллигенціи», который въ интеллигентномъ трудѣ видѣлъ «средство обезпеченія для потомства буржуазіи» и въ интеллигенціи, казалось, видѣлъ врага

пролетаріата, тотъ же самый Каутскій теперь преспокойно передаетъ польскаго пролетарія въ руки этого его врага. И прибавляетъ при этомъ характерную для соц-дем-аго оппортунизма фразу: «Столько довѣрія мы должны имѣть къ нашей партіи, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что она съумѣетъ противиться... опасности погрузиться въ мелкобуржуазный націонализмъ». Если же мы вспомнимъ, что «наша партія» въ то время въ Польшѣ только устанавливалась и представлялась въ видѣ двухъ теченій на почвѣ одной и той же «нашей партіи» (соц-дем-іи), то Каутскій, становясь рѣшительно на сторону П. П. С. и видя въ протестѣ противъ нея польскихъ соц-дем-ихъ рабочихъ лишь игру въ руку абсолютизму, требуетъ отъ польскаго пролетарія «столько довѣрія» не къ «нашей партіи», а къ благородной страдающей польской интеллигенціи, къ буржуазному польскому обществу, къ врагу пролетарія.

Это образцовое съ точки зрѣнія соц-дем-аго оппортунизма отношеніе Каутскаго къ польскому патріотизму является необходимымъ послѣдствіемъ его умѣнья вовремя удержаться отъ «заманчивыхъ» изслѣдованій, дабы не нарушить какой-либо соц-дем-ой формулы. Новое явленіе капиталистической эволюціи заставляетъ его указать, что классъ «интеллигенціи» есть неотвратимо растущій привиллегированный классъ, что онъ носитъ аристократическій характеръ, что онъ ближе всего къ буржуазіи, но соц-дем-іе принципы не позволяютъ ему ни въ коемъ случаѣ назвать этотъ классъ прямо буржуазіей т. е. врагомъ пролетаріата, ибо вѣдь извѣстно, что буржуазія—врагъ пролетаріата—только «относительно малое число капиталистовъ и крупныхъ земельныхъ собственниковъ». Интеллигенція составляетъ, правда, «привиллегированный слой буржуазнаго общества», «средство обезпеченія для потомства буржуазіи», но она все таки состоитъ изъ «рабочихъ», хотя и привиллегированныхъ, ибо «не рабочіе» въ капиталистическомъ обществѣ «только капиталисты и крупные земельные собственники» (5-й пунктъ Эрфуртской программы).

Такимъ образомъ, безошибочные соц-дем-іе принципы рѣшили разъ на всегда, что «новое сильное и растущее среднее сословіе»—«интеллигенція»... есть неклассовой элементъ классового строя и обречено, согласно этимъ принципамъ, оставаться таковымъ, какъ бы оно ни разросталась и ни усиливалось. Какъ бы ни умножались его привиллегіи, какъ бы ни росла его паразитная жизнь, какъ бы сильно ни проявлялось «діаметральная противоположность» его интересовъ и интересовъ пролетарія, оно обречено «не принимать участія, какъ классъ, въ классовой борьбѣ буржуазіи» съ пролетаріатомъ и значитъ, по соц-дем-ому ученію, до безконечности одарено способностью въ большей или меньшей степени «возноситься выше тѣснаго классового кругозора». Соц-дем-іе принципы считаютъ какъ мы видѣли (стр. 73), «реализацію особенныхъ знаній и способностей» интеллигенціи, какъ класса, не связанной по своему существу съ «капиталистической эксплуатаціей» и даже противополагаютъ первую второй. Безошибочные соц-дем-іе принципы даже и не подозрѣваютъ, что *возможность изъ поколѣнія въ поколѣніе реализаціи интеллигенціею, какъ классомъ, ея «особенныхъ знаній и способностей» предполагаетъ «особенное» наслѣдственное владѣніе у этого класса*, а стало-быть, *эта реализація непосредственно связана съ эксплуатаціей и непосредственно заинтересована въ ея существованіи.* *)

Каутскій не забылъ, что «пролетаріатъ, какъ самый низшій классъ, желаетъ покончить со всѣми привиллегіями». Но затѣмъ (см. стр. 76), желая точнѣе указать различіе интересовъ пролетаріата и интеллигенціи и открыть «рѣшающій въ этомъ отношеніи пунктъ», онъ говоритъ не объ интересахъ интеллигенціи, какъ класса, а о стремленіяхъ реакціонной интеллигенціи (антисемитовъ, антифеминистовъ) и сопоставляетъ съ ними не «желанія пролетаріата покончить съ привиллегіями», а требованіе соц-дем-іей *свободнаго доступа для пролетарія и женщины* «въ настоящее время» *къ привиллегіи «въ ряды зарабатывающей интеллигенціи»*, требованіе, подъ которымъ подписываются и буржуазные радикалы. Если бы соц-дем-ія желала, какъ и пролетаріатъ, покончить со всѣми привиллегіями, а не довольствовалась провозглашеніемъ туманнаго «равнаго права на образованіе для всѣхъ» и «стараніемъ разрушить препятствія, которыя въ настоящее время мѣшаютъ женщинѣ и пролетарію подниматься въ ряды... зарабатывающей интеллигенціи», она знала бы, что врагъ пролетарія не только антисемиты и антифеминисты, «ставящіе искуственныя преграды» проникновенію новыхъ членовъ въ интеллигенцію, но и радикалы, стоящіе за «свободный доступъ для пролетарія *въ настоящее время* въ ряды зарабатывающей интеллигенціи», что врагъ пролетарія—интересы интеллигенціи, какъ класса, заключающіеся въ существованіи эксплуатаціи пролетаріата, безъ которой интеллигенція, какъ классъ не мыслима. Всѣ широкіе планы прогрессивной соціальной политики, государственнаго соціализма и т. п., рождающіеся въ сферѣ «класса, способнаго возноситься выше тѣснаго классового кругозора», имѣютъ цѣлью, конечно, не уничтоженіе эксплуатаціи пролетарія, а ея смягченіе для того, чтобы ее еще болѣе укрѣпить.

Соц-дем-іе принципы въ своей «чистой» формѣ отрицаютъ возможность какого бы то ни было роста среднихъ слоевъ общества и гласятъ: «всѣ выгоды развитія капитализма монополизируются относительно малымъ числомъ капиталистовъ и крупныхъ земельныхъ собственниковъ». Между тѣмъ капиталистическая эволюція проявляетъ несомнѣнный ростъ буржуазнаго общества. Если маленькія предпріятія и неотвратимо гибнутъ, то средніе классы буржуазнаго общества, въ видѣ все умножающагося числа привиллегированныхъ наемниковъ капитала, растутъ не смотря на это, и такимъ образомъ «всѣ выгоды гигантскаго роста производительныхъ силъ монополизируются» *не «горстью» только плутократовъ, а все растущимъ буржуазнымъ обществомъ.*

Врагъ пролетарія за послѣдніе полвѣка глубоко эволюціонировалъ. Стоять въ виду этой эволюціи за чистоту вышеуказанныхъ с.-дем-ихъ принциповъ,—значило бы только уклоняться отъ настоятель-

---

*) Каутскій говоритъ, правда, о «монополіи знанія», но онъ же учитъ, что «знанія суть... рабочая сила». (Neue Zeit, 91—92 г. Max «Ueberfuellung der hoeheren Berufe»

ной необходимости новой формулировки цѣли пролетаріата—уничтоженія классового господства; значило бы представлять себѣ неизмѣннымъ эволюціонизировавшее съ половины текущаго вѣка буржуазное общество; значило бы предоставлять этому обществу—«бюргерству»—право на ростъ его благосостоянія, ростъ, отрицаемый соц-дем-ими принципами. Это значило бы само это благосостояніе выставлять, какъ ростъ благосостоянія народнаго, а значитъ и пролетаріата, въ то время какъ послѣдній получилъ лишь такія уступки, какія общество вынуждено было дать для обузданія плутократовъ въ свою же пользу.

Эволюція соц-дем-іи, отъ ея переворотныхъ плановъ до ея современныхъ стремленій легализировать пролетарское движеніе, отражаетъ не видоизмѣнившееся лишь положеніе пролетаріата. Противорѣчія капиталистическаго строя, не слабѣе, конечно, въ настоящій моментъ, чѣмъ полвѣка тому назадъ. Если, благодаря революціонной борьбѣ пролетаріата западноевропейскихъ странъ, нѣкоторымъ слоямъ его удалось немного улучшить свое положеніе, то тѣмъ болѣе бѣдственно и безвыходно положеніе огромной, все растущей безработной арміи, а положеніе всего пролетаріата въ такихъ странахъ, какъ Италія и Венгрія, не говоря уже о русскихъ голодающихъ массахъ, конечно, не лучше положенія англійскихъ и германскихъ пауперовъ 40-хъ г. г. Соц-дем-ая эволюція отражаетъ, значитъ, и нѣчто другое—*эволюцію происходящую и въ самомъ буржуазномъ обществѣ*.

Когда-то быстро надвигавшійся капитализмъ, стремительная концентрація богатствъ и развитіе машинной индустріи не только превращали въ пауперовъ крестьянъ и ремесленниковъ, но и угрожали самому привиллегированному обществу. «Среднее сословіе должно все болѣе исчезать, пока міръ не раздѣлится на милліонеровъ и пауперовъ, на крупныхъ земельныхъ собственниковъ и бѣдныхъ поденщиковъ», писалъ Энгельсъ въ 40 гг. (Deutsch-Franz. Iahrb.). Это угроза и привиллегированному обществу, ученымъ и др. интеллигентамъ, съ которыми кулакъ-милліонеръ готовъ обращаться, какъ съ простыми поденщиками. Капиталисты суть «уполномоченные буржуазнаго общества, но они присваиваютъ себѣ *всѣ плоды* этого полномочія» (Марксъ, Капиталъ, т. III, стр. 208). Отъ капиталистовъ страдаетъ, значитъ, и *буржуазное общество*. И рядомъ со стихійнымъ рабочимъ движеніемъ, изъ среды привиллегированнаго общества производится съ разныхъ сторонъ—то подъ вліяніемъ страха, то подъ вліяніемъ зависти къ милліонерамъ, «присваивающимъ себѣ плоды»,—нападеніе на капиталъ. Такой безусловный защитникъ привиллегированнаго общества,—«аристократіи духа», какъ Родбертусъ, «проникаетъ въ сущность капиталистическаго производства» (Марксъ) и чертитъ *для буржуазнаго общества* свой коммунистическій строй.

Этотъ періодъ отражается въ болѣе или менѣе *революціонномъ* настроеніи соц-дем-іи. Подъ ея давленіемъ растущая сумма національной прибавочной стоимости, взымаемая «уполномоченными», доставляетъ все большее содержаніе привиллегированному обществу, растетъ число лицъ, пользующихся «національнымъ доходомъ», растетъ буржуазное общество, «новое среднее сословіе, по числу очень сильное», сословіе привиллегированныхъ наемниковъ капитала, допускаемыхъ

все болѣе къ управленію страной, къ господству. Наука получаетъ почетное мѣсто и надлежащее содержаніе, и буржуазія господствуетъ надъ умами пролетаріевъ при помощи науки. Этотъ исходъ выражается въ рѣшительномъ стремленіи соц-дем-іи 90-хъ г. г. стать «единственной партіей порядка».

Когда столь благопріятное для «бюргерства» развитіе капитализма проявилось въ достаточной мѣрѣ и подъ крылышкомъ германскаго абсолютизма, Бернштейнъ требуетъ отъ пролетаріата, въ виду непредвидѣнной возможности роста новыхъ среднихъ классовъ, стало быть, роста буржуазнаго общества и его счастья,—отречься окончательно отъ своихъ переворотныхъ плановъ и высказаться безпрекословно за продолженіе жизни капитализма.

Плехановъ требуетъ отъ соц-дем-іи «похоронить» Бернштейна. Но онъ забываетъ, что предпосылкой для Бернштейна была сама соц.-дем-тія послѣднихъ лѣтъ. Именно потому, что она не желала двигаться впередъ и упорно повторяла формулу о невозможности роста буржуазнаго общества, такъ какъ всѣ выгоды капиталистической эволюціи достаются горсти капиталистовъ, въ которой она видѣла по с.-дем-ому принципу своего единственнаго врага, именно потому удается Бернштейну поразить соц-дем-ію пріятной неожиданностью о возможности роста новаго средняго класса и ростъ этого буржуазнаго класса выставлять, какъ ростъ счастья народа и улучшенія судьбы пролетаріата.

Отвѣтъ Бернштейну со стороны пролетарскаго соціализма—не въ отрицаніи (ради чистоты соц-дем-ихъ принциповъ) несомнѣннаго факта роста новыхъ среднихъ классовъ, а *въ раскрытіи въ «новомъ сословіи, сильномъ по числу и постоянно растущемъ»—новаго врага пролетаріата и въ призывѣ на борьбу съ нимъ, «чтобы покончить со всякой привиллегіей»*; въ призывѣ, заглушать который и выставлять, какъ анархическую затѣю было специальной задачей соц-дем-іи послѣднихъ лѣтъ.

«Новый сильный по числу и постоянно растущій средній классъ» есть классъ наемниковъ капитала. Стало быть, съ точки зрѣнія соц.-дем-ихъ принциповъ, классъ все-таки рабочихъ, хотя и привиллегированныхъ, ибо нерабочіе, по эрфуртской программѣ, лишь капиталисты и крупные земельные собственники. Такимъ-то образомъ этотъ классъ, благодаря своей монополіи знанія, пріобрѣтаетъ лишь способность, какъ мы видѣли, быть непричастнымъ къ капиталистической эксплуатаціи. Въ этомъ отношеніи въ прошломъ соц-дем-іи бывали не менѣе утопическія планы, чѣмъ въ настоящее время. 4-й конгресъ Интернаціонала въ Базелѣ (69 г.) издалъ составленное Майнцкими марксистами возваніе «неимущихъ ручныхъ рабочихъ къ ихъ товарищамъ по страданіямъ—«Leidensgefaehrten»—неимущимъ умственнымъ рабочимъ». («Судъ о государственной измѣнѣ» стр. 886), съ выпиской изъ «Ком. Маниф.» въ заголовкѣ: «Буржуазія превратила врача, юриста, попа, поэта, мужа науки въ оплачиваемаго ею наемника». Въ этомъ возваніи читаемъ:

«Нужно сломить силу крупныхъ собственниковъ; .. (для этой цѣли) уже вездѣ промышленные рабочіе образуютъ передовой отрядъ,

сельские слѣдуютъ за ними. Но гдѣ же остаются пролетаріи умственнаго труда? Гдѣ остаются неимущіе художники и ученые, чиновники и офицера, священники и учителя, писатели и студенты, торговые служащіе и писаря? Развѣ не изъ-за недостатка въ имуществѣ служатъ господамъ, власть имущимъ и богачамъ художники и ученые, чиновники и офицера... Выступите вмѣстѣ, образуйте профессіональные союзы, какъ и мы, изслѣдуйте науку объ обществѣ, необходимую для рѣшенія соціальнаго вопроса... Какимъ же образомъ выиграетъ при этомъ (пролетарскомъ движеніи) умственный рабочій? Мы отвѣчаемъ: черезъ прибавленіе содержанія, черезъ умноженіе заслугъ, черезъ вознагражденіе заслугъ, черезъ почетное жалованіе и т. д. Все согласно изреченію поэта «заслугѣ ея корона», а также и по извѣстному положенію политической экономіи которое гласитъ: «Повышеніе платы для простой работы повышаетъ благодаря органическому воздѣйствію въ томъ же самомъ отношеніи цѣну для каждой другой услуги»... Наше дѣло есть поэтому и ваше дѣло.»

Неужели съ точки зрѣнія марксизма не долженъ считаться утопичнымъ шагомъ призывъ къ уничтоженію капиталистической эксплуатаціи, направленный къ ученымъ, художникамъ, чиновникамъ и т. д. во имя ихъ классовыхъ интересовъ, т. е. призывъ, обращенный къ классу, который получаеть свое содержаніе изъ національнаго дохода, «національной прибавочной стоимости», а, значитъ, изъ эксплуатаціи пролетаріата? Теорія Маркса такой шагъ допускаетъ.

Классическая политическая экономія считала производительнымъ лишь трудъ создающій матеріальныя цѣнности, всякій же другой трудъ непроизводительнымъ. Марксъ принялъ въ основу своего анализа это положеніе. Но политическая экономія до Маркса указывала консеквентно тотъ фондъ, изъ котораго получаютъ свое содержаніе непроизводительные рабочіе, а именно «чистый національный доходъ», «чистая прибыль націи». Марксъ въ своемъ анализѣ отбросилъ эту категорію; равнымъ же образомъ онъ не упоминаетъ нигдѣ объ установленомъ до него понятіи «вторичнаго распредѣленія богатствъ» именно между «непроизводительными рабочими», въ отличіе отъ «первичнаго распредѣленія» ихъ между капиталистами и рабочими въ видѣ прибыли и заработной платы. Очевидно, «непроизводительные рабочіе», хотя «непроизводительны», но получаютъ свое содержаніе въ видѣ «реализаціи» своей «квалифицированной рабочей силы». «Неоплаченный» продуктъ, насколько онъ потребляется лично, потребляется только капиталистами и больше никѣмъ. «Чистый національный доходъ», какъ фондъ для содержанія привиллегированныхъ наемниковъ, интеллигенціи, «аристократіи духа», не существуетъ. Поэтому Марксовъ анализъ буржуазнаго общества раскрываетъ только антагонизмъ между капиталистами и рабочими и упускаетъ совершенно изъ виду антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазнымъ обществомъ.

Вся національная прибавочная стоимость состоитъ поэтому только изъ продуктовъ потребленія класса капиталистовъ и изъ «сберегаемаго ими» фонда «добавочныхъ средствъ производства.»

Поэтому-то русскій марксистскій радикализмъ, въ сколькихъ не выходилъ изданіяхъ, нигдѣ не могъ разглядѣть въ своемъ собственномъ содержаніи національной прибавочной стоимости, неоплаченнаго

продукта чужого труда. Въ періодъ своего народническаго романтизма, онъ предвѣщаетъ по Марксу, который тогда почти не отличается отъ Сисмонди, гибель всему національному хозяйству отъ развитія капитализма, требуетъ увеличенія народнаго потребленія, но впослѣдствіи оказывается, что онъ имѣлъ въ виду лишь увеличеніе своего собственнаго жалованья. Когда же развившійся капитализмъ принесъ ему не мракъ, какъ ожидали народники, а западно-европейскій комфортъ, онъ опять по Марксу (теперь по разъясненіямъ Туганъ-Барановскаго Марксъ почти не отличается отъ Рикардо) увѣряетъ умирающія съ голоду массы, что каждая копѣйка отъ накопленія сверхъ потребленія капиталистовъ идетъ на средства производства, Туганъ-Барановскій думаетъ, что для накопленія обуздываютъ себя и сберегаютъ изъ своего потребленія даже капиталисты. И капиталисты, и рабочіе меньше потребляютъ, національное потребленіе абсолютно падаетъ, и все для того, чтобы умножились средства производства. И у Туганъ — Барановскаго получается удивительная по своему величію картина: русская нація, человѣкъ въ человѣка подвергаетъ себя самоистязанію, дабы исполнить миссію капитализма. Буржуазный радикализмъ и теперь не отдаетъ себѣ отчета, что въ такія идеальныя ризы онъ облекаетъ свои пріятныя ощущенія отъ растущаго «національнаго дохода», отъ увеличивающагося содержанія буржуазнаго общества, пріятныя ощущенія, которыя не въ силахъ омрачить даже повальныя голодовки, хотя бы онѣ уносили ежегодно и въ десять разъ больше людей.

Итакъ, изъ анализа Маркса, повидимому, слѣдуетъ, что, «умственные рабочіе» получаютъ свое содержаніе не изъ неоплаченнаго продукта труда пролетарія, а въ формѣ вознагражденія за свою квалифицированную рабочую силу. *) Такимъ образомъ вся паразитная жизнь буржуазнаго *общества* скрывается за слѣдующимъ экономическимъ отношеніемъ:

«Трудъ, являющійся по отношенію къ среднему общественному труду, какъ трудъ болѣе сложный, трудъ болѣе высокаго качества, — *есть ничто иное*, какъ проявленіе рабочей силы, которая требовала большихъ издержекъ на воспитаніе и обученіе, производство которой стоитъ большаго количества рабочаго времени и которая имѣетъ поэтому болѣе высокую мѣновую стоимость, чѣмъ простая рабочая сила. Но если стоимость этой силы и выше, то она проявляется и въ трудѣ также болѣе высокаго качества, и воплощается поэтому въ теченіе одного и того же времени въ стоимостяхъ, имѣющихъ сравнительно большую величину» (Капиталъ, т. I, стр. 151).

Сложный трудъ на извѣстной ступени перестаетъ быть трудомъ механическаго (въ широкомъ смыслѣ) исполненія и становится трудомъ руководства, управленія, завѣдыванія всѣмъ общественнымъ трудомъ. Это именно трудъ привиллегированныхъ наемниковъ капиталистическаго строя, трудъ «интеллигенціи», арміи умственныхъ рабочихъ. «Высокой мѣновой стоимостью» онъ обладаетъ потому, что въ его

(* Такое заключеніе позволяетъ прямо сдѣлать между прочимъ примѣчаніе на стр. 151, 125, I — го тома «Капитала».

мѣновой стоимости заключаются «издержки на образованіе и обученіе». т. е. на вознагражденіе воспитателей и на содержаніе воспитанниковъ.

Капиталистическое общество пользуется для подготовленія необходимыхъ ему интеллигентныхъ силъ своимъ специальнымъ фондомъ, «чистымъ доходомъ націи», общей суммой національной прибавочной стоимости. «Чистый доходъ» буржуазнаго общества находится въ рукахъ буржуазныхъ семей въ видѣ ихъ наслѣдственной собственности. Каждое поколѣніе привиллигерованныхъ наемниковъ, интеллигенціи поглощаетъ во время своего воспитанія извѣстную сумму національной прибавочной стоимости. Такимъ образомъ они становятся «высоко квалифицированной рабочей силой», силой «высшаго качества», «высшей мѣновой стоимости». Это значитъ: *именно въ силу того, что они поглотили извѣстную сумму прибавочной стоимости, они* по логикѣ строя, грабежа *пріобрѣтаютъ право и далѣе взымать, подъ видомъ платы за воспитаніе, неоплаченный продуктъ чужого труда, труда пролетарія.* И все это плата за ихъ *индивидуальныя* способности! Присвоенную подъ видомъ вознагражденія за трудъ « высшаго качества» прибавочную стоимость буржуазное общество передаетъ своему потомству, и величайшее богатство человѣчества — знанія, наука — дѣлается наслѣдственной монополіей привиллегированнаго меньшинства. *Только члены этого наслѣдственнаго привиллегированнаго меньшинства могутъ быть силой «высшаго качества», всѣ же остальные милліоны владѣютъ наслѣдственной монополіей рабскаго ручнаго труда.* Только въ средѣ наслѣдственной буржуазной монополіи могутъ рождаться таланты, мыслители, изобрѣтатели. Для того, чтобы наслѣдственная монополія могла «справедливо» реализовать свои собственныя «особыя индивидуальныя знанія и способности», у пролетаріата ограбили не только наслѣдіе всѣхъ вѣковъ, но и его способность пользоваться нормальнымъ образомъ своимъ естественнымъ органомъ — мозгомъ.

Классовой интересъ привиллегированныхъ наемниковъ, какъ бы сильно они не увлекались въ своей борьбѣ съ «промышленнымъ феодализмомъ», «соціалистическими планами», повелѣваетъ охранять частную наслѣдственную собственность. Родбертусъ, начертавшій замѣчательный планъ коммунистическаго строя съ классовымъ господствомъ «участниковъ національнаго дохода» надъ создающими его трудящимися классами, достигаетъ этой основной цѣли своего классоваго интереса, удерживая «священую для всякаго строя» наслѣдственую семейную собственность.

Соц.-д-іе принципы спокойно допускаютъ въ организованномъ ими пролетарскомъ движеніи наличность общественной силы — классоваго интереса умственныхъ рабочихъ — которая по самой своей природѣ не можетъ стремиться къ уничтоженію классового строя. Эти силы и удерживаютъ пролетаріатъ отъ непосредственнаго стремленія къ соціальному перевороту, поучая его, что для конечнаго освобожденія, которое пока немыслимо, нужно еще продолжительное политическое воспитаніе рабочаго класса.

Въ угоду этой силѣ соц.-д.-ія является революціонной только тамъ гдѣ нужно бороться за политическую свободу. Если въ Германіи абсолютизмъ ужъ слишкомъ грубо напомнитъ о своемъ существованіи

или если у соц.-д.-аго оппортунизма появится ужъ слишкомъ безстыдное стремленіе примириться даже съ абсолютизмомъ, то Каутскій, припоминая красное словечко — «диктатура пролетаріата» — отрицаетъ всякія національзаціи на почвѣ современнаго строя Германіи и откладываетъ ихъ до «диктатуры». Стало быть онъ какъ будто все еще такъ непримиримъ, что при существующемъ государствѣ отрицаетъ возможность какого либо соціалистическаго строительства Но въ европейскихъ демократіяхъ соц-д-ія стоитъ безпрекословно за законное достиженіе цѣли, прекращаетъ всякіе разговоры о диктатурѣ, формулируетъ свое соціалистическое дѣло совмѣстно съ крайними радикалами, какъ дѣло *государственнаго* соціализма, какъ «постепенное» обобществленіе средствъ производства по мѣрѣ того, какъ концентрація капиталовъ сдѣлаетъ это возможнымъ (формулировка Мильерана 96г.) и нисколько не смущается, что этимъ будетъ усиливать господствующій классъ. И Каутскій не смущается: онъ увѣряетъ, что въ демократіи господствуетъ... народъ. Въ Англіи соц.-д.-ты тоже стоятъ за мирное достиженіе цѣли безпрекословно. Но этимъ они лишь усиливаютъ фабіанцевъ, наиболѣе рѣзко защищающихъ «мирный способъ», формулирующихъ соціалистическое дѣло, какъ стремленіе «передать въ общественное управленіе тѣ промышленныя предпріятія, которыми въ настоящее время обществу удобно завѣдывать». Но того же самаго въ формѣ проэктовъ «перевода въ государственную и муниципальную собственность наиболѣе рентирующихъ предпріятій» требуютъ и буржуазные радикалы, совсѣмъ не желающіе называть себя соціалистами. Наконецъ, такіе же самые радикалы держатъ въ своихъ рукахъ управленіе Швейцаріей и готовы перевести цѣлый рядъ отраслей промышленности въ государственную собственность, конечно не ради того чтобы проложить ступени къ новому строю, *а ради собственнаго господства,* которое, какъ хорошо чувствуютъ швейцарскіе рабочіе, нисколько не мягче господства капиталистовъ.

Итакъ соц.-д.-ія откладываетъ *соціалистическое дѣло* до поры завоеванія демократіи. Но въ демократіи оно переходитъ у нея въ «постепенное, по мѣрѣ возможности, обобществленіе» и въ государственный соціализмъ, отдѣльныя стороны котораго осуществляютъ буржуазные радикалы въ формѣ *выкупа* «наиболѣе рентирующихъ предпріятій«, выкупа, производящагося, конечно, для *укрѣпленія господства буржуазіи.* Такъ въ соціальдемократической дѣятельности улетучивается пролетарскій соціализмъ Пролетаріатъ, конечно, не желаетъ выкуповъ: его освобожденіе требуетъ экспропріаціи буржуазіи во всѣхъ ея владѣніяхъ и привиллегіяхъ. *Но до тѣхъ поръ пока онъ думаетъ въ сотрудничествѣ съ интеллигенціей «экспропріировать» «небольшое число капиталистовъ и крупныхъ земельныхъ собственниковъ» — до тѣхъ поръ онъ никого не экспропріируетъ.* Мнимый союзникъ, хорошо зная, что экспропріація буржуазіи разъ начатая пролетаріатомъ, закончится экспропріаціей его самого, только и дѣлаетъ, что всѣми силами удерживаетъ пролетаріатъ отъ всякаго приготовленія къ экспропріаціи.

Приложеніе

МАЙСКАЯ СТАЧКА

Воззваніе

(Апрѣль 1902 года)

Уже нѣсколько лѣтъ начало мая каждаго года причиняетъ русскому правительству неисчислимыя заботы. Въ эти дни рабочіе готовятся бунтовать. Нужно стало быть защищать отъ нападенія рабочихъ массъ богатство, созданное вѣками и заграбленное господствующимъ обществомъ; нужно охранять праздность, роскошь и развратъ богачей; охранять жирные оклады чиновниковъ, многотысячные доходы всѣхъ правящихъ и ученыхъ людей; нужно защищать все тунеядство образованнаго буржуазнаго общества, выкармливаемаго такъ тучно руками рабочаго класса, въ то время когда по городамъ и деревнямъ Россіи гибнутъ голодною смертью сотни тысячъ людей.

За рабочими волненіями, за рабочимъ движеніемъ вообще, зорко слѣдитъ все буржуазное общество. Не только жандармы и прокуроры, но и ученые профессора и писатели изслѣдуютъ, какія изъ мыслей и стремленій рабочаго подлежатъ истребленію, какъ «преступныя», т. е. вредныя для существованія построеннаго на грабежѣ современнаго общества. Они старательно взвѣшиваютъ, что можно разрѣшить рабочимъ, не подвергая опасности столь сладкой для эксплуататоровъ неволи рабочихъ массъ.

За рабочимъ движеніемъ зорко слѣдятъ и пользуются имъ какъ средствомъ для своихъ цѣлей тѣ слои образованнаго общества, которые при русскомъ самодержавномъ строѣ не допускаются до полнаго господства въ странѣ, до всѣхъ высшихъ должностей власти; пользуются рабочимъ движеніемъ тѣ массы непристроившейся интеллигенціи, которая видитъ, сколько можно было бы выстроить въ громадномъ русскомъ государствѣ прибыльныхъ и тепленькихъ мѣстечекъ, способныхъ накормить по барски всѣхъ страдающихъ интеллигентовъ, и не устраивающихся однако только вслѣдствіе невѣжественнаго управленія жандармовъ и поповъ. Интеллигенція наблюдаетъ за рабочимъ движеніемъ и съ нетерпѣніемъ спрашиваетъ, когда же наконецъ рабочій народъ своею борьбою выстроитъ для нея тотъ рай, которымъ давно пользуется образованное общество Западной Европы.

Къ I мая, т. е. ко дню, когда рабочіе всего міра задумываются и обсуждаютъ свое положеніе, они получаютъ со стороны образованнаго общества всевозможные совѣты.

I Мая, говорятъ почтенные соціалистическіе ученые, есть праздничный день, который рабочіе въ своихъ товарищескихъ обществахъ должны проводить въ торжественномъ настроеніи, думая о томъ отдаленномъ днѣ, когда не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни капиталистовъ, ни рабочихъ. Этимъ соціалистическимъ ученіемъ, которое совѣтуетъ рабочимъ въ день борьбы молиться, буржуазія такъ же довольна, какъ были довольны когда то дворяне проповѣдью поповъ о томъ, что крѣпостной рабочій людъ за нужду, страданія и помѣщичьи плети будетъ вознагражденъ богомъ въ загробной жизни.

Въ день I мая, говоритъ русская революціонная интеллигенція, рабочіе должны устраивать повсюду политическія демонстраціи противъ самодержавнаго правительства; должны требовать, чтобы государство управлялось по волѣ всего народа, свободно выбирающаго своихъ правителей, какъ это происходитъ на Западѣ, гдѣ народъ правитъ самъ.

Хорошая сказка! Еще полвѣка тому назадъ французское правительство, выбранное «по волѣ всего народа», безъ самодержавнаго царя, безъ наслѣдственнаго монарха, демократическое, республиканское правительство показало, что умѣетъ избивать рабочихъ далеко не хуже самодержавнаго. Это правительство, «выбранное свободно народомъ», перебило на улицахъ Парижа въ 4 дня не одинъ десятокъ тысячъ рабочихъ. Въ той же Франціи другое республиканское правительство такую же рѣзню повторило лѣтъ двадцать спустя. И современныя демократическія правительства, выбранныя всѣмъ народомъ, какъ французское, англійское, сѣверо-американское умѣютъ, конечно, разстрѣливать бунтовщиковъ рабочихъ, чтобы заставить ихъ вспомнить о томъ, что они рабы.

Нѣмецкіе рабочіе лѣтъ тридцать тому назадъ съ величайшимъ воодушевленіемъ приступили къ выборамъ въ правящій Германскій парламентъ своихъ соціальдемократическихъ депутатовъ. Эти депутаты обѣщали тогда немедленно и окончательно освободить рабочій классъ, лишь только рабочіе выберутъ ихъ въ большемъ количествѣ. И вотъ, въ настоящее время, послѣ того какъ нѣмецкіе рабочіе, напрягая всячески свои силы и собирая свои гроши, выбрали своими депутатами нѣсколько десятковъ человѣкъ, эти соціалдемократическіе, эти рабочіе депутаты начинаютъ объяснять, что невозможно приступить теперь къ освобожденію рабочаго класса, что на землѣ произошли бы величайшія бѣдствія, еслибы рабочій классъ вдругъ побѣдилъ и захватилъ въ свои руки власть.

Французскіе рабочіе послѣдовали недавно въ своей политикѣ примѣру нѣмецкихъ. И вотъ они уже дождались такихъ своихъ «представителей», изъ которыхъ вышелъ вѣрнѣйшій слуга французской буржуазіи и лучшій другъ русскаго жандармскаго правительства, министръ Миллеранъ, допускающій безъ колебаній распоряженія о разстрѣливаніи рабочихъ.

Итакъ, даже если рабочіе выбираютъ въ правительственныя учрежденія своихъ соціальдемократическихъ представителей, то изъ этихъ представителей мало по малу выростаютъ не освободители рабочаго класса, а его новые господа. Почему это?

Во всемъ мірѣ, существуетъ ли въ странѣ самодержавное правительство, или же «правительство выбранное народомъ», законъ гласитъ не волю народа, а волю заграбившаго всѣ земныя блага господствующаго общества. Это общество, владѣя всѣми матеріальными богатствами, владѣетъ поэтому и всѣми человѣческими знаніями, которыя для всего рабочаго народа оно дѣлаетъ недоступною тайною. Рабочему классу по законамъ грабителей полагается только *народное* образованіе, т. е. невѣжество въ сравненіи съ господствующимъ ученымъ міромъ. По этимъ законамъ грабежа громаднѣйшее большинство человѣчества приговорено рождаться рабами, начинать съ малолѣтства каторгу физическаго труда, приговорено выростать изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ низшая необразованная расса людей, способная только къ физическому труду, къ механическому исполненію приказаній господъ; господа же, заграбивъ всѣ средства, воспитываютъ всѣхъ своихъ дѣтей,—сколько ни будетъ тупѣйшихъ головъ въ ихъ числѣ,—въ высшую рассу призванную править.

При такихъ грабительскихъ законахъ, назначаютъ ли управляющихъ въ странѣ самодержавный царь, выбираетъ ли ихъ народъ,— и въ томъ и другомъ случаѣ правительство состоитъ изъ интеллигентовъ, которые умѣніе управлять передаютъ въ наслѣдство только своему потомству, оставляя для большинства человѣчества рабскій, каторжный физическій трудъ. Уничтожить это состояніе, въ которомъ милліоны еще до рожденія обречены на невѣжество и рабскій трудъ,

упразднить правительство выражающее этотъ законъ, законъ грабежа и человѣческой неволи, сможетъ лишь всемірный заговоръ рабочихъ, всеобщее въ единодушной забастовкѣ возстаніе рабочаго класса, когда это возстаніе вырветъ богатства созданныя вѣками изъ рукъ господствующаго образованнаго общества и отдастъ во владѣніе всѣхъ, объявляя каждое человѣческое существо равноправнымъ наслѣдникомъ всѣхъ человѣческихъ богатствъ и знаній.

Увѣренія же въ томъ, что рабочему классу достаточно упразднить самодержавную власть и завоевать всеобщее избирательное право, для того чтобъ имѣть возможность участвовать въ управленіи государствомъ,—есть старая сказка, тысячу разъ повторяемая всевозможными буржуазными политиками—обманщиками.

Рабочіе, обсуждая вопросъ о томъ, какъ устроить І-ое Мая, не могутъ довѣрять наукѣ, не могутъ довѣрять революціонной интеллигенціи и ея безчисленнымъ листкамъ, которые въ настоящее время только и дѣлаютъ, что громко и нахально повторяютъ эту старую сказку.

Но вѣдь, говорятъ, у русскихъ рабочихъ есть во всѣхъ большихъ городахъ соціальдемократическіе комитеты. Неужели и эти комитеты, въ составъ которыхъ входятъ и сознательные рабочіе, не указали вѣрнаго пути для пролетарской борьбы?

Соціальдемократическіе комитеты подготовляютъ рабочихъ организаторовъ и агитаторовъ, подготовляютъ каждый годъ первомайскій праздникъ, въ многочисленныхъ листкахъ призываютъ рабочихъ выступить смѣло въ этотъ день на борьбу. Но когда въ отвѣтъ на эти призывы рабочіе вдругъ поднимутся цѣлыми массами, какъ въ Петербургѣ въ прошломъ году, или цѣлымъ городомъ, какъ былотри года назадъ въ Ригѣ, и въ шумныхъ стачкахъ выставляютъ свои дѣйствительно рабочія требованія,—тогда на мѣстѣ борьбы не видно никакихъ соціальдемократическихъ агитаторовъ и организоторовъ, ни одинъ комитетъ и не подумаетъ о томъ, чтобъ распространять вспыхнувшую забастовку, увеличивать силу поднявшихся массъ, у с и л и в а т ь *р а б о ч і я* т р е б о в а н і я.

Вотъ когда въ февралѣ прошлаго года полиція на Казанской площади побила студентовъ и петербургскую интеллигенцію, тогда всѣ соц-дем-іе листки и газеты въ одинъ голосъ закричали, что послѣ такого возмутительнаго безобразія рабочіе обязаны выступить немедленно на улицу и безъ всякихъ разсужденій идти подъ пули и штыки. Понятно! Слыханное ли дѣло? На Казанской площади били благовоспитанную публику, приличную публику, а не какую то чернь, способныхъ къ буйствамъ стачечниковъ, какъ въ Ригѣ...

На улицахъ Риги не просто колотили нагайками и прикладами, какъ теперь раздѣлываются со студентами и интеллигенціей, а перестрѣляли и перекололи болѣе полусотни рабочихъ. Но такъ какъ тамъ люди гибли за рабочее дѣло, а не за дѣло близкое сердцу интеллигенціи, то соц-дем-іе комитеты не считали нужнымъ подымать по всей Россіи такой шумъ, какой они подымаютъ теперь изъ-за студентовъ. Ни одному соц-дем-ому комитету и въ голову не пришло призвать рабочихъ другихъ городовъ къ возмущенію противъ звѣрской расправы и рѣзни рабочихъ въ Ригѣ, къ отвѣту на насиліе еще большимъ повсемѣстнымъ бунтомъ, какъ проповѣдуютъ это теперь...

Такія бурныя стачки, какъ Рижская, соц-дем-іе комитеты, свысока называютъ стихійными волненіями безсознательныхъ невѣжественныхъ массъ, считаютъ ихъ дѣломъ ненужнымъ и безполезнымъ и во время такихъ массовыхъ волненій совѣтуютъ обыкновенно своимъ сознательнымъ рабочимъ быть спокойными, сидѣть по домамъ.

Итакъ, когда обижаютъ образованныхъ людей, ты, рабочій, долженъ возмущаться до такой степени, что хоть сейчасъ бомбы бросай; когда же разстрѣливаютъ въ массовыхъ стачкахъ рабочихъ,—сиди спокойно и призывай къ спокойствію... Такъ разсуждаютъ соціалдемократическіе комитеты, *представители рабочаго класса*..

Если еще недавно эти «представители» начинали свою работу такъ называемой экономической борьбой т. е. устраивали стачки за уменьшеніе тяжести фабричнаго труда и увеличеніе заработной платы (проявляя въ этой борьбѣ необыкновенную осторожность и умѣренность, конечно), то теперь они, не стѣсняясь, поясняютъ старымъ русскимъ революціонерамъ и всей интеллигенціи, что *эту* борьбу они вели не ради ея самой, а для того, чтобъ *заинтересовать* рабочихъ въ политикѣ и *вовлечь* ихъ въ борьбу, для того, чтобъ въ настоящее время студенты имѣли въ рабочихъ своихъ горячихъ защитниковъ, чтобы все либеральное общество въ своей ссорѣ съ царемъ имѣло за собою народныя массы (такъ напр. объясняетъ задачу русской соц.-дем.-ой партіи основатель ея—Плехановъ).

Съ прошлаго года всѣ соц-дем-іе комитеты начали утверждать, что теперь время не экономической, а политической борьбы. Всѣ вновь учреждаемые комитеты, какъ напр. сибирскіе не думаютъ даже начинать съ экономической борьбы, а призываютъ рабочихъ прямо къ политической демонстраціи. Они полагаютъ, что, не выбросивъ рабочему даже того гроша, что бросали раньше, они могутъ посылать его подъ штыки и пули за дѣло интеллигенціи.

Прошлогодній съѣздъ еврейскихъ соц-дем-скихъ комитетовъ рѣшилъ, что въ экономическомъ отношеніи рабочій уже получилъ почти все, что ему можно было дать и потому въ настоящее время нужно вести политическую борьбу и осуществить всѣ мечты еврейской интеллигенціи, т. е. сдѣлать доступными для нея всѣ высшія должности въ государствѣ, всѣ тѣ мѣста, и жирные оклады, которыхъ она, вслѣдствіе своего неравноправія, получать не можетъ.

Петербургскій комитетъ по поводу обуховской стачки извѣщаетъ, что въ настоящее время по всей Россіи кризисъ, что сами хозяева находятся въ затрудненіи, и что поэтому рабочіе, остающіеся безъ работы должны оставить экономическую борьбу и заняться политикой. Значитъ, тогда, когда рабочіе гибнутъ съ голоду и ищутъ хлѣба, они должны только требовать, чтобы правителрство не угнетало интеллигентовъ и всѣхъ ихъ поставило на полагающихся имъ по законамъ грабежа почетныхъ мѣстахъ.

Когда въ прошломъ году рабочіе стали помогать студентамъ, возликовало все русское образованное общество, ибо оно рѣшило, что съ этого времени рабочіе будутъ помогать ему совершенно даромъ. Вся революціонная интеллигенція сдѣлалась вдругъ соц-дем-ской, понявъ, что это ученіе построено сообразно ея стремленіямъ. Оно неустанно твердило о невозможности въ Россіи пролетарской революціи *только для того*, чтобы русская интеллигенція, могла устроить свою буржуазную революцію, а рабочіе служили бы лишь пушечнымъ мясомъ. Теперь интеллигенція увѣрена, что это ея дѣло налаживаетея. Соц-дем-іе комитеты уже давно издали соотвѣтственныя распоряженія. Рабочимъ не слѣдуетъ въ день I мая затѣвать стачекъ для облегченія труда, а нужно устраивать демонстраціи «рѣзко политическаго характера», уличныя шествія со знаменемъ, на которомъ начертано: «долой самодержавіе». Когда все-таки петербургскіе рабочіе устроили въ маѣ рядъ стачекъ и цѣлыя недѣли упорно дрались съ полиціею и войсками, петербургскій комитетъ остался въ высшей степени недоволенъ. Ясно, что рабочіе будутъ устраивать І-ое Мая наперекоръ всѣмъ комитетамъ за *свое* дѣло.

«Сознательные» рабочіе! Вы, которые участвуете въ соц.-д.-ихъ комитетахъ, отбросьте басни, которыми умъ вашъ опутала фарисей-

ская наука, басни о «незрѣлости» промышленности и пролетаріата для соціализма, объ «узкихъ и несоціалистическихъ интересахъ рабочаго» и о «возвышенныхъ идеяхъ» интеллигенціи; отбросьте эти басни хоть на минуту и вы услышите мощный голосъ рабочихъ массъ, громко раздающійся въ маѣ каждаго года. Вы поймете, что наука говоритъ лишь то, что нужно образованному обществу для господства надъ пролетаріатомъ, а что нужно рабочему, знаютъ прежде всего сами рабочіе *массы*. И вы дослушаете голосъ этихъ массъ до конца, ибо онѣ говорили не разъ, говорили въ такое время, когда на нихъ направлялись штыки и пули.

День I Мая, говорятъ эти массы, не есть день возмущенія противъ самодержавія за то, что оно не допустило еще до управленія всего образованнаго буржуазнаго общества. Майская борьба есть возмущеніе противъ того рабства, въ которомъ вы еще до рожденія, обречены на голодовки, невѣжество, каторжный трудъ и безропотную службу у ученаго міра; возмущеніе противъ грабежа, по которому только все потомство владѣющихъ классовъ является наслѣдникомъ человѣческихъ богатствъ и знаній, и всякій идіотъ изъ нихъ является вашимъ господиномъ.

Эти же невышколенныя соціалдемократами рабочія массы, которыхъ вы считаете ничего не понимающими, выбираютъ путь борьбы такъ вѣрно, что, въ сравненіи съ нимъ, всѣ выдумки ученыхъ людей о «путяхъ освобожденія пролетаріата» являются очевиднымъ обманомъ.

Рабочія массы въ день перваго мая не бѣгутъ на демонстрацію охранять знамя интеллигента. Онѣ ставятъ требованія смягченія условій труда, и ставятъ ихъ съ тѣмъ, чтобы ихъ удовлетворили *немедленно*. Онѣ не «демонстрируютъ въ пользу» сокращенія рабочаго дня, какъ выдумала соц.-д.-ая интеллигенція для того, чтобы дать возможность отвѣчать на требованія рабочихъ обѣщаніями, надувать ихъ, какъ надуваютъ ихъ всегда въ теченіи десятковъ лѣтъ, обѣщая каждый годъ провести черезъ парламентъ 8-ми часовой рабочій день.

Рабочія массы ставятъ требованія не потому, что дѣла ихъ хозяевъ удачны или неудачны, а потому что почувствовали себя людьми и возмущаются противъ своего рабскаго положенія. И поэтому необученныя интеллигенціею массы понимаютъ, что ихъ дѣло не въ умной политикѣ, не въ законныхъ основаніяхъ, а въ *силѣ и численности* возмутившихся, что требованія будутъ тѣмъ сильнѣе и выше, чѣмъ шире стачка. И потому рабочія массы употребляютъ въ борьбѣ то безошибочное средство, до котораго соц.-д.-іе программы никогда не додумаются. Онѣ первымъ дѣломъ *расширяютъ* стачку. Бросивъ работу на своей фабрикѣ, идутъ массою въ сосѣднюю, чтобы и ее остановить. Такъ подымаются цѣлые города.

«Революціонная» интелигенція понимаетъ, что распространеніе такой борьбы на все государство означаетъ начало пролетарской революціи. А такъ какъ это упразднитъ не только жандармовъ, не только капиталистовъ, но отниметъ имущество у самой интеллигенціи, то ей не остается ничего другого, какъ назвать такія волненія «дикими взрывами черни» и надѣяться, что царскіе штыки сумѣютъ эту чернь успокоить.

Но отъ васъ «сознательные» рабочіе, рабочія массы ожидаютъ другого. Указывая на тѣ мертвыя тѣла, которыми изъ году въ годъ онѣ покрываютъ улицы то одного, то другого города, онѣ давно призываютъ васъ оставить интеллигенцію и ея планы буржуазной революціи и работать для *рабочаго дѣла*, *для повсемѣстнаго заговора рабочихъ*, *для майской всеобщей забастовки*.
